ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1959 год 12

Этот год для миллионов советских школьников был годом радостного приобщения к труду старших. Закон об укреплении связи школы с жизнью вступил в силу. Теперь сама школа помогает ребятам в том, о чем каждый из них мечтает, к чему каждый стремится. Она учит труду.

Сколько счастья доставляет первая трудовая победа! Первая нарезанная гайка, первый выточенный болт, первый сколоченный табурет... Вещи, которые родились под твоей рукою! Они входят в строй общих побед минувшего года, о которых ты прочтешь на следующих страницах.

1959

ПИОНЕР

Год издания 36-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

УРА, КАНИКУЛЫ!

На коньки! На лыжи!

А чем еще заняться?

Построй снежный форт.
Отправляйся ловить рыбу.
Испеки вкусный пирог.
Сшей себе платье.
Устрой птичью столовую.

Если же ты не знаешь, как это сделать, открывай журнал. В нем ты найдешь много полезных советов человеку на каникулах.

ДЕКАБРЬ
№12
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"
1959 год

У мыса трех братьев

Анатолий ВАСИЛЕВСКИЙ

Рисунки П. Кузьмичева.

Сега молча плелся за отцом, глядя в его широкую спину. Отец, тяжело ступая, погружал большие рыбацкие сапоги в грязный мокрый снег — только брызги разлетались.

Отец у Сеги — рыбак, по всему побережью известный. Знает он, когда и где невод поставить, чтобы в него много рыбы пошло. Каждую повадку рыбью знает. Непростое это дело — рыбачить!

Каждую весну, как только наступает путина, Сега просится на промысел, а в ответ слышит одно и то же: «Мал еще!» Уж на что мать, и та отцу сколько раз говорила:

— Взял бы с собой парня, не все ж ему рыбешку перебирать! Женская это работа.

— Погоди, мать! — строго отвечал отец.— Придет пора — возьму. Сам вижу, до рыбьего промысла у него охота.

Сергей и вправду каждое лето во время каникул с утра до вечера пропадал на комбинате. Работы в горячую путинную пору много. Когда рыбаки заваливали консервный завод уловами, все выходили на помощь: и мать Сергея и он, Сега. Только хотелось ему рыбачить по-настоящему, рыбу ловить так, как отец. А еще лучше уйти бы Сеге на сейнере в открытое море, как дядя Митя. Вот это судно — сейнер! Красавец! Там, как на настоящем пароходе: и радиолокатор, и эхолот, и какой только там техники нет! Он и в экспедицию ходит. Селедку ловит на Сахалине. На таком бы поплавать!

В прошлом году Сега окончил шестой класс. Отец похвалил:

— Молодцом, брат! Теперь без грамоты далеко не пойдешь! Даже в нашем, рыбацком деле. Понял? Учись — капитаном станешь.

Отцу не пришлось много учиться, но он всегда старается поглубже изучить свое дело. Придет, бывает, домой, молча фуфайку свою просаленную повесит и не успеет еще сапоги скинуть, а Сергей уже знает: что-то у отца не ладится. И не спрашивай у него ничего: все равно никакого разговора не получится. А бывает и так: только отворит дверь отец и сразу:

— Ну, Сега, как дела твои в школе?

Значит, на промысле удача и все в порядке у отца. Веселее становится и у Сеги на

душе. В такие вечера они подолгу засиживаются с отцом. Отец все рассказывает про разные случаи на рыбной ловле или про то, как невод по-новому поставили и какой улов взяли.

Сегодня с утра у Сегиного отца настроение было хмурое, как и сам день. Шел снег. Белые хлопья мягко опускались на плечи и тут же таяли, оставляя на полушубке мокрые пятна. Уткнувшись носом в высокий лохматый воротник, Сега шел и думал: «Неужто опять не возьмет? Небось, задумал невод ставить! Иначе зачем бы ему идти на берег?»

Так шли они молча, пока не спустились к самой воде. Серое и неприветливое море гнало на горбатых волнах куски битого льда. Лед громоздился в причудливые горы, потом вдруг рушился и тонул в синеве воды, снова всплывал и снова громоздился.

Остановившись у большого вытащенного на сушу кунгаса, рыбак и его сын вглядывались в легкую испарину над холодной водой. Теперь у Сеги не было сомнений: отец пришел проверить, не пора ли ставить невод. И в прошлые годы он ставил первым на комбинате.

— Батя, а может, нынче возьмешь? — протянул Сега и потоптался на месте.

— Что? — переспросил отец, будто не расслышал, и подошел ближе к воде.

— На путину возьмешь? — тихо сказал Сега и потянул отца за рукав.

— Обойдется пока... Твое дело — знай учись... Я про другое... Невод ставить пора? Как думаешь?

Сега обрадовался: отец у него совета спрашивает!

— Пора, право, пора. А то упустим рыбу.

Отец постоял еще немного и, повернувшись, зашагал в сторону комбината.

В небольшой комнатушке начальника ловецкого цеха было много народу. Всех, кто тут сидел, Сега хорошо знал: это были рыбаки и капитаны сейнеров. Все говорили о путине.

— Хочу завтра невод выставлять. Давайте разрешение,— с порога сказал Сегин отец, стряхивая с плеч мокрый снег.

— Ты что, Григорий, в своем уме? — загудели в один голос рыбаки.

— Еще лед не сошел,— поднялся из-за стола начальник ловецкого цеха.— Разве можно?

— Можно! Не ждать же у моря погоды...

Начальник махнул рукой:

— К чему торопиться?

— К чему торопиться? — переспросил отец.— К тому, чтобы рыбу не упустить.

— Рыба, рыба!.. А невод? В такую заваруху и трос и невод порвет в клочья, а это, Сомов, не рублевая штучка!

— Не понимаю, что ли? — твердо прозвучали слова отца.— Ты вон ему рассказывай! — Он кивнул на Сегу.— А я знаю, за что я в ответе...

От последних слов Сега сильно покраснел. Но тут же он услышал слова начальника:

— Ну, ладно. Давай, Сомов. На твой опыт надежда...

В сетепосадочной Сега, как заправский рыбак, оглядел огромный невод, давно готовый к промыслу. Тонкие и толстые тросы, наплава, свежепросмоленная дель пахли приятно и привычно. От этого запаха щекотало в носу. Сеге хотелось чихнуть, но как можно? Еще подумает отец, что он, Сега, непривычный, не возьмет на промысел.

Домой вернулись поздно. Мать давно уже приготовила ужин.

— Куда это вы запропастились, рыбаки-то мои? — шутливо приговаривала она, собирая на стол.— Умаялась уже подогревать. Все, думаю, к горяченькому поспеют...

— А мы завтра невод ставим! — радостно объявил Сега.

— Мы пахали...— Отец покосился на Сегу, подвигая миску горячей ухи.

И Сеге от этих слов снова стало грустно.

Спать легли сразу после ужина. Отцу надо было хорошо отдохнуть. Мать еще долго возилась на кухне, собирая нехитрое отцовское хозяйство. За долгие годы жизни она уже привыкла к таким сборам, знала, что понадобится мужу на промысле и в добрый день и в непогоду.

Сега долго ворочался в своей постели. Он прислушивался к ровному дыханию отца и все думал про завтрашний день. Рядом на стене мерно тикали «ходики», все тише становились шаги матери. У Сеги слипались глаза.

Проснулся Сега от скрипа половиц. Над самым ухом раздался негромкий голос отца:

— Вставай, Сега! Подсобишь малость. Вставай, чуешь?

Сега непонимающими глазами смотрел вокруг, и отец снова потрепал Сегу своей большой жесткой ладонью.

— А еще рыбаком хошь быть! Вставай, путину открывать будем!

Сега вскочил.

— Тише ты! — шикнул отец.— Мать разбудишь. Она-то ночь не спала. Глянь, рыбак, все тебе собрала...

У кровати стояли промазанные жиром сапоги, на табуретке лежало теплое белье, стеганые штаны и телогрейка, а поверх всего — добротные шерстяные носки и байковые портянки. «Значит, берет отец!» Сегино сердце часто-часто забилось, и он поспешно, боясь, что опоздает, стал натягивать одежду.

Из дому вышли тихо. На плечах отвисали туго набитые вещевые мешки. У рыбаков ведь так: уходишь на день, бери с собой на десять. Мало что может случиться в море!

Когда в свете одиноких ночных лампочек подошли к широкому причалу, Сега увидел знакомый маленький катер — «жучок» — и

кунгас, загруженный неводом. Бригада была уже в сборе.

Отец проворно вскочил на палубу, за ним перебрался Сега.

— Отваливай! — скомандовал отец.

Шкипер, как показалось Сеге, не больше чем на три — четыре года старше его, несколько раз повел ручкой машинного телеграфа, и где-то внизу под палубой зазвенело. Сега знал: это дан сигнал в машину для отхода. Сразу же заработала машина, катер вздрогнул, один из рыбаков сбросил на палубу швартовы , и «жучок» тихонько, чтобы не побить кунгас, стал разворачиваться.

Открытое море... Вот оно лежит перед Сегой в предутренней мгле, темное, тяжелое. Оно совсем не похоже на вчерашнее, сердитое, покрытое острыми льдами. Ветер тянул с юга, теплый и мягкий, пробивался сквозь смотровое окно рулевой рубки, пробегал по Сегиному лицу, и от этого у Сеги на душе становилось весело-весело.

К скалистому мысочку Трех Братьев, где собирались ставить невод, катер подошел уже засветло. Издали было видно рыбацкое жилье, какие-то бревна, доски, припорошенные мягким, искристым снегом.

Как только катер уткнулся в песчаный берег и поставил рядом кунгас, Сегин отец распорядился:

— Первым делом с жильем управимся, а главное, успеть с центральным тросом, завести надо. Глядишь, к вечеру и раму поставим.

Рыбаки взялись ремонтировать на пустынном берегу жилье, застучали топорами. Стали вкапывать в землю «мертвяк» — толстое бревно, оно будет держать центральный трос вместе с неводом. Старый рыбак Егорыч следил, чтобы все делалось ладно и крепко. Сега вместе с отцом готовил шлюпку: нужно было протянуть на триста метров от берега толстый трос и сбросить на дно три тяжелых «пикуля» — так называют рыбаки кули с грузом: они будут вроде якорей.

У Сеги на лбу выступил пот, он, как и все, снял с себя полушубок и остался в одной стеганке.

Поздним вечером все было готово. На следующее утро подвесили дель — самую сетку,— укрепили грузила, чтобы штормом или течением не относило ее в сторону, не забивало проход в ловушку.

Работали молча. Отец ни разу не прикрикнул на Сегу, и Сега считал, что не так уж плохо справляется со своими делами.

Только к вечеру, когда отец сказал, что теперь остается ждать, когда пойдет рыба, Сега почувствовал, как сильно он устал. Ломило спину, болели руки, а на ладонях вздулись большие волдыри. Но Сега и не думал жаловаться.

Подошел Егорыч.

— Ты отдохнул бы, хлопчик. Уморился, поди, с непривычки.

Как же он пропустит первый улов? Сега умоляюще посмотрел на отца.

— Ладно уж, пусть повахтерит,— сказал Егорыч,— не удержится — в шлюпке подремлет...

Отец забросил в шлюпку тулуп, достал из мешка краюху хлеба и кусок сала, кивнул Сеге:

— Давай в шлюпку! А всем — отдыхать!

— Гляди в оба, Григорий,— напутствовали рыбаки,— как-никак, первый улов!

— Утро вечера мудренее,— ответил отец и хотел было подхватить Сегу, но тот уже юркнул в шлюпку. Отец оттолкнул ее, вскочил, ловко вырулил веслами и крепко привязал шлюпку у входа в ловушку. Отсюда будет видно, как пойдет рыба.

Медленно тянулась холодная весенняя ночь. Сега, спрятав голову в теплый воротник полушубка, таращил глаза на воду и старался не думать про сон.

— Хошь рыбу увидеть, так не спи! — сказал отец.— Накось лучше поешь!— Большим рыбацким ножом отец отрезал ломоть хлеба, подал Сеге. Сега откусил и только теперь почувствовал, как сильно хочет есть. Сон прошел.

Так всю ночь просидели они в шлюпке, всматриваясь в темную глубину моря. Сега про себя думал: «Может, рано батя поставил невод? Смеяться будут на комбинате...»

Косые лучи утреннего солнца скользнули по воде, расплескали золотистые, оранжевые, синие черепки, заиграли в мелкой ряби, изредка пробегающей от слабого ветерка, обогрели Сегу.

— Рыба, батя, рыба! — не своим голосом закричал вдруг Сега.

Отец перевалился через борт шлюпки. Косяк плавно двигался вдоль крыла невода прямо в ловушку.

— Иди, иди, рыбка, большая и маленькая,— приговаривал возбужденный Сега.— Батя, а батя, может, бригаду поднять? Глянь, сколько рыбы!

— Угомонись, сынок! Поглядим, подождем... Чего зря людей будить?

Рыбы было много. Вскоре ловушка заполнилась до отказа, а рыба все шла и шла. Она металась в неводе, пытаясь найти выход, уйти из западни.

— Тут, брат, улов такой, что придется всем двигать на комбинат,— промолвил Сегин отец, нахлобучивая на лоб шапку.

— И мне?

— Не-е... Останешься тут: караулить будешь.

Только к обеду управились с рыбой. Забили ею кунгас, перегнали в садки. А рыбы было еще на один кунгас. Сообщили по телефону на комбинат:

— Принимайте улов. Нужны еще кунгасы. Рыба идет!

— Ну, Сега,— отец доверительно заглянул в Сегины глаза,— за главного здесь останешься, а мы повезем сдавать. В случае чего звони прямо на комбинат. Понял?

— Понял...— Сега улыбнулся.

Сега стоял на берегу, пока не скрылся из виду маленький катерок и загруженный до самого верху кунгас, потом медленно поплелся к жилищу.

К вечеру подул сильный северный ветер. Он взбудоражил море, погнал холодные водяные валы. На вершинах волн стали появляться острые льдины. Они собирались у берега, забивали трос, на котором держался невод. Сеге стало не по себе.

«Не порвало бы...» — с тревогой думал он, наблюдая, как дергает трос то в одну, то в другую сторону.

Пригибаясь, Сега бросился к рыболовецкому стану. Взял трубку и решительно покрутил рукоятку. Послышался чей-то голос. Сега громко закричал:

— Дяденька! Шторм! Поднимается шторм! Я один. Лед перетирает трос. Слышите, дяденька?

На другом конце провода, наверное, ничего не поняли и молчали, соображая, в чем дело. Сега хлопнул дверью и вмиг очутился у самой воды.

Море бушевало. Сега бегал по берегу, растерянный, испуганный. Он бросился к шлюпке, но с полпути вернулся, схватил топор, багор и снова метнулся к шлюпке, Но, зацепившись за что-то, растянулся на мокрой земле. Рукавицы отлетели в сторону, ладони больно ударились обо что-то твердое и холодное. Сега вскочил. Перед ним лежали грузила, те самые грузила, которые подвешивают рыбаки, если надо притопить сети.

«Притопить трос! — мелькнуло в голове.— Тогда лед пойдет верхом!»

Сега уже не слышал свиста ветра, не чувствовал боли в ладонях. Он стал решительнее и спокойнее. Поспешно перетаскав в шлюпку тяжелые грузила, он достал большой отцовский нож, приготовил крепкие концы веревки, сел в шлюпку. Свирепый ветер пытался унести ее в море, но Сега крепко прикрепил шлюпку к тросу. Она, как поплавок, прыгала на волнах. Растолкав багром льдины, Сега опустил руки в холодную воду, изо всех сил потянул трос на себя и подвязал грузило. Одно... второе... третье... Трос медленно погружался в воду.

— Ага! Пошел! Пошел! — Голос Сеги тонул в свисте ветра и скрежете льда. Сега торжествовал: он видел, как над притопленным тросом поползли льдины.

Сега налег на весла. Продвигаясь метр за метром по тросу, он все подвязывал и подвязывал грузила. Когда дошел до середины, стало легче. Льдины пошли мимо.

А в это время отец Сеги с рыбаками сдавали на комбинате последние центнеры рыбы. Сердце его тревожно сжималось и ныло.

— Дернуло меня взять малого на промысел! Что теперь там с ним?

Когда катер вышел в обратный путь, море уже покрылось пенными гребнями. То взбираясь на волну, то утопая в пучине, «жучок» упрямо двигался вперед. К вечеру усталые и промокшие до нитки рыбаки вернулись на стан.

Григорий Сомов, поднеся к глазам бинокль, напряженно вглядывался в берег. Сеги нигде не было. Не видно было и центрального троса.

— А центральный-то, братцы, оборвало! Не видать!

Первым вышел на берег Сегин отец. Широко распахнув дверь стана, он увидел Сегу. Сега лежал в сапогах и шубе на нарах, раскинув руки. Григорий Сомов кинулся к сыну и облегченно вздохнул. Бережно положил Сегу на правый бок, подложил под голову подушку. Потом встал, повернулся к рыбакам и сказал:

— Пошли, ребята!

У «мертвяка» наклонился, взялся за трос и скомандовал:

— А ну, беритесь!

Трое ухватились за канат, потянули на себя. Трос не поддавался.

— Не оборвало!— Сомов лукаво улыбнулся и показал на уходящий в воду трос.— Сегина работа! А?

— В отца,— вытер о полы своей фуфайки ладони Егорыч.— Сега — рыбак. Это точно!..

Год 1959

Е. ВЛАДИМИРОВА

Скоро наступит Новый год. Новому году везде почет и уважение. Его ждут, ему радуются, даже пишут с большой буквы! О бедняге старом годе почти не вспоминают. Он миновал, пройден. Но 1959 год особенный: это первый из семи братьев — первый год первой семилетки построения коммунизма. Он был полон событий, за которыми неотрывно следили люди на всем земном шаре, событий, которые волновали, изумляли и радовали человечество. Это был год побед, смелый, мужественный, наступающий год. Живя и работая в нем, наш народ сделал новые шаги к коммунизму. Давайте оглянемся на уходящий 1959 год!

Начался год внеочередным, Двадцать первым съездом Коммунистической партии Советского Союза. Съезд открылся 27 января. Вот на фото президиум съезда.

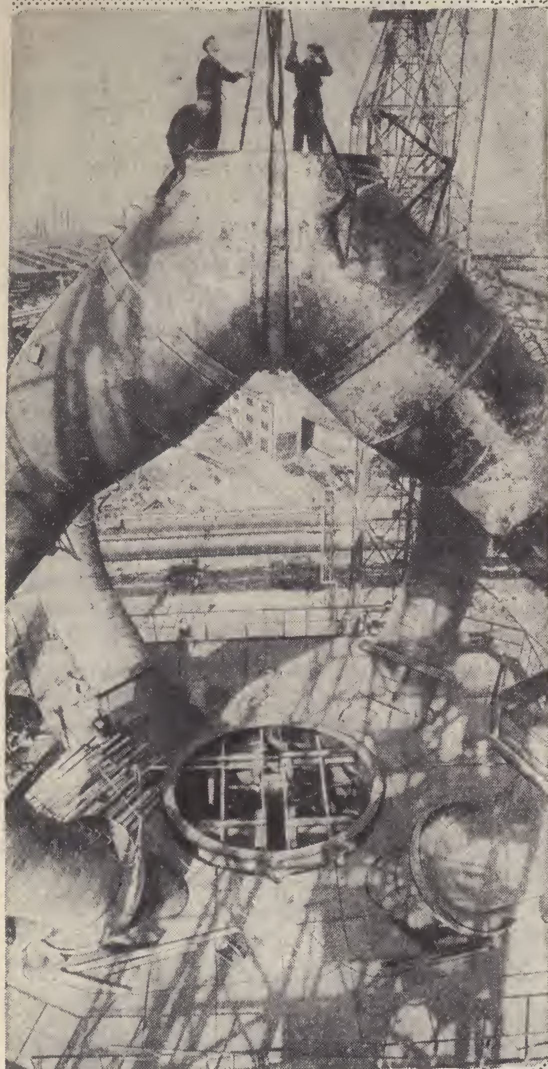
У микрофона вы видите Никиту Сергеевича Хрущева, первого секретаря ЦК КПСС.

Работа Двадцать первого съезда — важнейшее историческое событие. Съезд наметил величественную программу развернутого строительства коммунизма в нашей стране. Решениями съезда и определилась та цепь побед, которая сделала 1959 год нестареющим, навеки новым и обращенным вперед, в будущее. Каждая из этих побед — осуществленная частица гениального плана.

1959

1959

Случилось это в начале весны в городе Вышнем Волочке, на прядильной фабрике текстильного комбината.

— Решила твердо? — спросил начальник.

— Да!

— Знаешь ведь, что в плохой бригаде на первых порах и у тебя заработок снизится?

— Знаю. Пусть, зато потом будет хорошо не мне одной, а всем.

Этот разговор произошел между начальником цеха А. В. Смирновым и бригадиром одной из лучших бригад прядильщицей Валентиной Гагановой, когда она попросила, чтобы ее перевели из хорошей, слаженной бригады в другую, отстающую. Попросила она об этом потому, что не могла спокойно смотреть, как рядом у других не ладилась работа. Это казалось ей нестерпимым и омрачало радость собственных успехов.

Уже через месяц новая гагановская бригада повысила выработку, а к осени ей было присвоено звание бригады коммунистического труда.

Бывают открытия в науке. Бывают открытия в технике. Валентина Гаганова сделала открытие в труде, в отношениях между людьми. Сила ее открытия в том, что по всей стране за ней встали гагановцы, люди бескорыстные и вдохновенные в труде: токари, доярки, трактористы, строители. Они идут прилагать свои руки там, где всего труднее, идут укреплять слабые участки. Это стало народным движением и подняло на новую ступень работу коммунистических бригад.

Верхнее фото переносит нас в минувший август. Идет монтаж гигантской домны, одной из тех, что начали свое существование в 1959 году. Это ударная комсомольская стройка. Она закончена до срока, так же как и стройка другой великанши — Нижне-Тагильской домны. Обе «новорожденные» вместе с другими домнами встают в строй борьбы за металл.

Металл — это машины; машины—это изобилие жилищ, одежды, продуктов. Изобилие — это необходимое условие на пути к коммунизму.

1959

1959

Ровно в 20 часов 00 минут 18 июня началось перекрытие Ангары на строительстве Братской ГЭС. Девятнадцать часов длилось перекрытие. Девятнадцать часов шла борьба с неукротимой рекой. Пятнадцать тысяч кубометров камня поглотила река, прежде чем повернуть свое течение.

По решению Двадцать первого съезда партии осваиваются богатства Сибири.

Поток человеческой энергии несет в Сибирь отважная и самоотверженная, ищущая подвига молодежь, комсомол. Это целинники, это молодые строители новых городов, новых заводов, вырастающих в тайге и в тундре, это шахтеры новых шахт и рудников. На помощь им придут электрические помощники: десятки миллиардов киловатт-часов, рожденные Ангарой.

Сконструирована и построена новая машина — «стальная горсть». Каждые сорок секунд она захватывает полтонны породы. Управление машиной шахтер ведет на расстоянии, ему не надо работать в забое.

Построен и другой автоматический прибор — «радиодиспетчер». Человек, вооруженный этим прибором, превращается во всевидящего и всемогущего волшебника. Он может командовать сразу сотней автоматических нефтяных скважин, находясь от них больше чем за десять километров.

Уже создана электронно-вычислительная машина, которая будет служить «мозгом» доменной печи. Скоро домны «Азовстали» перейдут на самообслуживание: саморегулировка температуры, подача кислорода, руды, выпуск чугуна и многое другое.

Это только три представителя великой армии автоматов, которые вступают в строй, чтобы работать на семилетку и приблизить коммунизм.

Одна за другой вырастают автоматические линии на наших заводах. Это ветки большого и могучего дерева, которое называется «комплексной механизацией». Ветки этого «дерева», автоматические линии, соединяются в автоматические цехи. Цехи — в заводы-автоматы с единым электронным управлением всеми процессами. Нужно, чтобы и станки, и автомобили, и радиоприборы, и даже самые сложные автоматы изготовлялись заводами-автоматами.

Осень. По всем дорогам страны текут золотые реки зерна. На фотографии — вереница грузовиков; колхоз «Правда», Ставропольского края, вывозит хлеб со своих полей. Шестьдесят колхозных автомашин везут этот хлеб, намолоченный комбайнами из скошенных валков. Возить им пришлось немало: шестьсот тысяч пудов продал государству колхоз «Правда». А ведь это один только колхоз, одно подразделение в гигантской армии бойцов за изобилие сельскохозяйственных продуктов!

С каждым годом машин на полях будет становиться все больше и больше. Об этом заботится партия. Ведь машина как бы удесятеряет возможности человека, делает его силачом - великаном в семимильных сапогах. Вот, например, водитель хлопкоуборочного комбайна Борис Шеремет убирает за сезон тысячу пудов хлопка. Без комбайна, чтобы убрать столько хлопка, сто тридцать человек должны были бы работать сто дней.

Так в нашей сегодняшней жизни проступают черты завтрашнего, черты коммунизма.

1959

Вступил в строй огромный химический завод в азербайджанском городе Сумгаите. Завод, который будет превращать легкий, прозрачный нефтяной газ бутан в прочный и упругий каучук.

Это только один из многих химических заводов, которые построены или начали строиться в этом году. Химия — соперница природы. Химия сегодняшнего дня позволяет создавать материалы, которых нет и никогда не было в природе, и придавать новым, дотоле невиданным веществам заранее задуманные качества, полезные человеку.

Химия — вот одна из сил, которая помогает нам перестраивать нашу жизнь.

В октябре газеты напечатали сообщение, рядом с которым бледнеют самые фантастические из всех фантастических романов, какие были написаны. Луна сфотографирована «с затылка»! Вот она здесь, перед вами, одна из этих фотографий. Луна уже очень давно обращена к Земле лишь одним своим полушарием. Когда она вращалась быстрее, а значит, была видна со всех сторон, нашу планету населяли странные, теперь давно вымершие чудища. А к тому времени, как появились самые отдаленные, самые первобытные наши предки, Луна уже светила им так же, как и нам: только одной своей стороной.

Снимки невидимого полушария Луны были сделаны умными и тонкими автоматическими приборами, улетевшими с Земли и на расстоянии четырехсот с лишним тысяч километров от нее послушно и четко выполнившими команды, посланные им вслед с Земли нашими советскими учеными и инженерами.

Приборы повернули автоматическую межпланетную станцию «лицом» к Луне, «спиной» к Солнцу. Привели в действие маленькие двигатели, чтобы остановить вращение станции. Нацелили на Луну «глаза» фотоаппарата. Сорок минут управляли съемкой, фотографируя с разной выдержкой, чтобы не ошибиться. Проявили и высушили пленку. Заключили ее в специальную кассету.

По команде с Земли автоматы вели телевизионную передачу. Фотоизображения передавались двумя способами: с большого расстояния проводились медленные передачи, а когда, двигаясь по своей орбите, межпланетная станция подошла ближе к Земле,— велись быстрые передачи.

Любая подробность в получении фотографии с того полушария Луны похожа на чудо. Разве не чудо,— например, телевизионные приемники, в миллионы раз более чувствительные, чем обычные наши телевизоры? Разве не чудо — передача изображений из космического пространства с расстояния в четыреста семьдесят тысяч километров?

1959

В официальном сообщении говорится кратко и сдержанно:

«Проникая в космическое пространство, советские космические ракеты будут теперь посылать на Землю не только сведения о физических характеристиках небесной среды... но и фотографии небесных тел, мимо которых они пролетают».

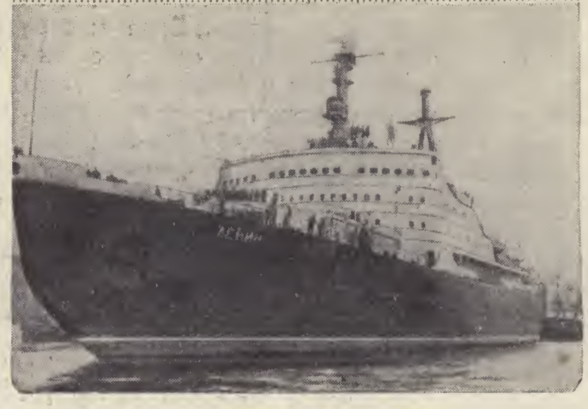
Не значит ли это, что на очереди Венера и Марс?

Советские космические ракеты, стартовавшие с Земли, делают год 1959-й первым годом эры межпланетных путешествий. Она уже началась.

Морские просторы уже бороздит ледокол «Ленин». 15 сентября он ушел в свое испытательное плавание. Ни уголь, ни нефть не пылают в его топках. Нет у него никаких топок вообще. Энергия, освобождаемая распадом атомных ядер, приводит в действие его турбогенераторы.

Атомный ледокол, первый в истории мореплавания, начал свою мореходную жизнь. Это новый шаг в мирном использовании могучих ядерных сил. Сделан в этом году и другой шаг: начато строительство второй атомной электростанции. Радиоактивные изотопы служат нам уже не первый год. Их атомы ведут для врачей разведку в теле больного, для металлургов — в толще металла, для биологов — в живых клетках. Они помогают геологам находить нефть, а химикам — получать новые искусственные материалы.

1959

Так советская наука «приручает» атомное ядро, ставит его неисчерпаемые силы на службу мирным, созидательным целям.

1959

Вот такие толпы, как на фотографии слева, снятой в американском городе Питтсбурге, встречали и провожали Никиту Сергеевича Хрущева, посланца нашей страны.

Простые американцы — рабочие, фермеры, домохозяйки, студенты — всячески старались показать ему свои дружеские чувства. Они писали трогательные самодельные листовки и рисовали самодельные приветственные плакаты. «Вместе стремятся к мирному свету!» — призывал на русском языке один плакат. «Мир, дружба!» — стояло на другом. А однажды на маленькой железнодорожной станции к поезду в толпе встречающих вышло семейство: отец и мать с ребятишками. Они держали плакат с простодушной и трогательной надписью: «Доброго утра, Никита!».

В городе Голливуде репортер спросил одного юношу в толпе, ожидавшей Никиту Сергеевича Хрущева:

— Почему вы пришли?

— Потому, что я хочу видеть, как делается история,— ответил юноша.

И он был прав. Тринадцать дней, которые Никита Сергеевич Хрущев провел в гостях у президента Эйзенхауэра и американского народа, весь земной шар взволнованно и радостно следил, как делается история, как отстаивает мир глава Советского государства.

Его оружием были искренность и прямота, а справедливость идеи, которую он отстаивал, умножала его силы.

Он предлагал соревнование в мирных делах, чтобы было изобилие мяса и кукурузы и совсем не было водородных бомб.

Он встречался с простыми американцами и объяснял им, что советский народ не хочет войны, а хочет мира. И простые американцы были рады узнать это из первых рук, от самого Хрущева.

На заседании Организации Объединенных Наций товарищ Хрущев от имени нашей страны предложил полное разоружение всех стран на земном шаре, чтобы нечем было воевать и войн никогда не было.

После дружественного обмена мнениями Никита Сергеевич Хрущев и президент США Д. Эйзенхауэр согласились, что все спорные международные вопросы должны быть решены переговорами, а не путем применения силы.

И почувствовали люди во всем мире, что за эти тринадцать дней что-то переменилось на нашей планете. Почувствовали это и друзья мира и его враги. Товарищ Хрущев уехал из США. Но теперь поджигателям войны труднее действовать. Когда они начинают говорить о «коммунистической угрозе», о «кровожадных», опасных большевиках, американцы вспоминают простого, приветливого, веселого, всегда готового пошутить Никиту Сергеевича Хрущева. Вспоминают, как, шагнув сквозь цепочку полисменов, он спешил в толпу, к простым рабочим, поговорить, пожать им руку. Вспоминают — и сразу нападки на нашу страну бледнеют, и ложь проступает в них наружу.

Пройдут годы, пройдут десятилетия, а люди не забудут необыкновенный год. И когда много-много лет спустя при тебе заговорят о великих событиях 1959 года, ты с гордостью скажешь: «Это при мне было!»

КРОВЕЛЬЩИК

Ю. АНДРИАНОВ

Если взять большие счеты,
Подсчитать все дни работы,
Выйдет так, что дядя Гриша
Много лет прожил на крыше.

Там он жарился под зноем,
Там он мокнул под дождем...
— Подожди, сейчас докроем,—
Дождь ругал он,— и уйдем!

Но не лучше, если крыша
Ярким солнцем залита.
Жаром крыша
Так и пышет —
Раскаленная плита.

И в руках его бессменно
Молоток поет: «Тук! Тук!..»
Чутко слушают антенны:
«Непонятно, что за звук!..»

А в короткой передышке
Вдруг становится легко.
С крыши смотрит он, как с вышки,
И смеется: «Высоко!»

Нет, сюда уже не сможет
Кот взобраться по трубе...
И смотрел он как-то строже
Сверху вниз на голубей,
На машины,
На людей...

И сегодня вот на крышу
Лезет он, взяв молоток.
Солнце ждет там дядю Гришу
И приятель-ветерок.

Рисунки А. Брея.

МОРОЗ

Шел мороз издалека
На его пути — река.
«Я искать не буду броду,
Заморожу в речке воду!»

Вот какое богатство — целых двенадцать свободных дней!

Как ты их проведешь?

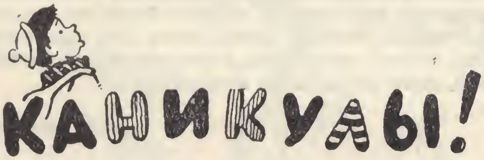
Может быть, так: вставать пораньше да быстрее из дому. Лыжи, коньки, санки, игры, походы—вон сколько дел на воздухе!

А к вечеру хорошо повозиться с молотком и рубанком, с иголкой и ножницами, почитать интересную книжку.

Дни пролетят быстро. Зато когда оглянешься потом, как будто целый месяц вместится в двенадцать дней.

С этой страницы мы начинаем рассказывать о том, чем заняться на каникулах. Посмотри журнал, ты наверняка найдешь себе дело по душе. Только не будь таким, как Нытиков, который бродит по страницам.

Если до обеда валяться в постели да слоняться по комнате, изнывая от безделья, если все не нравится,— пропали каникулы!

Снежный форт в осаде

Посмотрите: встали утром, а за ночь, оказывается, как потеплело! Снег стал чуть влажным, липким, наберешь в ладони — руки сами слепят крепкий снежок. Ну, а коль снежок в руках, надо его кидать. Куда? Вон Колька выбежал! В Кольку! Да еще раз, да еще... Знай наших! Только без толку долго кидаться неинтересно. Выйдут все ребята во двор, соорудите вместе снежную крепость. Лучше строить ее где-нибудь в углу двора: проще, да и защищать такую крепость интереснее. Грандиозное строительство открывать не стоит. Плотный ряд больших комов снега, сверху второй ряд — вот и готова крепость. Теперь ее можно брать штурмом. Сговоритесь, разделитесь на команды, на защитников и наступающих. Каждый, кто защищал снежную крепость, знает, что не всегда игра получается интересной. Не успеют защитники кинуть по снежку, не успеют ребята разобраться, кто «убит» (то есть в кого попали снежком), а кто «жив», как наступающие оказываются у стен, и игре конец. Соревнования в меткости и ловкости не получается. Поэтому стоит немного усложнить игру. Поставьте на крепостном валу три — пять флажков или небольших фанерных щитков. Представьте себе, что это «огневые точки» осажденных. И вот обязательное условие: прежде чем начать штурм, надо «подавить» точки — попасть снежком в флажки или щитки. При таком условии брать крепость труднее: пока наступающие стараются попасть в щитки, их самих могут «поубивать». Крепость сумеют взять только меткие, ловкие, быстрые ребята. А возьмут — поменяйтесь местами, и игра начнется сначала.

Бегающий пароль

Крепость хорошо строить во дворе. А если игру затеет пионерский отряд или, еще лучше, два отряда, тогда стоит провести ее в лесу на лыжах.

...Накануне игры вы собрались в школе, чтобы придумать тайный пароль. По условиям в нем должно быть столько букв, сколько ребят в вашей команде, ну, предположим, двенадцать. Долго ломали голову, спорили, наконец решили: пароль — «Орлиное племя». Приготовили нагрудные знаки, как у лыжников на соревнованиях. Только вместе с номерами поставили и буквы: 1 — О, 2 — Р, 3 — Л, 4 — И и так далее. Ровно в 11 часов утра вы уже на дороге, указанной посредником-вожатым, и начинаете двигаться в глубь леса, к другой дороге, где собрался ваш «противник». Итак, вы идете навстречу друг другу и зорко смотрите по сторонам: не покажется ли где-нибудь «противник»? Гурьбой идти опасно: любой лазутчик враз прочитает все ваши буквы и узнает пароль. Идете врассыпную. Вот показался лыжник из чужой команды... Надо ухитриться прочитать его номер и при этом не показать свой. Несколько поединков в хитрости и зоркости, несколько «трофеев» — разведанных букв — и можно мчаться на сборный пункт вашей команды, на дорогу «противника». Теперь надо быстрей отгадать «вражеский» пароль. Кто видал первую букву? Есть: «Ч». Вторая — «Е». Третья — «Р». Буква по букве, складывается «Черный буйвол». Ишь, придумали! Самого быстрого лыжника посылаете к посреднику доложить о победе. Быстрее, быстрее! Что такое? Вокруг посредника уже толпятся ребята из другой команды... Выходит, проиграли?!

Ничего, зато игра была интересная.

В. Матвеев

САМИ ВСЕ УСТРОИМ!

Посмотрите, в какие интересные и веселые игры можно поиграть на зимней площадке во дворе. Устроить такую площадку совсем не трудно.

1. Лапта на утоптанном снегу. 2. Стрельба снежками или мячами по вертящейся мишени. 3. Взятие крепости. Кто устоит на снежном холмике! 4. Соревнование «альпинистов». 5. Стрельба по мишени. Чья «ракета» (попросту снежок) точно «прилунится» в квадрате, нарисованном на «Луне»! 6. Гонки лыжников с упряжкой. 7. Снежные ворота. Игроки двух команд становятся через одного в круг. Клюшками загоняют они шайбу в ворота, сделанные в снежном холмике. Сделать это не просто: сторож каждой команды охраняет ворота от шайб противника. 8. Бильярд на льду. Вместо шаров деревянные шайбы, кий — крокетный молоток. 9. Городки на ледяной площадке. Ставится только одна фигура — забор. Каждая из двух команд (два — три человека) сбивает городки противника снежками. Снежки метают без очереди, все сразу. 10. «Сани» для начинающих конькобежцев. На них можно провести соревнования. 11. Ручной мяч на льду. Какая из команд конькобежцев, пасуясь волейбольным мячом, собьет все городки противника, расставленные у линий!

НЫТИКОВ:
— Ну что это за игры! Для детского сада! Пойду на страницу 20-ю, что там?

САМИ ВСЁ УСТРОИМ

Вот что можно устроить во дворе. Описание этих веселых аттракционов смотри на предыдущей странице.

ЧУЖИЕ ДЕЛА

Г. КУЛИКОВ

Рисунки И. Семенова.

Вместе с Тимкой Зубовым я шел к нему, чтобы поменяться марками. Мы уже вошли во двор, как вдруг Тимка схватил меня за руку и потащил в кусты.

— Что случилось?! — спросил я испуганно.

Тимка осторожно раздвинул кусты и просиял:

— Гляди!

Вытянув шею, я посмотрел туда, куда показывал Тимка, но ничего особенного не заметил. На веревках висели зимние вещи, вынесенные для просушки. Возле скамейки сиял никелем и яркой зеленой краской подростковый велосипед. По асфальту, заложив руки за спину и равнодушно поглядывая вокруг, ходил стриженный под машинку мальчишка.

— Не понимаешь? — зашептал Тимка.— Это ж Витька Клюев! Видишь, он к велосипеду Бориса Назарова подбирается.

— А почему ты думаешь, что велосипед... ну, этого самого Назарова? — спросил я.— Может, его собственный?

Тимка смерил меня уничтожающим взглядом.

— По-твоему, я с луны свалился, да? Думаешь, не знаю, что во дворе делается? Да у Витьки своего велосипеда в жизни не было. Ему мать обещала купить, если троек не будет, а он переэкзаменовку на осень получил. Понял? А такой зеленый только у одного человека, кроме меня, есть — у Бориса Назарова. Понял?

— А может, ему до этого велосипеда и дела нет? — начал было я, но Тимка перебил:

— Гляди! Гляди!

Озираясь по сторонам, мальчишка стал приближаться к велосипеду.

У меня перехватило дыхание.

— Неужели украдет?

— Зачем? Сейчас кататься будет!

— Чего ж тут особенного? — удивился я.

— Чудак! — Тимкины глаза горели азартом.— Он же совсем ездить не умеет. Как сядет, так сразу и падает. Вот посмотришь: через пять минут от машины рожки да ножки останутся!

Все так же настороженно озираясь, мальчишка подошел к велосипеду, положил руки на руль, потом встал левой ногой на педаль, несколько раз оттолкнулся и стал закидывать правую ногу, чтобы сесть в седло

Я облегченно вздохнул. Но в этот момент руль в руках мальчишки заходил ходуном, и велосипедист вместе с велосипедом грохнулся на асфальт.

— Видал! Видал! — давился от смеха Тимка.— Я ж тебе говорил! Ой, умора!

— Чего ж ты смотришь?! — возмутился я. — Надо подойти и сказать.

— Ну, уж нет! — Тимкино лицо сделалось серьезным и даже строгим.— В чужие дела не вмешиваюсь, понял?

Мне стало жалко незнакомого Бориса Назарова, и я поднялся.

— Тогда я сам!

Но Тимка потянул меня за рукав и ехидно спросил:

— А почем ты знаешь, может, я ошибся? Может, Борис сам разрешил Витьке покататься? Ты вот сейчас подойдешь, а он тебя по шее: не суйся, мол, куда не просят!

Пока я соображал, что делать, Витька еще два раза грохнулся об землю. Когда он полетел в третий раз, я не выдержал и вскочил опять.

Однако Тимка ухватился за меня обеими руками.

— Постой. Сейчас самый спектакль начнется. Видишь, Борис идет?

Действительно, из подъезда вышел еще один мальчишка. Витька в это время выписывал по двору немыслимые зигзаги, приближаясь на большой скорости к телеграфному столбу.

— Теперь велосипеду крышка! — захлебнулся от восторга Тимка.

Но Борис в несколько прыжков настиг велосипедиста и подхватил машину. Витька вывалился из седла и во весь дух рванулся со двора. Борис погрозил ему вслед кулаком и, покачав головой, осмотрел велосипед. Потом поставил его возле крыльца, а сам скрылся в подъезде.

— Успел все-таки! — В голосе Тимки прозвучало сожаление.— За инструментом побежал. Посмотрим, что дальше будет.

Я разглядывал довольную, ухмыляющуюся Тимкину физиономию, и меня разбирала злость. Вдруг лицо моего соседа вытянулось, глаза его изумленно расширились, а рот раскрылся. Я посмотрел туда, куда глядел Тимка, и опять сначала ничего не понял. Из подъезда вышел Борис Назаров и осторожно вывел новенький зеленый велосипед, как две капли воды похожий на тот, что стоял уже возле крыльца.

Секунду спустя Тимки рядом со мной уже не было.

Когда я подошел к крыльцу, мрачный, как туча, Тимка разглядывал велосипед, на котором несколько минут назад выделывал кренделя Витька. А Борис Назаров рассказывал:

— Это, понимаешь, твоя бабушка его вынесла. Уборку она, что ли, затеяла. А я вышел, смотрю: Витька вот-вот в столб врежется. Еле успел.

— Спасибо! — хмуро пробормотал Тимка.

— За что? — искренне удивился Борис.— Если ты завтра на моем месте окажешься, разве ты точно то же самое не сделаешь?

— Завтра? — Тимка поскреб затылок и вздохнул.— Завтра сделаю!

Столовая «Клюйте на здоровье»

На каникулах

П. СМОЛИН

Вы, наверно, знаете такую небольшую птичку — зяблика? Она прилетает к нам весной, а осенью улетает на юг. Вот люди и решили, что она боится холода, и назвали ее зябликом. А московские юннаты доказали, что зря так назвали птичку. Они устроили в Сокольниках большую птичью столовую и всю зиму подкармливали ее посетителей. И что же оказалось? Около кормушки всю зиму прожили несколько зябликов.

Не холод, а голод и темнота гонят птиц осенью на юг. Пищу зимой разыскать трудно, а времени для поисков мало: зимний день короток.

Особенно тяжело приходится нашим пернатым друзьям во время морозов, метелей и больших снегопадов, когда деревья и кусты покрыты снегом или инеем.

Птицы — наше неоценимое богатство, наши верные союзники и помощники. Вы, пионеры, должны помочь им в трудное зимнее время.

Устроить вот такие столовые совсем нетрудно.

Чтобы снег не засыпал корм, защитите птичью столовую беседкой. Только имейте в виду, что на такой кормушке корм плохо виден, поэтому птиц надо заранее приучить к столовой, устроив перед ней кормовой столик. А когда птицы привыкнут, столик можно убрать.

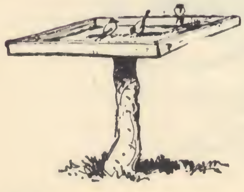
У окошка можно сделать подвесную столовую. Очень интересно будет наблюдать из комнаты за посетителями столовой. Много нового вы узнаете о своих «нахлебниках».

В лесу и в таких местах, куда вы не можете приходить часто, развесьте автоматические кормушки с бутылкой. Они очень удобны: корм из них сыплется понемногу на столик, и снег не успевает засыпать его.

Во время сильных снегопадов устраивайте столовые на точка́х — расчищенных до земли площадках — или под защитой густой кроны елей, прикрепляя автоматические кормушки к стволам деревьев.

После сильных снегопадов отряхивайте снег и иней с ветвей деревьев и кустарников. Это полезно растениям. А птицам легче будет отыскивать корм.

Некоторые из наших насекомоядных птиц — дятлы, поползни, синицы и полевые воробьи — зимой ночуют в дуплах. Им очень пригодятся ночевочные домики, сделанные из обрезков дуплистых деревьев. На дно домиков насыпьте толстый слой опилок, чтобы было теплее.

НЫТИКОВ:
— Эй, Маринка, слышишь, птиц велят кормить! Я птиц ненавижу. Моя стихия — рыбы. *Пойду на стр. 35.*

НОВЫЙ ДРУГ

Е. КАРАЛИНА — ПОВЕСТЬ — Рисунки Н. Шеберстова.

(Окончание)

ССОРА

Ромке нравилось водить на длинной веревке жеребенка Воронка, бегать с ним по улице... Нравилось приходить на конюшню. Трое жеребят стояли в деннике. Они обступали Ромку, тыкались в его карманы, набитые кусками хлеба. Иногда приходил с ним и Сеня.

— На что тебе сдался это лошонок? — ворчал Сеня.— Хочешь покататься, так можно в ночное съездить.

— Я вырастить хочу! — упрямо говорил Ромка.

Ромке хотелось многого, а времени на все не хватало.

Ложась спать, он брал две книги. Заглянет в середину одной, в конец другой: не терпится узнать, какие люди живут в них и чем же все кончится! Зачитается до полночи, а утром, когда начинает словно спросонок позванивать репродуктор, Ромка сует голову под подушку: хочется подремать, досмотреть сны. Вот Аскания, гуща деревьев. По траве катается тигр, бегут зубробизоны. Верхом на антилопе едет Кондрат, держась за высокие рога; страус катит колясочку, а в ней лежит поросенок и хрюкает...

Иногда Ромке удавалось побороть дрему, решительно вскочить с постели. Он быстро одевался, выпивал стакан молока, набивал карманы хлебом и бежал на конюшню. Воронок тыкал бархатистым носом в ладони, требовал угощения. Ромка начищал его круглой щеткой, и черная шерсть жеребенка лоснилась, словно маслом смазанная. Но чаще всего Ромка просыпал: едва успевал прибежать в школу.

— Ты слишком распыляешься,— упрекал его отец.— Не кончив одного, думаешь о другом, принимаешься за третье...

— Почему же не делать, раз хочется?

— Бывает полезно делать и то, чего не хочется, чтобы воля развилась.

Ромка решил развить волю, пробовал делать то, что не хочется, и не делать того, что хочется. Сел готовить уроки, а в вазочке перед ним лежало пять конфет; одну съел — ему хотелось еще, но он старался побороть себя. Потом стал думать, что для мозга сладкое полезно: если съешь, то лучше сделаешь уроки. Съел оставшиеся конфеты и вздохнул: воля-то все же слабовата!

Как-то утром два дружка пораньше прибежали на школьный двор. Портфели свои они привязали на спину, как ранцы, чтобы

руки были свободны. Мальчики заперлись в сарае. Нюся заметила это. Девочки принялись подглядывать в щели, но ничего не было видно, слышался писк, шепот... Вдруг дверь распахнулась, выскочил Ромка, гудя басом в свернутую трубкой тетрадь:

Всем на удивленье
Объявляю объявленье!
Вот Сеня-научник
С бараном самым лучшим,
Настриг шерсти двадцать кило,
Удивил все село!

Вышел Сеня, ведя на шнурке какое-то маленькое существо. Оно металось, бренча крохотным колокольчиком.

Странное существо рвануло шнур из рук Сени, подскочило и, быстро цепляясь лапками за доски стены, полезло вверх.

— Ай, хвост! Смотрите! — взвизгнула Нюся, и все увидели под белой шкуркой голый хвост.— Крыса!

Схватив шнурок, Ромка сбросил крысу на землю. Она вертелась, стараясь сбросить овчинку, в которую была зашита.

— Так-то вы с грызунами боретесь? — покачала головой учительница.

— А что? Боремся! Мы эту на складе поймали...— сказал Сеня.

— Я вот что придумал! — перебил его Ромка с азартом.— Нюська говорит, крысы таскают яйца на птичнике, а мы пустим туда вот эту с колокольчиком, она побежит в норы, все крысы и разбегутся.

После уроков Ромка пришел в кабинет биологии. Антонина Васильевна говорила о том, что надо учиться наблюдать. Потом Кондрат показал скворечню, которую он построил.

— Хорошая скворечня, молодец! — одобрительно кивнула учительница.— Поучитесь-ка, ребята. Нам пора уже делать скворечни, установим в степи на шестах...

«Всегда она Кондрашку хвалит, а меня нет...» — с досадой думал Ромка.

Вдруг Антонина Васильевна сказала:

— Ну-ка, Роман, расскажи нам о своей работе. Девочки в прошлый раз говорили о том, как ухаживают за телятами.

— Расскажи еще, почему не ходил с нами по хатам золу собирать? — спросила Нюся.— Это же для школьного сада.

— Я взялся жеребенка растить! — сказал Ромка с вызовом.— Мне с Воронком дел хватает... Можете даже проверить.

— И проверим,— заявил Кондрат твердо.

После занятий Кондрат, Нюся, Люба и еще две девочки отправились на конюшню.

Вот уж этого Ромка не ожидал!

Воронка он не чистил дня четыре, и ему стало не по себе. Пришли в конюшню. Ромка распахнул денник, свистнул. Воронок поставил уши торчком и тонко, смешно заржал. Кондрат, плотно нажимая, провел по его спине и, подняв ладонь, серую от пыли, показал всем. Ромка с бьющимся сердцем следил за каждым его движением. Кондрат принялся оглаживать бока Воронка. Тот прижал уши, брыкнулся.

— Не смей жеребенка пинать! — Ромка толкнул Кондрата так, что тот ударился о стену.

Кондрат покраснел, схватил Ромку за шиворот и прижал к стене. Ромка хотел сделать свой знаменитый таран — дать головой в живот, но Нюся вцепилась в него. Ромка отбивался от нее, кричал:

— Не нужны мне ваши телята-жеребята, не нужны! А с тобой я все равно рассчитаюсь, Кондрашка!

Вдруг загремел голос конюха:

— А ну, геть отсюда! Понализили, комашня! Коней беспокоите только!

Красный, взлохмаченный, яростный Ромка первым выскочил из конюшни.

У ПРУДА

Весна, весна... После теплого ливня степь покрылась яркой остренькой травой, в каждом углублении засверкала вода, словно упали и растеклись в траве кусочки солнца. Первым появился в степи лиловый в серебристом пуху сон-цветок; потом вспыхнули тюльпаны, красные, как огни. Зацвели вдоль дорог абрикосы и черешни. Недавно посаженные школьниками, они уже разрослись и достают ветками друг дружку. Торчат в степи шесты со скворечнями... Две скворечни сделали Ромка с Сеней.

За драку в конюшне крепко пробрали Ромку на сборе отряда и на кружке юннатов. Ушел он с кружка, пряча слезы затаенной обиды: от работы с жеребенком его отстранили. Сеня решил поддержать дружка и попросился в юннаты, но был принят условно. «Покажешь себя в деле — тогда примем по-настоящему»,— заявил Кондрат. Пришлось Сене копать школьный огород, собирать золу для удобрения... Весной особенно много дел у юннатов в саду, на фермах.

Вчера Нюся даже опоздала на первый урок; прибежала, запыхавшись, косички расплелись, в волосах пух...

На переменке Нюсю окружили подружки; захлебываясь, она рассказывала, что не спала всю ночь: дежурила на птичнике, там вылуплялись гусята.

— Подумаешь! — фыркнул Сеня и подтолкнул Ромку, приглашая подразнить Нюсю, но Ромка промолчал. Он стал понимать: не так просто сделать что-то нужное, даже если хочешь. И все-таки ему казалось: он бы многое мог. Ведь вот научился же он водить мотоцикл! Новенький красный мотоцикл купил колхоз для механика. Во время сева отец объезжал на нем поля, иногда брал с собой и Ромку. Съездили они на мотоцикле и в Каховку. Сколько машин повстречали на пути! Экскаваторы, бульдозеры, скреперы шумели в степи, рыли оросительные канавы...

Пока отец хлопотал в управлении строительства о присылке экскаватора, Ромка плескался в новом море и разглядывал парусные лодки.

Вскоре экскаватор прибыл в колхоз. Водоем, который колхозники так долго копали лопатами, он закончил быстро. Открыли скважину, и подземные воды наполнили пруд.

В полдень лучи солнца пронизывали пруд до самого дна, и видно было, как носятся в воде веселые стайки мальков. Отец Ромки не забыл обещания, данного чабану: соорудил ветронасосную установку; ветер вертел лопасти колеса, накачивал воду в большой бак; оттуда ее пускали по длинному желобу, сколоченному из досок; овцы пили, стоя по обе стороны желоба. Черно-синие скворцы повсюду сопровождали отару, с гамом и пощелкиваньем перелетали с овцы на овцу, разбирали лапками шерсть, запускали клювы под кожу и вытаскивали впившихся клещей.

Однажды в воскресенье пара серых волов везла на пруд домик на колесах. Погонял волов Кондрат. Никогда не торопятся волы, и домик с гусями двигался медленно. У распахнутой дверки сидели Нюся с Любой. Послышался лихой посвист, и с домиком поравнялся велосипед. Правил Ромка, а впереди на раме сидел Сеня.

— Эй, дивчата! — Сеня взмахнул рукой.— А чего мы везем? Ага, и не угадаете! — И они укатили.

Когда домик подъехал к пруду, оба дружка уже купались. На берегу лежали их штаны в пятнах засохшей грязи, велосипед и мешок, перевязанный пополам. Ромка показывал себя вовсю: плавал на спине, на боку, нырял и хватал за ноги не умевшего плавать Сеню. Люба тронула мешок пальцем и тотчас отдернула руку.

— Ой, там что-то шевелится! Что у вас в мешке, хлопцы? — спросила она умильным голоском.

Ребята выскочили на берег. Ромка развязал мешок, тряхнул, и на траву посыпались... лягушки! Серо-буро-коричневые, зеленые, в пятнышках...

— Думаете, легко было ловить? — приговаривал Сеня.— Мы же в плавни ездили, искали этих лягух в болоте, чуть не завязли... Вот и жаб нашли.— Он показал на узелок, лежавший отдельно.

— А зачем они? — удивленно спросила Люба.

Роман сдвинул брови и, невольно подражая Кондрату, сказал поучительно:

— Лягушки вредных мошек едят, которые грызут ростки. А возле пруда кусты посажены.— Он развязал узелок, и на свет показались три толстые жабы.— Помните, Антонина Васильевна говорила, что за границей жаб

огородники на базаре покупают?.. Мы их свезем на школьный огород, там выпустим.— Он поднял на ладони жабу в зеленых разводах.— Красавица!

Жаба почесала брюшко задней лапкой, призадумалась да как подскочит! Пронеслась над головами ребят, плюхнулась на мокрый песок у самой воды и стала рыть ямку.

— А ну за дело, дивчата! — сказал Кондрат и начал распрягать волов.

Девочки приставили доску к дверке домика, и разомлевшие от духоты гуси стали выходить на траву. То были сухопутные гуси; их деды и родители выросли, ни разу не поплавав как следует, только изредка, после дождя, барахтаясь в лужах. Гуси разошлись по берегу, щипали траву, поглядывали на блеск и гладь пруда, но — удивительное дело! — на воду не шли. Нюся замахала руками, они беспокойно загоготали. Мальчики погнали их с другой стороны; птицы захлопали крыльями так, что ветер поднялся. Нюся подобралась к старому важному гусаку и бросила его в пруд. Гусак пролетел немного, шлепнулся на воду и торопливо поплыл к берегу.

— Не пускайте его!— крикнул Ромка и бухнулся в воду.

С отчаянными криками трое гусей ринулись в пруд. Потом побежали и остальные, поплыли, стали нырять... Над водой торчали хвостики да мелькали желтые лапки. Не хотела идти в воду только Нюсина любимица, молодая гусочка Манюня. Сеня столкнул ее с берега, но она тотчас подпрыгнула и вскочила Ромке на спину. «Га-га-га!» — орала Манюня, хлопая крыльями, и голубые глаза ее были полны ужаса. Сеня хохотал, бил по воде ладонями, вздымая брызги.

— Давай ее сюда! — встревожилась Нюся, и Ромка выбросил Манюню на берег.

Подбежал черный лохматый пес, помощник чабанов, принялся лакать воду.

— Жук, Жук, иди купаться! — позвал его Сеня, но Жук, напившись, стал деловито выкусывать из хвоста колючки репейника. У этого пса была страсть к чистоте; мало ему было своих блох — он нередко принимался и за ягнят: положит, придерживая лапами, и давай рыскать в шерсти перепуганного малыша, пощелкивать зубами да зализывать языком. Сейчас он полежал-полежал, высунув узкий язык, хакая от жары, да как набросится на Манюню! Опрокинул и уткнулся мордой в ее пуховый живот.

— Ой, спасайте, загрызет гуску!— крикнула Нюся, всплеснув руками.

— Тю, испугалась! — засмеялся Сеня.— То ж он блох у ней ищет!

Жука отогнали. Гусыня-мать подошла к перепуганной дочке, стала приглаживать клювом ей перышки. Понемногу Манюня успокоилась, потом сама вошла в воду и поплыла. Теперь гуси так разохотились плавать, что не хотели вылезать, даже когда Нюся засыпала зерно в кормушку.

Ребята наплавались вдоволь и легли на траву. Смотрели на пруд, лазурный, сверкающий. Дальше простиралась степь; густой зной над нею мерцал и переливался. Притих и ветер, вытянулся на траве во всю длину и только изредка вздыхал, шевеля травинками.

Жара! Один Кондрат бродит, что-то ищет в степи. Подошел к ребятам, держа сомкнутыми ладони, осторожно раскрыл и показал серо-зеленую ящерицу на кривых ножках.

Раздался призывный свист подпаска — и Жук с деловитым видом побежал к белеющей невдалеке отаре.

— А пасут овец развернутым фронтом,— заявил Ромка.

— Каким таким фронтом? — недоверчиво спросила Люба.

— А таким! Чтобы овцы не скучивались и шли ровным строем, мне чабан говорил. И коров пасут так же. Теперь пастух команду подавать сможет: поставит микрофон на поле и... — Сложив трубкой ладони, он прокричал: — Дойные коровы! Проходите вперед! Телята, осади назад, не лезьте лучшую траву жрать!

Девочки засмеялись, усмехнулся даже Кондрат. Роман подсел к нему.

— Знаешь, что мы придумали? Давайте с сусликами бороться.

— Ага,— поддержал Сеня,— набьем сусляков, шкурки сдерем, сдадим в «Заготсырье» и денежки получим!..— Вдруг он крикнул: — Э-эй, ты! — И побежал к воде. Большой гусак торопливо заглатывал что-то.— Лягуху, лягуху схватил, вон лапки, я вижу! — Сеня пытался дотянуться до гусака.

— Не тронь его! — подскочила Нюся.— Подумаешь, лягухи жалко! Пусть питается!

— Ишь какая! Для твоих гусей мы лягух привезли, да? — наступал на нее Сеня.

Глядя на него, Кондрат хмыкнул:

— Твой Сенька только и умеет орать да нос в чернила макать, разве это юннат?

— Ну, а я, например? — задорно спросил Ромка.

— Ты... Ты у нас активист, только пружинка у тебя закручена не в ту сторону.

— Да ну тебя! Давай лучше придумаем: что бы такое сделать интересное?

— Вы с Сенькой всегда придумываете, как начудить получше,— насмешливо произнес Кондрат, и Ромка вспылил:

— А ты задаешься всегда, воображала!

— Ромка! — вскричал Сеня.— Смотри, канал открыли, бежим!

Вдали появилась небольшая радуга, потом другая, третья, словно распахивались ворота в сияющую страну облаков и солнца. Где-то далеко в степи открылись створки главного магистрального канала, и вода Каховского моря потекла, наполняя оросительные канавы. Заработали мощные насосы передвижной электростанции; длинные шланги дождевальной установки всасывали воду и разбрызгивали дождем на поля колхоза.

Роман вскочил и, вертя правой рукой, помчался за Сеней посмотреть поближе на радуги и дожди. Побежали и девочки. Последним шагал Кондрат. Задетый словами Ромки, он раздумывал: «Чем же я задаюсь? Это он воображает, выскакивает всюду...»

Ух, как светятся радуги! Кондрат мотнул головой и помчался навстречу им.

ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ

Ромка вприпрыжку бежал из школы. Конец, конец занятиям! Впереди все лето!

Ромка замахнулся портфелем на встречную кошку, и тетради полетели в пыль дороги; он подбирал их, поспешно запихивая в портфель. Раздался гудок, мимо пронесся черный «ЗИМ». Ромка припустил следом. У домика конторы «ЗИМ» остановился, и вышел из него — так и есть! — Леонид Иванович. Он вошел в контору, а Ромка помчался разыскивать Нюсю: надо же собрать всех!

Когда ученый, поговорив с председательницей, вышел из конторы, он увидел у крыльца собравшихся ребят.

— Во какие настойчивые наши юннаты,— говорит председательница, улыбаясь,— уже проведали, что вы здесь!

— Мы сначала на птичник пойдем, да? — подскочив к ученому, спрашивает Нюся.

Леонид Иванович соглашается.

За оградой птицефермы кудахтанье, гоготанье. Режет глаза белизна меловых стен, освещенных солнцем, белизна кур леггорнов и гусей. В белом платочке, подвязанном у подбородка, стоит рослая румяная комсомолка Олеся.

— Проходите, будь ласка,— приглашает она и, стеснительно улыбаясь, подает Леониду Ивановичу свою большую руку.

— Вот мой выводок! — Присев на корточки, Нюся пытается обхватить сразу пятерых гусей.— А это их матка. Намучилась я с ней: такая вредная! Уйдет из гнезда гулять, а яйца остывают.

Птичница Олеся показывает карточки в ящике, где отмечено, сколько снесла яиц каждая курица. По совету Леонида Ивановича на птичнике зимой подолгу горели яркие лампочки, и куры от этого стали лучше нестись.

— Вот! — Нюся кладет ему на руки свою любимицу Манюню.— Пощупайте, вы только пощупайте, какая жирная: пять кило потянет, наверное!

Ученый щупает гусыню, хвалит, а Нюся уже сует другую.

— Где ж мне всех твоих гусей перещупать! — усмехается Леонид Иванович, и светлые на загорелом лице морщинки лучатся у его глаз. Он что-то записывает в блокнот.

— Мы для птиц сделали червятник, вон там, за сараем! Идемте покажу, какие жирные червяки! — приглашает Нюся, но червей ученый не хочет смотреть. Когда все ухо-

дят, Нюся притоптывает перед птичницей, торжествующе напевая:

И гусиков похвалил, похвалил
И в книжечку записал, записал!

По широкой улице идут юннаты с ученым. Навстречу им Чучин в гимнастерке, перетянутой ремнем.

— Давненько не были у нас, Леонид Иванович! Опять к вам пацаны пристают? — Мясистое лицо его расплывается в улыбку.— Идемте, посмотрите наш новый коровник.

Они входят в длинное помещение с широкими оконцами. Коровы пасутся в лугах, только бык Капрон глухо ревет, томясь на цепи. Леонид Иванович говорит с бригадиром, просматривает записи удоев молока.

Заходят в телятник, но там тоже пусто: телята пасутся. Девочки огорчены, что ученый не увидит их питомцев.

— Ничего,— утешает он,— ведь вы вели записи вашей работы, я прочитаю. А теперь пойдем в свинарник.— Леонид Иванович кладет руку на плечо Кондрата.— Посмотрим твои достижения.

У входа в свинарник стоит баба Гапа.

— Вытирайте ноги в ящике,— приказывает она ребятам,— чтобы никакой заразной инфекции не занести!

Зоотехник Галя велела поставить на пороге свинарника этот низенький ящик с опилками, пахнущими карболкой. Кондрат внимательно следит за ребятами и хватает за рукав Сеню, проскочившего мимо ящика. Приходится подчиниться и Сене.

В свинарнике чисто выбелен потолок, стены, дощатые перегородки; на стенах прибиты ветки, облепленные мухами.

— Все наш Кондрат мудрует,— поясняет баба Гапа.— Наварил какого-то клея, опустит в него ветки и повесит на стену; как муха коснется, так и не оторвется.

Кондрат подходит к станку.

— Вот моих четверо. Кормлю по сигналу, приучаю к чистоте.— Он распахивает дверку и гулко хлопает в ладоши: — А ну, гулять!

Топоча копытцами по доскам, подсвинки дружно выбегают во двор и забегают за сарай. «Свинячья уборная» — написано мелом на стене сарая.

— Я их так приучал,— поясняет Кондрат Леониду Ивановичу.— Рано утром гоню в этот закуток и на ночь тоже... Они теперь понимают, зачем их гоняют туда, и чтобы напачкать в станке, это редко бывает. Они аккуратные. Купаться любят. Нам привозят воду в бочке, так Семерка, эта вот, в пятнышках, один раз зубами затычку выдернула... Вода на нее льется, а она и рада.

Спокойно похрюкивая, животные расхаживают по двору. Потом Кондрат гонит их в тамбур свинарника, где стоят большие весы. Водворяет на площадку весов Семерку. Баба Гапа передвигает гирьку на рычаге и говорит:

— Шестьдесят кило семьсот граммов!

Кондрат хватает за ногу белого, упитанного Тройкина, толкает на весы.

— Семьдесят три кило!

После него влезает на весы Двойкин.

— Семьдесят три кило триста пятьдесят граммов!

Последним взвешивают Пузина; крепкий кабанчик тяжело карабкается на площадку весов, и в них что-то звякает.

— Как встал, чуть весы не сломал! — ахает Нюся.

Пузин стоит важно, будто сознает, что все любуются им. Он розоватый, в черных пятнах, задние ноги наполовину черные, словно штанишки надеты на нем, тугим винтом смешно торчит из штанишек хвостик.

— Восемьдесят пять кило! — торжественно объявляет свинарка, а Чучин, почесывая палкой твердый бок кабана, важно поясняет:

— Обратите внимание, какой вес! Выращивали, старались...

Ромка сердито смотрит на него и шепчет Сене:

— Ты смотри, какой нахальный! Сам только мешал, а теперь хвастается!

Кондрат бухает палкой по ведру: «Бамм-бамм!» Будто подстегнутые кнутом, подсвинки срываются с места, бегут к навесу, где у них столовая. Там уже положена в корытце кукуруза с вареной картошкой. Приподняв руку, Леонид Иванович взглядывает на часы, замечая время. Животные чавкают с аппетитом, и корытце быстро пустеет.

— Спасибо! — пожимает ученый руку Кондрату.— Ты сделал больше, чем я рассчитывал! Из рахитика вырастил отличного кабана. Правильно провел опыт по выработке условных рефлексов у поросят. Ну-с, я тут задержусь, друзья, а в школу к вам зайду попозже.

Ребята вышли из свинарника.

— Счастливый ты, Кондрат! — восклицали девочки.

— Ну, застрекотали! — произнес Кондрат, хмуря брови, но губы его невольно расплывались в улыбку. Он предложил пойти к Антонине Васильевне: надо же подготовить встречу в школе.

Необычно тихие плелись позади всех Ромка с Сеней. Сеня бурчал что-то, Ромка шел молча, понурив голову: он завидовал Кондрату и Нюсе — они умели делать нужное.

Зайдя за учительницей, ребята вместе с ней пошли в школу. Нарвали в саду пионов и маков, собрали большую миску крупной клубники.

Леонида Ивановича встретили у калитки и повели осматривать школьный сад. На деревьях были таблички с именами тех, кто посадил и растил дерево: вишня — «Нюся», слива — «Люба»... А на стволе абрикоса, посаженного Сеней, он тайком вырезал свое имя; буквы затянулись корой, и выпукло темнело на коре сверху вниз: «Семен Рябоус». Над грядками широким шатром простирался большой куст винограда, дальше были опытные делянки; там высоко поднималась кукуруза, посаженная отборными семенами.

Потом все собрались в кабинете биологии, уставленном яркими букетами. Леонид Иванович беседовал за столом с учительницей, а девочки усердно угощали его: все подвигали миску с клубникой.

Антонина Васильевна подала ему клеенчатую тетрадь и сказала:

— А вот посмотрите общий дневник наших ребят.

Ученый раскрыл тетрадь.

ДНЕВНИК ХОРОШЕГО

«По-моему, всем вместе дневник интересней вести, чем одному. Мы порешили сюда записывать, кто что сделал хорошего. Это не просто. Я вот, кажется, понимаю, что хорошо, а начну делать, и получается не так, как задумал.

Роман.

Я сделал хорошо, когда мы спасали Кондрашкиных поросят, убежали с ними и запрятали, а то бы их зарезали.

Семен Рябоус.

Еще я сделал хорошо: ездил с Ромкой ловить лягух, чтобы в пруд выпустить. Мы бродили в плавнях, перепачкались там в тине.

А вечером мать меня отругала, зачем я новые штаны испачкал.

Семен Рябоус.

Ромка сделал хорошее. Маленьким телятам вредно заглатывать сразу много молока — поилки нужны, а их не хватает. Мы не знали, что делать, а Ромка достал резиновую кишку, разрезал на три куска, и мы поили телят из этих трубок, и телята у нас не болели.

Люба, Маруся, Галя.

Кондрат лучше всех умеет дело делать. Хорошо поросят растит да еще на другие фермы ходит, советует и заботится, чтобы все было в порядке.

Нюся.

Про это нечего писать. Раз я взялся быть старостой — значит, должен делать. А хорошее то, что не должен, а делаешь!

Кондрат.

Еще я сделал хорошо: батька обещал, когда перейду в шестой класс, то купит мне футбольный мяч, я давно просил... Он привез мне из города мяч, а я его дал всей нашей команде, а то мы раньше играли тряпочным.

Семен Рябоус.

Недавно я хотел наподдать одной вредной девчонке, но удержался и прошел себе мимо. Это хорошо.

Семен Рябоус.

По-моему, слишком завоображал Сенька: не тронул девчонку — значит, сделал хоро-

шее? Каждый пионер должен быть ребятам пример. Если не делаешь плохого, это еще не значит, что делаешь хорошее. А вот когда мы все помогли Кондрату и деду убрать у них в хате и белье постирать, так это сделали хорошо.

Нюся.

А может, не очень хорошо? Потому что Кондрат не хотел и выгонял нас, когда мы убирали. Может быть, он стеснялся?

Люба.

Я не стеснялся. Просто не люблю, когда мне помогают. Хочу сам делать.

Кондрат.

Помогать надо все равно, даже если не просят, тем более товарищу! Мы вот ходим к бабусе помогать. Подметем ей пол, воды принесем из колодца. Иногда она скажет: «Ничего не надо, деточки, все у меня есть»,— тогда мы читаем ей стишки и сказки, чтобы не скучала. Мы бы еще ходили к кому-нибудь, да в нашем колхозе больше нет таких одиноких.

Нюся».

— Что ж,— Леонид Иванович внимательно посмотрел на ребят,— уважаю людей, которые стремятся делать хорошее.

— Напишите и вы нам в дневник,— попросила Нюся.

Вынув авторучку, ученый стал быстро заполнять страницу. Все молча смотрели на него. Потом звучным, взволнованным голосом учительница принялась читать запись:

— «Главное, о чем хочется сказать вам, друзья,— учитесь! Учитесь не только для того, чтобы ответить урок, но чтобы овладеть великой силой — наукой. Эта сила освобождает нас от власти природы, больше того, заставляет служить человеку энергию атома, солнца, ветра. Науке еще многое предстоит сделать. Мы должны передвигаться в космическом пространстве на ракетах и звездолетах так же уверенно, как летаем на самолете. Научиться управлять погодой, создавать вещества, неизвестные в природе, невиданные породы животных, растений... Вашему поколению не придется тревожиться из-за угрозы атомной войны; вы будете вести войну против болезней, усталости, старости. Скоро вступит в строй Каховская система орошения, в нашей степи заструится по каналам вода, появятся сочные травы... Для этой новой степи ученые выводят породы животных, которые быстро растут, дают много молока и мяса. Здесь и вам, товарищи юннаты, предстоит немало работы. Хорошее будущее не придет само по себе, каждый должен готовить его, и если каждый из нас сделает, что может, как далеко мы шагнем!

Могуча наша страна, сотни каналов пророет, тысячи машин двинет в степь, но важнее всего воспитать для коммунизма людей знающих, умеющих добывать для народа добро...»

Напряженно слушал Ромка, подергивал упавший на глаза завиток, и глухое волнение поднималось в нем. Как много может человек! Громадное будущее распахивалось перед ними. Куда только не залетал он в своих мечтах, пока читала учительница! Но вот она смолкла... Ромка посмотрел на всех и подумал с горечью: «А я-то что смогу? Что я за людишка?»

Леонид Иванович встал, пригладил волосы и надел беленькую панаму.

— Ну-с, мне пора. Спасибо, друзья, за то, что потрудились. Много терпения и любви к делу показал Кондрат, его опыт пригодится и для нас. Надеюсь, к осени снова встретимся с вами в нашей Аскании...

Как обрадовались ребята!

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ

Бывал ли кто-нибудь из вас, друзья, на районной выставке сельского хозяйства? Выставка эта бывает обычно в парке — каждый райцентр имеет свой парк. В городке, куда приехали наши юннаты, парк большой. В парке построены павильоны, много стендов. Вот и павильон юннатов — длинная беседка, над входом прибиты алые флажки. Из нашего колхоза приехала Антонина Васильевна с лучшими юннатами; они размещают свои экспонаты: высокий куст кукурузы с восемью початками на стебле, черно-фиолетовые грозди винограда... Ставят на видном месте клетку с крольчихой, которая принесла за год восемьдесят четыре крольчонка! Кондрат водружает на шесте свою скворечню. Нюся прибивает на стене фотографию Пузина, которого снял колхозный фотограф.

Снял он и Кондрата; в школьном зале висел этот снимок вместе с фотографиями других ребят, заработавших больше ста трудодней. Однако сейчас Кондрат не хочет, чтобы вывешивали его фото, и спорит с Нюсей:

— Чего это мне выставляться?

— Попал на выставку — так и выставляйся! — возражает Нюся.

Пошел Кондрат на окраину городка, где в большом сарае помещались привезенные

на выставку свиньи. Сегодня ветеринар должен им сделать последнюю прививку.

Ветеринар вынул из чемоданчика бутылку, раскрыл блестящую коробочку со шприцем. Одна из свинарок держала бутылку, ветеринар набирал шприцем сыворотку, вкалывал иглу в шею свиньи, та взвизгивала, дергалась, а он быстро растирал место укола.

Кондрат уложил на солому своего Пузина, присел на корточки, почесывая его за ухом. Вдруг от укола большой кабан рванулся, толкнул свинарку — бутылка упала, и жидкость разлилась по земляному полу.

— Эх, досада! — Ветеринар поднял пустую бутылку.— Последнюю сыворотку пролили!

— Что ж теперь будет? — забеспокоились свинарки.

— Не знаю...— Лицо ветеринара вытянулось.— Но без прививки не могу допустить на выставку.

Он зашагал по улице, а Кондрат пошел за ним. Войдя в калитку, ветеринар скрылся в доме с вывеской «Ветлечебница». Кондрат подождал немного и тоже вошел в лечебницу.

— Ну чего? — пробурчал ветеринар недовольно.— Нету сыворотки, сказано тебе!

— Так что же делать?

— Нечего делать! До областной базы двести километров, только послезавтра машина пойдет туда.

Понурив голову, Кондрат брел по улице и незаметно для себя очутился в парке. Из павильона юннатов доносились смех, говор, ему почудился голос Ромки, и почему-то сильно стукнуло сердце... Ромка сюда не собирался: он же не попал в число лучших юннатов и показывать на выставке ему было нечего. А как старался! После приезда Леонида Ивановича снова стал работать с Воронком, уехал в степь, где пасли жеребят, долго жил там... Конюшонок рассказал Кондрату, как пас Ромка жеребят и усердно объезжал Воронка... Но комиссия признала Воронка непородистым, для выставки непригодным.

Войдя в павильон, Кондрат сразу наткнулся на Ромку; тот сидел на полу у ведра и жадно пил. Поднял мокрое лицо с темными смеющимися глазами и вскочил.

— Вот и я!.. С батькой приехал, на мотоцикле. Запылился, жуть! Выехали мы — еще темно было, а все равно пришлось по жаре трястись... Уморился, сейчас залезу под куст, спать буду в холодке... Слей-ка мне!

Зачерпнув кружкой из ведра, Кондрат стал поливать ему на руки. Ромка мылся у крыльца, громко фыркая, потом отряхнулся, закатал штанину и стал ощупывать колено.

— Болит... Это я зашиб, когда с Воронка грохнулся, такой шалый жеребенок, скачет, скачет — и вдруг стоп! Я и брякнулся через голову, чуть коленка не выскочила из лунки! Ну, а как поживает твой знаменитый Пузин?

Кондрат насупился. Но Ромка смотрел так простодушно и ласково, что, сам того не ожидая, Кондрат рассказал о своей беде.

— Где же еще можно достать эту сыворотку? — спросил Ромка.— Может, в Аскании?

Хмурое лицо Кондрата оживилось.

— В Аскании, да. Там своя лаборатория, свиная лечебница, на свиньях всякие препараты пробуют. Туда и съездить можно бы, да вот досада! Машина-то наша ушла...

— А на мотоцикле?! — воскликнул Ромка.— Мотоцикл же стоит в парке.

— А кто поедет? Механик собирает машины к выставке, ему некогда.

— Как кто поедет? Я! — вызвался Ромка. Все удивленно посмотрели на него.— Я и сюда сам вел мотоцикл.

Пошли к мотоциклу. Ромка заправлял его горючим, клок волос падал ему на глаза, мешал, он подхватил кепкой надоедливый клок, надев ее задом наперед.

— Как ты поедешь, если колено болит?

— Подумаешь!— бодро сказал Ромка, с размаху нажал ногой на тугую педаль стартера и сморщился от боли.— А ну-ка давай ты, ты потяжелее меня...

Нажал на педаль Кондрат, и тотчас зажигание включилось, затрещал мотор.

— Садись! — скомандовал Ромка.

Кондрат устроился на заднем сиденье, крепко вцепился руками в скобу. Оставляя за собой хвост синеватого дымка, мотоцикл помчался.

ДОРОГА

Медленно плывет над степью серебристое облако, низко свесив край; можно долго идти в его огромной тени, укрываясь от солнца, но мотоцикл мчит стремительно и обгоняет облако. Мягко бьет в лицо ветер. Впервые в жизни с такой быстротой несется Кондрат, прямо дух захватывает! Перед глазами спина Ромки в красно-зеленую клетку, угол воротника на пуговке, и почему-то милой кажется ему эта пуговка. Мелькают столбы. От блестящей дымки на горизонте начинает слепить глаза. Вдали в струящемся мареве воз-

никают голубоватые зеркала воды, в них отражаются туманные кусты, деревья...

— Смотри-ка, к озеру едем! — восклицает радостно Ромка.

— Выкупаться не хочешь ли? — посмеивается Кондрат.— Это мираж...

— Мираж? Настоящий мираж, как в пустыне Сахаре?

Но вот дорога разветвляется по трем направлениям. На столбе стрелки указателей, на одной написано: «Аскания-Нова».

Ребята удивлены, что добрались так быстро. Они и не подозревают, что на тысячи и тысячи километров тянутся владения заповедника. А там что такое?

Словно огромное одеяло разостлали на зеленом просторе. Это пасутся овцы.

— Едем к ним! — восклицает Ромка. Свернув с дороги, он устремляется в степь и останавливает мотоцикл возле отары. Мальчики разглядывают крупных баранов, на которых складками отвисает шкура.

Кондрат подходит к барану, запускает пальцы в заскорузлый слой шерсти и с трудом добирается до нежного подпушка — такое густое руно!

— Наверное, это те, знаменитые...— приговаривает Ромка.— С одного хвоста, пожалуй, полкило настрижешь. Нам бы в колхоз таких, да?

— Заведем и таких.— Кондрат снова усаживается на мотоцикл.

Низко опускается солнце; густым алым светом тлеет облако, и кажется, именно от этого дымно-пламенного облака несет жаром.

Мальчики и не замечают, что едут по какой-то другой, узкой дороге. Навстречу им в розовом свете заката движутся невиданные огромные животные. Шеи вроде оленьих, рога высокие, прямые, как штыки.

— Соображаешь, кто это? Антилопы канны! — уверенно говорит Кондрат.— Помнишь, Леонид Иваныч рассказывал?

Мотоцикл приближается к животным. Те останавливаются. Ромка тормозит.

Стадо разделяется, антилопы начинают обходить мотоцикл с обеих сторон.

— Смотри-ка, в окружение берут...— Ромка пытается усмехнуться.— Прорвемся?

— Погоди, могут напасть.— Кондрат крепко обхватывает плечи Ромки, и, затаив дыхание, они тревожно следят за животными.

Те смыкаются кругом все плотней... Что делать?

Вдруг слышится резкий, как выстрел, хлопок бича, и антилопы раздвигаются. Верхом на коне появляется пастух в соломенном бриле, широком, как зонтик. Взмахами бича он разгоняет животных.

— Вы сюда как попали, хлопцы?

— Мы в Асканию едем,—поясняет Ромка, облегченно переводя дух.— А что, они бросились бы на нас?

— Кто знает... Хотя приручаем, ну все ж таки не домашние. Таким рогом хоть и шутя зацепит — не поздоровится. Катите свою тарахтелку потише: они шума не любят.

Степенно шествуют антилопы, за ними — пастух на коне. Правая рука его опущена, и длинный бич волочится по траве.

— Ото наша ферма, заходите.

И указывает на сарай за оградой. Мальчики входят во двор, прислонив к изгороди мотоцикл. Большой двор наполняется антилопами; они что-то жуют, пьют воду из корыт. Женщина в платочке привязывает антилопу к столбу, та почесывает о столб шею — вся изгородь вздрагивает. Женщина выдаивает антилопу, потом, зачерпнув кружкой из ведра, угощает мальчиков. Молоко вкусное, густое, как сливки.

— Ночуйте, хлопцы, у нас,— приглашает женщина,— куда вам ехать на ночь глядя?

— Нельзя: у нас в Аскании срочное дело,— заявляет Ромка.

— Заночуете! — приказывает пастух.—

Ложитесь вот сюда. Я встаю рано, гоню стадо, тогда и вы поедете.

Говорит он решительно, властно — с таким не поспоришь! Мальчики покорно укладываются под навесом на сене; с другой стороны дощатой перегородки лежат антилопы.

Ромка протяжно зевает.

— Уморился я... Интересно, почему это антилопы все молчат? Какой у них голос? А знаешь что, Кондраш,— добавляет он внезапно,— давай будем дружить!

Теплая волна заливает сердце Кондрата. Ему так хотелось иметь друга — настоящего, верного! Давно тянуло его к этому хлопцу, но почему-то получалось, что они всегда задирали друг дружку...

— Я тебе вот что скажу,— начинает он в раздумье, но слышит мерное посапыванье: Ромка спит.

Кондрат думает о том, как будут они дружить — не для баловства, а по-настоящему; делиться всем, что имеешь, что знаешь... Рядом беспокойно спят антилопы, изредка слышен тяжкий вздох, стук в перегородку рогом или копытом... Перед рассветом, когда Кондрат наконец собирается вздремнуть, приходит пастух и велит подниматься.

Неторопливым шагом идут со двора антилопы, позади — пастух на коне. Он выводит мальчиков на дорогу. Торжественная предутренняя тишина в степи, синеватый сумрак, и только на востоке золотится узкая кромка зари.

Они едут.

Когда показывается сияющий краешек солнца, мальчики замечают проволочную сетку загона; далеко-далеко тянется эта сетка, за ней пасутся олени, буйволы, лохматые яки... Впереди залегла по горизонту полоса зелени. Лес, что ли? Шире, шире становится зеленая полоса, белеют дома...

У въезда в поселок два кургана, и на каждом серая древняя статуя — каменная баба.

Мотоцикл катит по улице вдоль белого длинного забора. Над воротами вывеска: «Всесоюзный институт гибридизации и акклиматизации животных Аскания-Нова».

ЗДРАВСТВУЙ, АСКАНИЯ!

На просторном квадрате двора примыкали друг к другу одноэтажные светлые дома; зеленели кусты сирени и акаций. В тени деревьев посреди круглого водоема бил фонтан. Мальчики бросились к нему, стали жадно пить. Потом подвели мотоцикл к крыльцу, вошли в застекленную галерею, где мыла пол уборщица, и стали ее расспрашивать. Оказалось, что лаборатория еще закрыта, а Леонида Ивановича можно найти на свиноферме: он с утра всегда бывает там.

Ребята пошли по улице, обсаженной высокими кустами. Справа вместо домов тянулись сетки вольер. Увидали за сеткой громадного желтого быка и остановились.

— «Зубробизон»,— прочел Ромка на табличке.

Желтый подошел к ним, уперся лбом в сетку, и Ромка погладил его курчавый лоб.

В другой вольере ходил осел в полосатых разводах — гибрид осла и зебры. В третьей нелепо кружилось странное существо — гну. Спереди оно походило на уродливую черную косматую корову с кривыми рогами, а хвост был светлый, лошадиный.

В следующей вольере громоздилась гора из ящиков, составленных ступенями; горные бараны — муфлоны — обитали там. Самый большой муфлон стоял на верхушке горы и концом огромного скрученного рога почесывал себе спину.

Ромка толкнул узкую калиточку между вольерами — заперта. Он распластался в пыли и сунул голову под калитку.

— Можно пролезть, давай, Кондрашка!..

— Нет уж, сначала к Леониду Иванычу.

В конце поселка они разыскали свиноферму и вошли туда. Группа ребят, приехавших на экскурсию, окружала Леонида Ивановича.

В станках были свиньи самого разного вида, и Кондрат внимательно разглядывал их.

— Вот черная дикая свинья,— пояснял ученый.— Черные не боятся жары, но они худые; белые степные — жирные, но плохо переносят жару. Ученые решили соединять парами белых и черных. Стали от них рождаться поросята, какие вы думаете? — Леонид Иванович прищурился, склонив голову набок.

— Полосатые! — пискнула одна из девочек.

— Рябые,— сказал Кондрат.

Леонид Иванович вскинул голову, и голубые глаза его весело засветились.

— А-а, Кондратий! Здравствуй! Ты верно сказал: стали рождаться поросята пятнистые, или рябые, как говорят у нас на Украине. Много лет выводили мы эту породу и добились соединения ценных качеств белых и черных свиней: рябые свиньи легко переносят жару и хорошо нагуливают жир. Посмотрите теперь сюда...

В просторном станке стоял громадный рябой кабан ростом с теленка!

— Этот экземпляр на пятьсот кило, кличка — Чемпион.

— Вот это да! — вскричал Ромка.— Хоть в телегу его запрягай!

Леонид Иванович вошел в станок, где толпилось несколько поросят, и дал Кондрату подержать рябенького поросенка.

— Это сынок Чемпиона, ваш колхоз собирается купить у нас такого — на развод.

— Теперь у нас при школе маленькая ферма будет и звено свиноводов,— заявил Кондрат.— Возьмем из колхоза несколько поросят, будем растить. Вот бы такого вырастить!

Он внимательно рассматривал рябого поросенка, а тот вдруг взвизгнул и стал вырываться. Ромка, стоявший рядом, дернул его за хвостик.

— Не соображаешь, что ли! — сердито шепнул Кондрат.— Это тебе не просто поросенок, а достижение науки.

Ромка уже передал Леониду Ивановичу письмо ветеринара и рассказал ему, что случилось.

— Сыворотку вам приготовят,— пообещал Леонид Иванович.—А пока можете походить с ребятами, посмотреть наши парки. Часа через два зайдете в лабораторию.

Ромка и Кондрат присоединились к экскурсии и двинулись пыльной, раскаленной улицей. Резко слепило солнце, а над каменным белым забором парка шелестела пышная листва. Вошли в калитку — и словно в другой мир попали, в мир свежести и прохлады. Высилась круглая башня, вся покрытая завесой дикого винограда; из толстой трубы шумящим потоком била вода, падала в каменную канавку и убегала в таинственный сумрак, в заросли кустов. Ребята окружили трубу, ловили ртами стремительную воду, брызгались и смеялись.

— Воздух-то какой, чувствуешь? — Кондрат стоял, раздувая ноздри, и лицо у него было такое счастливое...

— ...Эта водонапорная башня — жизнь Аскании,— поясняла девушка-экскурсовод.— Вода отсюда поступает в пруды и канавки. Раньше это был единственный источник влаги, но теперь магистральный канал проходит поблизости...

Отрадная тишина стояла в парке. Далеко уходили тенистые аллеи, между ними ярко зеленели поляны и музыкально журчали ручейки — оросительные канавки. Посреди парка поблескивал пруд. Толстые деревья простирали над ним гущу листвы, и вода в пруду была темно-зеленая; два черных лебедя скользили по ней. Кондрату даже не верилось, что рядом, за этим забором, пышет жаром раскаленная улица. Какие деревья! Он вырос в степи и никогда не видел ни леса, ни высоких деревьев.

Вдруг шевельнулась трава, блеснул золотом хохолок, спина, и показалась дивная птица: ярко-алая грудка, пестрые перья хвоста... Кондрат осторожно раздвинул траву, присел на корточки да так и застыл.

— Сотни фазанов живут в этом парке,— говорила девушка,— есть фазаны «алмазные», «золотые»...

— Заяц, вон заяц! — заорал Ромка, бросаясь вперед.

— Кричать у нас не полагается! — строго заметила девушка.— В парке животных не пугают, поэтому и они доверяют людям.

Пройдя до конца ботанического парка, вышли на улицу, обдавшую зноем, и перешли в другой парк — зоологический. Этот парк был светлый и шумный. Казалось, всем весело тут, и все выражали свою радость беготней, криками, взмахами крыльев, полетами... Суетливо шныряли в траве гладенькие, в белых крапинках цесарки. В просторных вольерах трещали попугайчики — голубые, зеленые, розовые. На большом пруду плавало много разных птиц, и берега были в пуху и перьях. Бродили среди тростников розовые фламинго на красных высоких ножках. А белые лебеди облюбовали себе длинный канал, над которым, словно свод пещеры, нависали ветки кустов. Четыре большие птицы сидели на невысоком дереве, и ветки сгибались под их тяжестью. Одна развернула, как веер, хвост, блистающий золотом и лазурью. Да это же павлины! Ромка восторженно ахнул и подтолкнул Кондрата.

— На тебя немножко похож,— усмехнулся Кондрат,— тоже покрасоваться любит.

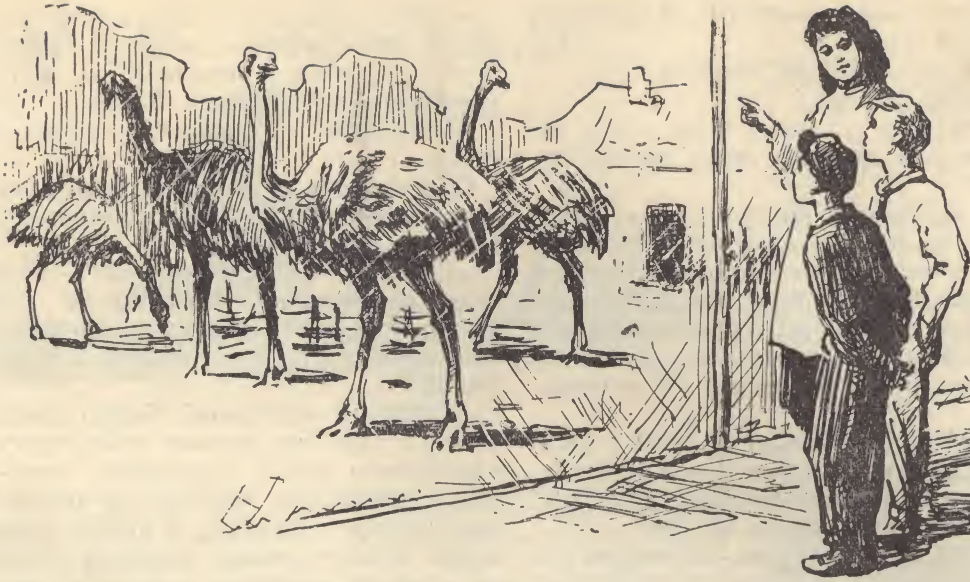
Вдруг на аллее показалась птица еще удивительней — птица в рост человека! Важно ступая высокими ногами, шествовал страус.

— Это Степка, да? — допытывался Ромка у девушки.— Нам Леонид Иваныч рассказывал, как у него забрали птенцов.

— Нет, это Макс, а Степка вывел снова птенцов, теперь водит их сам, вот они.

Выводок страусят бегал по лужайке. Девушка тоненько посвистала, и страусята стали сбегаться к ней, бросив своего отца Степку. Тот сердился, махал короткими крыльями и смешно подпрыгивал, точно плясал.

— Это самые маленькие страусы, называются нанду. А вот здесь в вольерах эму. Вот африканский страус. Ударом ноги он может убить человека, а бегает быстрей лошади,— объясняла девушка.

Высокий черный страус важно смотрел своими большими глазами с ресницами, как у человека. Осторожно приоткрыв дверку вольеры, девушка бросила ему помидор; страус склонил к земле лысую головку, проглотил помидор, и было видно, как опускался помидор по его горлу, вздувая голую темно-розовую шею. Хвост у него был пышный, из снежно-белых пушистых перьев.

— Все побаиваются этого страуса,— сказала девушка,— а Леонид Иваныч заходит смело, и страус его знает, прижмется к нему щекой и стоит, закрыв глаза.

На площадке возле домика-страусятника полосатые птенцы эму пили молоко, стоя в большом тазу, и вылезали оттуда, смешно отряхиваясь. Трое страусят болели рахитом; тонкие ножки едва держали их и были связаны бинтом у колен, чтобы не разъезжались в стороны. Роман и Кондрат вошли в домик. В просторной комнате сидела женщина в белом халате, держа на коленях страусенка; из-под колпака лампы на его лапы лился синий свет.

— Этим светом мы лечим рахитиков,— объяснила женщина.

— А поросятам-рахитикам тоже помогло бы? — спросил Кондрат.— Где такие синие лампочки можно достать?

Со двора послышался призывный крик. Расставляя на площадке корытца с едой, работница кричала нараспев:

— Страу-усики! Страу-усики!

Со всех концов парка, большие и маленькие, бежали обедать страусы.

— Эх, времени мало, не успеем посмотреть всего!

— Да, нам пора,— сказал Кондрат.

— Знаешь, кого мы еще не видели?— воскликнул Ромка.— Вожака антилоп, который буйвола на рога поднял, помнишь? Надо узнать, где он находится... Подожди меня здесь, я узнаю, я быстро...— И стремительно убежал.

Кондрат прилег на траву, вынул тетрадь и стал записывать, что видел сегодня. Рядом бродили страусы; один подошел и улегся рядом, как и мальчик, животом на траву, вытянув длинные ноги. Кондрат задумчиво стал ковырять карандашом ямку в земле, потом поднял голову, а пятеро страусов стоят вокруг и с любопытством следят за карандашом.

Прибежал запыхавшийся Ромка.

— Ты что, страусов приручаешь? А я узнал... Идем!

Подошли к воротам парка. Много пристроек примыкало к забору. Ромка сказал таинственно:

— Его в этом сарае держат, видишь, дверь на замке? Мы пролезем с той стороны. За мной!

Мальчики обошли сарай. В дощатой стене чернело оконце без стекла. Ромка подтянулся на руках и пролез в оконце; Кондрат — за ним. Темноватый сарай перегораживала дощатая стена с тремя дверьми, верхняя часть дверей была забрана решеткой.

В одном отделении было пусто, в другом виднелась косматая морда гну, а в третьем стоял он! Огромный, серый... Торчали высокие, прямые рога, отблескивали большие глаза.

— Эй ты, бандит! — крикнул Ромка.— Да-

вай, Кондрат, подойдем поближе. Я даже погладить его могу.

— Да ты дурак, что ли? Рога-то...

— Боишься? Эх, ты!..

Ромка очутился у двери. Став сбоку от решетки, он уже протянул через прутья левую руку...

Кондрат подскочил, рванул его за шиворот, и в тот же миг оба покатились по полу. Два грозных рога на полметра просунулись меж прутьев решетки, дверь так и сотрясалась от страшных ударов! Антилопий вожак молча бил лбом, но взревела, захлебываясь, гну, с любопытством глазевшая на происходящее.

Мальчики быстро вылезли из сарая и сели на траву отдышаться. Вдруг Ромка заметил, что рукав серой рубашки Кондрата разорван, красное пятно расплывалось на нем.

— Задел-таки концом рога.— Кондрат закатал рукав. Лоскут кожи был содран, широко текла кровь.

Ромка побледнел, выхватил из кармана носовой платок и туго замотал рану.

— Идем скорей! Тут, наверное, больница есть...

— Вот еще вздумал, больница! И в лаборатории перевяжут. Скажу, что напоролся на сук.

— Я же не знал... Совсем не думал, что так получится! — растерянно приговаривал Ромка. Сжав губы, он крепко зажмурился, чувствуя, что вот-вот заплачет, и отвернулся.

Кондрат, помолчав, сказал:

— Давай вот что... Если дружить, то будем и слушать друг друга... Хотя бы иногда.

— Ну да, я понимаю... Я теперь по-другому буду... Ты увидишь, вот увидишь!

* * *

Мотоцикл, к сиденью которого старательно примотана коробка с сывороткой, останавливается у палисадника. В глубине его уютный домик; он кажется маленьким под высокими деревьями парка. Мальчики идут по дорожке, а с террасы им приветливо машет Леонид Иванович, приглашает к столу позавтракать.

Кондрат присаживается на кончик стула, смущенно мнет кепку и ничего не ест. По его примеру отказывается от угощения и Ромка, но Леонид Иванович настаивает, и Ромка охотно принимается уплетать яичницу.

— А из страусиного яйца, наверное, на десять человек яичница выйдет? Завести бы и нам в колхозе страусов! У вас есть продажные? — интересуется Ромка.

— Продаем в зоопарки. Десять тысяч стоит.

Они выходят во двор, где бегают по траве крохотные белые курочки и петушок ростом чуть повыше голубя.

— Почему такой маленький? — Ромка садится на корточки, разглядывая петушка-малютку; перья у него до самых пяток, будто длинные штанишки надеты.— Какой потешный!

— Почему маленькие? Такую породу вывели. А нам эти крошки пригодились: они насиживали яички перелетных птиц — зябликов, малиновок, пеночек — и вывели птенцов, которые поселились в наших лесных полосах. К осени птенцы подросли, улетели на юг, а весной вернулись снова в лесные полосы. Эти птицы обычно возвращаются в те места, где вывелись.— Леонид Иванович хитро щурится.— Не в пример иным ребятам, которые вылетают из родного колхоза и не возвращаются обратно.

— А мы, когда выучимся, вернемся в колхоз! — восклицает азартно Ромка.

Ученый провожает ребят до калитки.

— Много лет я работаю, друзья мои,— говорит он,— и убедился, что нет радости выше, чем радость хорошо выполнять любимое дело и знать, что оно нужно людям. Мы с вами уже находимся на пороге великого времени — коммунизма. Я, к сожалению, стар, а вы увидите все чудеса этого времени, больше того, сами будете их создавать....

Они стоят у калитки и все медлят расстаться с ученым. Что же хочется им еще услышать, узнать? Может, они просто полюбили его?

— И еще научитесь, ребята, дружбе. Настоящей, верной. С нею любые трудности вы сумеете одолеть. Запомните эти слова старика.

— Старика?! — удивляется Ромка.— Какой же вы старик?

— Ну да, какой я старик, когда мне всего сто лет!..— подмигивает Леонид Иванович, и мальчики смеются.

Они выезжают из поселка. Мимо каменных баб на курганах, мимо сетки большого загона стремительно мчит мотоцикл.

Впереди степь.

Уха из-подо льда

Зимой у рыбаков, можно сказать, все наоборот: удочка не длинная, а короткая; сам рыболов не в легкой рубашечке и босиком, а в шубе и в валенках. Он свободно расхаживает по замерзшим волнам рек и озер; сидит в теплой палатке или просто устроится со своим стульчиком на крепкой ледяной крыше полусонного рыбьего царства, пробивает в этой крыше лунки и ловит рыбу прямо из-под своих ног.

Этот способ рыбной ловли, вероятно, очень древний. Занимаются им люди сейчас в очень многих странах мира. Рассказать здесь о всех тонкостях этого увлекательного спорта невозможно, поэтому остановимся только на самом главном, а если у вас возникнут вопросы, давайте переписываться, и вам опытные рыболовы ответят на ваши вопросы. Достать «уху из-подо льда» — дело нелегкое, недаром в народной пословице говорится: «Без труда не выловишь и рыбку из пруда», — но давайте попробуем. Сначала познакомимся с самыми необходимыми вещами рыболова-зимника.

НЫТИКОВ:

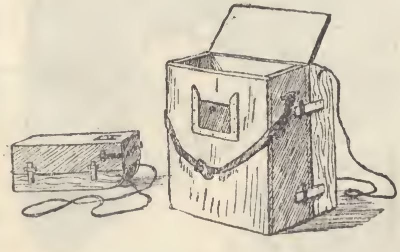
— Нет, в «Гастрономе» «ловить» выгоднее. По крайней мере не замерзнешь. И что это за техника: удочка, крючок? Вот на 38-й странице техника настоящая.

Пешня нужна для пробивания во льду лунок; из этих отверстий во льду и ловят рыбу. Лунки у умелого рыбака с хорошей пешней получаются диаметром в 10—15 см. Пешней может служить даже простой железный ломик.

Длина пешни должна быть примерно полтора метра. Очень короткой пешней лед рубить неудобно. Эту тяжелую снасть лучше всего по льду и снегу таскать на длинной, метра в два, веревке. В последние годы у рыбаков появились вместо пешни особые сверла, во льду лунка уже не прорубается, а просверливается.

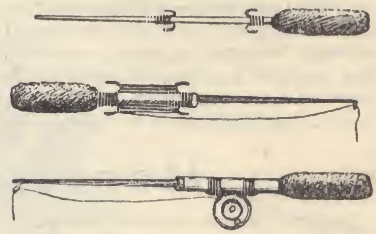
Черпачок необходим, чтобы выгребать рубленый лед из лунки, очищать лунку от плавающих в ней льдинок. На первых порах можно обойтись маленькой деревянной лопаткой.

Ящик служит рыбаку стульчиком, местом хранения рыболовных принадлежностей и пойман-

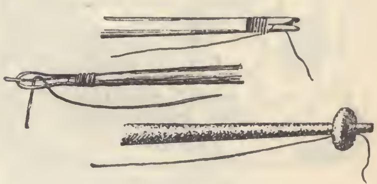

ной рыбы. Его делают на полозьях, получаются санки, которые легко возить по снегу. Некоторые рыбаки носят с собою ведро; в нем у них удочки, рыба, и сидеть на нем удобно. А можно все носить в рюкзаке, а для сидения брать с собой складной стульчик.

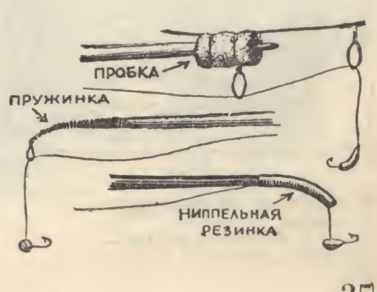
Удилище делается короткое, от 40 до 60 см. Самые простые состоят из ручки и вставленного в нее тонкого, гибкого конца из можжевельника, бамбука или пластмассы. Более удобные делаются из дюралюминиевой трубки диаметром до 10 мм. На одном конце трубки укрепляются мотовильца, или маленькая катушка для наматывания лески, а на другом конце трубки крепится ручка из пробки или пенопласта. В трубку вставляется конец удилища из гибкого материала, называемого винипластом; удочка получается складна́я. Кончик удилища можно тонким концом вкладывать внутрь трубки. Такие удилища пригодны для ловли на блесну и на мормышку.

Закреплять леску на кончике удилища при ловле на блесну можно следующим образом:

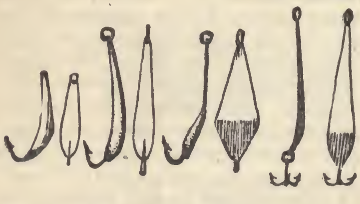

При ловле на мормышку на кончике удилища устраивают так называемый сторожок, или кивок; он помогает рыбаку заметить даже очень осторожную поклевку рыбы.

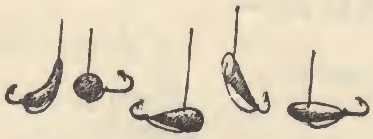
Лески для ловли на блесну должны быть толщиной 0,25—0, 35 мм, а при ловле на мормышку можно брать в 0,15 мм и тоньше.

Блесны бывают разные. Упомянем лишь несколько из них. Делаются они из пластинок красной и желтой меди, иногда серебрятся. Формой и движением в воде

они отдаленно напоминают маленькую рыбку; это, наверное, и привлекает хищных рыб.

Мормышки служат одновременно грузиком и крошечной блесенкой. На крючок мормышки обязательно насаживается для приманки рыбы мотыль — рубиново-красный червячок, личинка крупного комара, которая водится в мягком иле прудов и озер. Надевать мотыля на крючок нужно осторожно, крючок прокалывают в черную головку мотыля. Если проткнуть в другое место, то вся жидкость из червячка вытечет. Хранить мотыля нужно в слегка влажной тря-

почке, в деревянной коробочке, оберегать от мороза и от слишком высокой температуры.

Одежда и обувь у рыбака должны быть теплыми, но не тяжелыми. От ветра хорошо уберегает плащ с капюшоном (только не из пластмассы: она становится твердой и ломкой на морозе).

Еду брать с собой нужно, не вызывающую жажды. На морозе не следует пить горячий чай: это разрушает эмаль зубов, можно простудить горло.

Запомните: самостоятельно, особенно на первый, слабый лед, не выходите. Лед тоньше 5—6 сантиметров очень опасен, он легко проламывается. Осторожно сходите с берега на лед: под снегом он бывает тонкий, а там, где вода

На каникулах

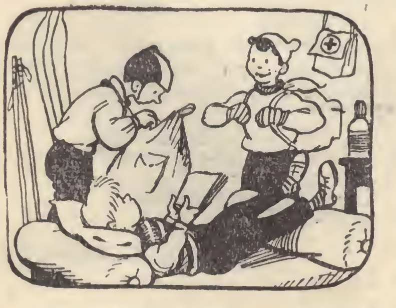
проточная, еще тоньше. Весной, когда начинается оттепель, лед становится совсем ненадежным, даже при значительной толщине.

Начинайте ловлю со взрослыми, уже имеющими опыт рыбаками. Они покажут, как нужно блеснить, ловить на мормышку (это довольно тонкое искусство), как выбрать место для ловли и многое другое.

Книги по вопросам рыбной ловли вы можете купить через отдел «Книга — почтой», если сделаете заявку по адресу: Москва, улица Кирова, 6, магазин № 120 Москниготорга, отдел «Книга — почтой».

А если вы хотите приобрести рыболовные принадлежности, пишите по адресу: Москва, Авиамоторная улица, 50, Центральная торговая база Посылторга. На любом почтовом отделении (кроме Москвы) вы можете взять прейскурант и по нему узнать, какие вещи есть на базе Посылторга и сколько они стоят.

Мальков собрался в поход...

— Мальков! В поход готовишься?
— Подумаешь, поход!
Чего к нему готовиться,
Ведь на день, не на год!

Прогноз на потепление,
Идти бы да идти,
Да подвело крепление:
Отстал Мальков в пути.

Погода стала хмуриться...
Без карты, без дорог
Мальков промок, как курица,
Отстал, устал, продрог.

И вот герой наш мучится:
В дороге, у костра,
Сушить ботинки учится...
И холод и жара!

Другие с гор спускаются
На лыжах, с ветерком,
А наш бедняга катится
С горы, как снежный ком.

Вот так поход закончился.
А результат таков:
Старательно готовиться
К походам стал Мальков.

ДЕВИЧЬЯ КОМАНДА

Меня зовут Таней из сторожки. Отец мой — лесник. Мы живем на кордоне. Я учусь в седьмом классе. Прошлой зимой наши девочки очень помогли моему отцу.

Перед новогодними праздниками леса страдают от порубок. Есть елки, которые лесники сами вырубают. Это угнетенный подлесок. Он растет в тени больших деревьев. Ели здесь могут жить и тридцать и сорок лет и все оставаться маленькими. А есть лес молодой, лес будущего. Его трогать нельзя. Ведь хорошенькая елочка, которую срубают, чтобы она каких-то три — четыре дня украшала дом, растет пятнадцать—двадцать лет.

Мы решили организовать пионерский патруль по охране леса. Целую неделю пришлось нам ходить друг к другу и уговаривать матерей, чтобы нам разрешили подежурить две ночи: 29 и 30 декабря.

Самые хорошие елки у нас растут у Волчьего оврага. Колька Кауров, мальчишеский заводила, поднял нашу затею на смех. Отряд мы составили только из девочек. Всего в отряде было восемнадцать человек. Мы разбились на три группы, надели лыжи и в девять часов вечера ушли в лес.

Первым лесонарушителем оказался Колька Кауров. С ним было двое мальчишек. Мы их окружили и приказали бросить топоры и снять лыжи. Колька выставил вперед плечо и бросился драться. Галинка Птахова ходила на лыжах хуже всех. Палки ей нужны были только для того, чтобы не упасть. Но тут она показала себя. Разбежалась и прыгнула Кольке под ноги. Колька со всего размаху упал в снег. Девочки навалились на него и на его товарищей. Изваляли их, набили снега за шиворот, отобрали топоры. Лыжи мы им отдали. Свои все-таки ребята. Жалко! В лесу снег глубокий.

На следующую ночь повалили в лес взрослые. Сладить мы с ними не могли. Топоров они нам не отдавали, но и в лес не шли.

Галинка мне и говорит:

— Танька, иди домой, неси ружье. А то нам плохо будет.

Ружье я принесла. Девчонки приободрились. А в лесу хорошо было, светло. Луна на небе стояла высокая, чистая. Разбились мы опять на группы, стали обход делать.

Вдруг слышу я, Галинка Птахова кричит:

— Танька, на помощь!

Мы все туда. Прибегаем. Галинка сидит в снегу и на ель показывает. Смотрю, под елью увязанные веревкой елки, штук пять, а на дереве — человек. Елочный спекулянт. Вершинку срубить целится. Я как закричу:

— А ну слазь!

А он в ответ:

— Не дери горло! А то спущусь, передушу вас всех.

И топором грозится.

— Ах,— говорю,— ты так! Ну, держись!

И снимаю с плеча ружье. Он как увидел ружье — и кувырком в сугроб. Вскочил было, а Галинка кричит ему:

— Ни с места! Стреляй, Танька!

Отобрали мы у нарушителя топор и в лесничество отвели.

А ружье у нас незаряженное было.

В. БАХРЕВСКИЙ

В ОБЪЕКТИВЕ — ЗИМА

Ты стоишь на лесной поляне и, как зачарованный, смотришь и не можешь насмотреться на разлапистые елки, пригнувшиеся под мохнатыми белыми шапками, на тоненькую березку и какие-то таинственные следы вокруг нее. Солнечный лучик алмазами играет в снежинках... Хорошо, что у тебя с собой фотоаппарат и ты можешь запечатлеть и сохранить на память эту картину!

И вот пейзаж сфотографирован, пленка проявлена, сделан отпечаток. Но что это такое? Ты смотришь и не узнаешь место, которым так залюбовался. Перед тобой серый, пасмурный вид, как будто бы снимал ты не солнечным утром, а вечером, в сумерках. Легкий, пушистый снежок превратился в белесое бесформенное пятно. Ты досадуешь на себя, на свой аппарат, но исправить уже ничего нельзя. Негатив получился сильно недодержанным: видно, при съемке была дана слишком короткая выдержка. Есть, вероятно, и другие ошибки.

Постарайся разобраться в своих ошибках и исправить их. Плохое качество зимних снимков чаще всего объясняется ошибкой в экспозиции. Зимой не следует ставить выдержку «на глазок», так как при отклонении ее от правильной величины контрастные бело-черные тона зимнего пейзажа очень трудно прорабатываются фотографическими материалами.

«Смелее!» — так назвал свой снимок Володя Мошков, ученик 288-й школы города Москвы.

Каждая выдержка соответствует только определенным световым условиям. Допустим, в ясный зимний день ты фотографируешь лесной пейзаж. Светочувствительность пленки — 65 единиц, диафрагма — 5,6. При таких условиях от 11 до 13 часов выдержка должна равняться $^1/_{50}$ секунды. Если же ты снимаешь раньше или позже этого времени, при худшей освещенности, правильной выдержкой будет $^1/_{25}$ секунды. Если погода пасмурная, величину экспозиции нужно будет удвоить или увеличить отверстие объектива.

Как видишь, фотография — наука точная. Поэтому на помощь тебе должны прийти справочные таблицы и экспонометры, которые подскажут правильную выдержку.

Опыт — тоже очень большое дело в фотографии. Чтобы его приобрести, полезно снимать один и тот же объект несколько раз подряд, с разной выдержкой. Только не надейся на память, а обязательно запиши, какое было освещение, время дня, какую выдержку и диафрагму ты поставил для каждого кадра. А потом увидишь, какой негатив получился лучшим по плотности. В другой раз уже не ошибешься.

НЫТИКОВ:
— А что у нас снимать? Вот в тайгу бы, в поход куда-нибудь! Загляну на 44-ю страницу.

Если ты будешь снимать снежный пейзаж без желтого светофильтра № 2, ничего хорошего у тебя не получится. Структура снега будет утеряна, и он будет казаться молочно-белым пятном. Это тоже необходимо знать.

Многие ребята увлекаются съемками спорта. Как же добиться того, чтобы фотографии получились выразительными, динамичными? Прежде всего обрати внимание на то, что в таких видах спорта, как конькобежный, лыжный, движение спортсмена состоит как бы из отдельных повторяющихся положений, среди которых для фотообъектива есть «выгодные», а есть неудачные. Так, например, если ты фотографируешь конькобежца, то самым выигрышным получится тот момент, когда он скользит на одной ноге, а другой только что оттолкнулся от ледяной поверхности. Это положение подчеркивает стремительность и силу движений спортсмена.

Очень важно, чтобы фон на снимках не сливался с фигурой спортсмена. А это бывает, когда снимают конькобежца на фоне темных трибун, лыжника в белом костюме на снежном склоне. Выбирай точку съемки так, чтобы фон был контрастным по отношению к фигуре спортсмена.

И все же в конечном итоге хороший снимок тот, который рассказывает о чем-то интересном. Выбери ясный, солнечный день и выходи «поохотиться» за снимками. Только не трать пленку на искусственные кадры, где все позируют и смотрят в аппарат с напряженными лицами.

Итак, за работу! Запасись терпением, будь требовательным к себе, настойчивым и изобретательным.

Фотокорреспондент Г. Дубинский.

Стоножка

Борис ЗАХОДЕР

(По Яну Бжехве)

Рисунок А. Каневского.

Жила Стоножка под городом Белым
и занималась
делом.
Вдруг из города
пришло письмо Стоножке:
«Приглашаем
на горячие лепешки».
И Стоножка,
не раздумывая много,
собралась
и поспешила в путь-дорогу.

Но представьте,
что как раз на полдороге
у Стоножки
перепутались все ноги!
Задние — с передними,
первые — с последними!
Девяностая — с тридцатой,
тридцать третья — с сорок пятой,
двадцать первая — с восьмой,
а девятая — с седьмой!

— Пропусти! — кричит вторая.
Третья стонет: — Умираю!
Пятая толкается,
шестая спотыкается!
Плачет сотая от боли:
— Отдавили все мозоли!
Шестьдесят четвертая
Свалилась полумертвая!

Что делать бедной Стоножке!
Пришлось распутывать ножки!
А в Белом-то
стынут
лепешки!

Распутала наша Стоножка сперва
ноги номер один и два.
Тринадцатую,
пятую,
четвертую,
тридцать девятую,
одиннадцатую,
восьмую,
десятую,
сорок седьмую...
— Ну, кажется, все!
Да не тут-то было:
про шестую она позабыла!
А нога номер семьдесят пять
с двадцать второй сцепилась опять!
Только сладит Стоножка
с какой-нибудь парою,—
все остальные
опять за старое!

Словом,
пока суд да дело,
все в городе
зазеленело,
и город Белый
Зеленым назвали.
А в город Зеленый
Стоножку
не звали!

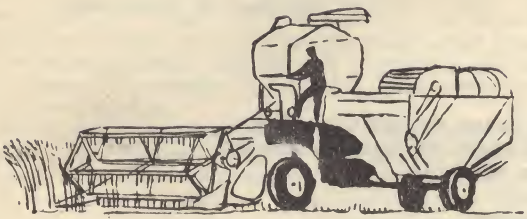
МАШИНЫ переодеваются

А. СМИРНЯГИНА

Много сильных и проворных помощников у колхозников: сотни тысяч самых разных машин работают на полях и лугах, в садах и на животноводческих фермах.

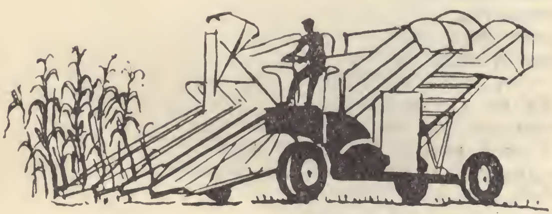
А наши инженеры и конструкторы придумывают все новые машины и совершенствуют старые, делают их еще лучше.

Взять, к примеру, такую замечательную машину, как комбайн. Сначала комбайн не мог обойтись без трактора. Трактором управлял один человек; на комбайне, прицепленном к этому трактору, работал другой.

Потом конструкторы решили соединить комбайн с трактором. Они поставили на комбайн мотор, и он самостоятельно, без помощи трактора зашагал по нивам. И сразу вдвое меньше понадобилось людей: с работой на самоходном комбайне свободно управлялся один человек.

Все как будто хорошо. Одно плохо: мотор самоходного комбайна больше «отдыхает», чем работает. Скосит, обмолотит комбайн хлеб и стоит без дела до следующей осени.

Не понравилось это изобретателям. И они сняли с комбайна мотор и колеса и построили с их помощью новую машину, назвали ее самоходным шасси. Мотор на шасси поставили не спереди, как у трактора, а сзади, и работать водителю стало удобнее: двигатель не загораживает поле, не мешает следить за работой машин, которые садятся на «седло», устроенное между двигателем и передними колесами шасси.

Во время уборки хлебов самоходное шасси нетрудно превратить в зерноуборочный комбайн.

Кукурузное поле похоже на рощу, толстые стебли не скосишь, как пшеницу, большие, тяжелые початки не сравнишь с легкими колосьями пшеницы. Для уборки кукурузы нужен другой комбайн.

Шасси придется «переодеваться»: менять один комбайн на другой. Для этого нужно совсем немного времени — минут 30—50, не больше.

Кукурузный комбайн убирает отдельно початки и стебли. Початки он складывает в бункер, а стебли крошит и ссыпает в грузовик или копнитель. Эта машина успевает сделать столько, сколько сделали бы восемьдесят человек, убирая кукурузу вручную.

Если надо заготовить силос, шасси наденет другой «наряд» — силосоуборочный комбайн, который косит подсолнух, кукурузу и другие кормовые растения и разрезает их мелко на силос.

Самоходному шасси найдется работа и тогда, когда с полей уже все снято. На него наденут другую, совсем не похожую на комбайн машину—разбрасыватель. Эта машина очень простая. Она похожа на кузов грузовика. Но вместо дна у этого грузовика бесконечная лента — транспортер. Когда в машину загрузят навоз и она поедет по полю, дно ее будет двигаться и перенесет удобрения к концу кузова. А здесь стоят два больших вращающихся шнека, таких, как у мясорубки. Они вращаются в разные стороны и в разные стороны разбрасывают по полю удобрение. Эта машина очень сильная: она заменяет шестьдесят человек!

Зимой шасси может превратиться в грузовик-самосвал. Если нужно перевезти солому, сено или какой-либо другой громоздкий груз, на кузов шасси-грузовика можно поставить щитки, и борта его станут выше. Можно составить автопоезд, прицепив к шасси-грузовику еще одну — две тележки.

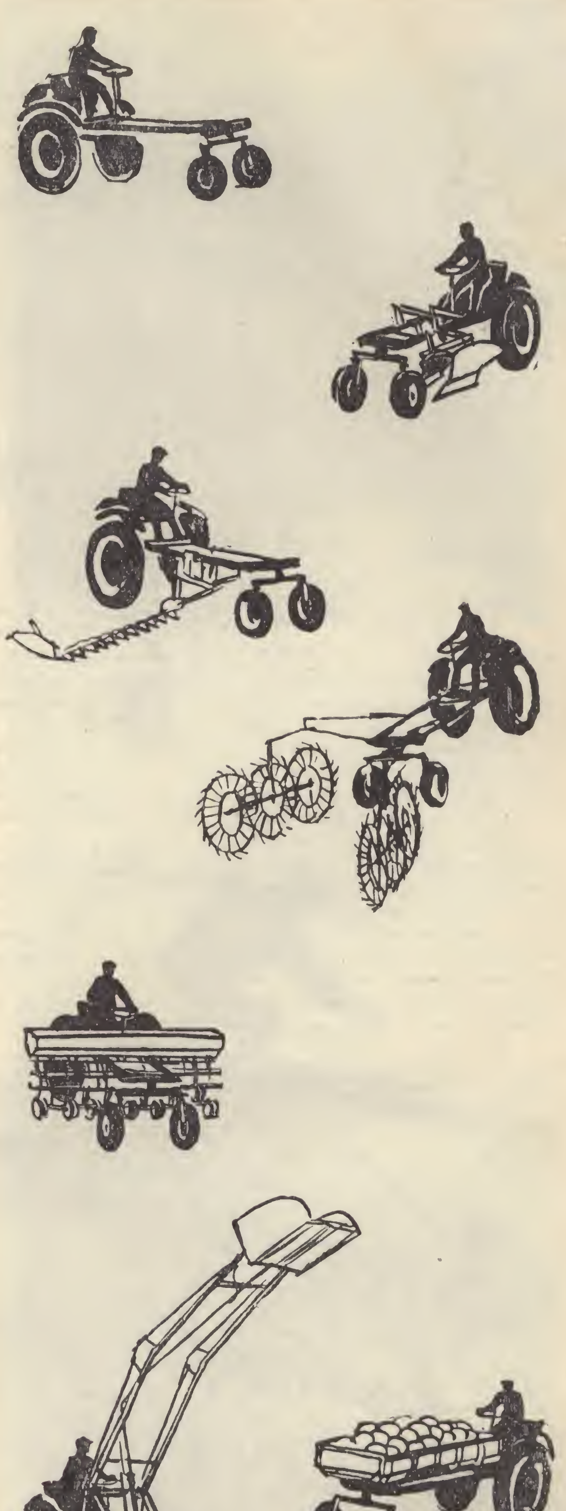
Мы рассказали об очень сильных шасси, которым под силу возить на себе такие большие машины, как комбайн. Вы еще не смогли видеть их на полях, их только недавно придумали конструкторы, и на заводах построили только первые такие машины. Зато маленькие самоходные шасси для небольших машин: сеялок, культиваторов, опыливателей-опрыскивателей — уже давно есть.

На рисунке показано, какую работу могут выполнять эти самоходные шасси.

Построили у нас и еще одно шасси — «средней» мощности. Оно сможет «переодеваться» пятнадцать раз; конструкторы уже придумали, как сделать навесными пятнадцать прицепных машин.

Самоходные шасси — удивительно работящие машины. Круглый год будут они помогать колхозникам.

И наши конструкторы все время думают над тем, чтобы побольше создать навесных машин, чтобы полностью освободить колхозников от тяжелого ручного труда.

Рисунки О. Рево.

НА КАНИКУЛАХ

Когда ветер свистит в ушах...

Ребята, о которых вы здесь узнаете, живут близ станции Турист, по окрестным деревням. Вокруг — горы не горы, а высокие холмы, иные — двести метров от подошвы до макушки. Есть и лесистые, и голые, и крутые, и пологие. Они волнами встают со всех сторон, куда ни глянь. Летом здесь раздолье туристам, а зимой — лыжникам. Сюда специально приезжают спортсмены тренироваться в слаломе, и местные ребята любят ходить к знаменитой Шукловской горе, смотреть, как мастера горнолыжного спорта проводят свои тренировки.

Сами ребята, конечно, также пробуют свои силы. Увлечение лыжами переходит от старших братьев и сестер к подрастающим младшим. А теперь у них есть замечательный друг и советчик; с ними начал заниматься известный мастер слалома Юрий Преображенский.

Мы попросили его рассказать об этом. И вот его рассказ.

Мне повезло. Я вырос в местах, где, куда ни глянь, холмы, склоны, овраги. Зимой — хоть на лыжах, хоть на санках — раздолье!

Впрочем, я знаю, что все ребята даже на самой ровной равнине стараются отыскать хоть какой-нибудь бугорок, склон овражка или насыпи, чтобы съехать с него. Что ж, я вполне понимаю таких ребят. Я потому и стал заниматься с ребятами, о которых здесь идет речь. Разрешите мне познакомить вас с ними в самый интересный момент, когда они катаются на лыжах.

Вот Люся Аникина, двенадцати лет. Ростом она невеличка, по характеру резвая, в школе на нее даже жалуются. Говорят: страшная непоседа. Кататься на лыжах умела, то есть умела приблизительно. Пришла ко мне на детских лыжах, купленных за двадцать рублей. В основном здесь все ребята катаются на таких лыжах.

Сначала (это было в прошлом году) Люся ездила, широко расставив ноги. Упасть не упадет, а съедет по-смешному, однако смело. Вообще она девочка очень смелая. Цепкая девочка, недаром ее зовут «Ванька-встанька». Не сшибешь ее. Очень устойчивая. Как все дети, она любит делать то, что у нее хорошо получается, а что хуже идет, то делает с меньшим удовольствием. Люсе хорошо удаются прямые спуски и немного хуже удаются повороты. В прошлом году она стала увлекаться поворотами, потому что они у нее наконец начали получаться.

На снимке: Люся кончает поворот на параллельных лыжах и выходит на прямую. Она, как настоящий

мастер, идет на одной ноге, ноги стоят узко. Делает поворот на внешней лыже, как это и положено делать. Другую ногу она слегка приподняла, внутренней лыжей, носком, лишь слегка касается снега.

Почему ноги надо держать узко? Казалось бы, чем шире ноги, тем устойчивее. По законам физики — да, по законам лыж — нет, потому что, когда лыжник идет по горе, на его пути встречаются ямки, бугорки. И если ноги держать широко, то бугорки подбрасывают то одну, то другую лыжу, и равновесие от этого, наоборот, нарушается. А если ноги узко расставлены, то бугорок подбрасывает две ноги сразу, такой бугорок легче амортизировать, да и поворачивать, когда ноги держишь узко, легче, а почему, я вам дальше расскажу.

В слаломе самое важное — скорость, но нужно и силы экономить, потому что когда теряешь силы, то менее точно все выполняешь, допускаешь ошибки, а значит, и дольше спускаться будешь.

Лыжи должны быть сомкнуты, это в идеале. Но иногда и очень хорошие мастера немного их разводят: на три—четыре сантиметра.

А вот с руками у Люси еще нелады. Посмотрите на фото, как она их сильно разводит в стороны. Это оттого, что палки ей велики. И сколько я ни говорил Люсе, она не хочет обрезать палки. Считает, что скоро вырастет и палки будут ей в самый раз. А сейчас они тяжелы ей и высоки.

Палки иногда помогают лыжнику сохранять равновесие, но если палки слишком большие, то лыжник часто вынужден откидываться назад и терять равновесие. Но и с очень короткими палками неудобно. Они должны быть по плечу в буквальном смысле этого слова: на высоте плеч.

Дальше вы видите Витю Белякова. Он на год старше Люси. Ему тринадцать лет. Живет Витя в деревне Шуклово, недалеко от той самой Шукловской горы, на которую специально приезжают из Москвы тренироваться горнолыжники.

Мой брат Владимир лет пять назад занимался с ребятами, которые жили в деревне Шуклово. И теперь там довольно много горнолыжников; старший брат тащит младшего. Это у них, как эпидемия, и хотя у Вити нет братьев, страсть к снежным склонам передалась ему от других ребятишек.

Мать сердилась: он рвал валенки. Витя понимал, что ремешок — плохо, что скобы надо надевать, ноги меньше болтаются. Но вот беда: если на валенок скобу наденешь, то валенок протрется. Поэтому он надевал галоши. Он так и явился ко мне в валенках с галошами. Но этот уже знал, что такое слалом. Он думал, что он уже все знает, и мне пришлось с ним повоевать и поспорить.

В повороте Витя загружал внутреннюю лыжу и ездил поэтому широко. А надо загружать только внешнюю лыжу, то есть ту, которая находится снаружи по отношению к дуге поворота. Слаломист — это тот же фигурист, только на ногах у него вместо коньков лыжи, а это труднее: ведь лыжи длинные,— но и фигуристы говорят: «Если в повороте остаются два следа конька,— это плохо».

У лыжника — то же. Если по прямой ты на двух лыжах едешь, то в повороте три четверти дуги поворота ты должен ехать на одной лыже и только четвертую часть дуги на двух лыжах. Но начинающие стремятся делать поворот на двух лыжах. И хоть и кажется, труднее на одной лыже, а встаешь на две лыжи — создается боковое соскальзывание, и ты еще больше расставляешь ноги. А чем шире ноги, тем выше при косом спуске приходится поднимать внутреннюю ногу, чтобы вес с нее перенести на внешнюю, а это, разумеется, неудобно да и равновесие нарушает.

Люся Аникина.

Но вернемся к Вите. Сейчас он исправил свои лыжные ошибки. На фото видно, как он выполняет поворот на параллельных лыжах с выходом на бугор. В этом повороте он использует «коньковый ход», в котором лыжник в конце поворота отталкивается наружной ногой и переносит вес на внутреннюю ногу. То же делает и конькобежец. Это увеличивает крутизну и скорость в конце поворота.

Только помните, ребята, начинайте заниматься на простом склоне, ровном, без бугорков и ям, чтобы можно было спускаться по прямой, еще не умея поворачивать, и чтобы внизу лыжи сами останавливались. Для этого выбирайте склон без кустов, пней, деревьев и других препятствий. Крутизна склона — 20—15 градусов, с ровным выкатом и площадкой для остановки. Снег на склоне должен быть утоптан. Утаптывать нужно на лыжах, лесенкой. Если вы друж-

Витя Беляков.

но, всем звеном за это возьметесь, у вас это быстро получится.

Вот посмотрите на верхнюю фотографию. Как хорошо вытоптан склон! Здесь ребята могут ехать, где хотят. Склон нужно широко вытаптывать, чтобы можно было повернуть и поехать где угодно.

Здесь на фото ребята спускаются друг за другом. Этот метод — друг за другом — используется, когда лыжники уже умеют кататься и хорошо владеют поворотами. Тогда не страшно, если один упадет: другие на него не налетят, а объедут. Тем, кто плохо катается, спускаться друг за другом опасно.

Катаясь группой, лучшего лыжника (или тренера) ставят впереди, а за ним идут остальные. Этот первый делает любые повороты, и все должны их за ним повторять, идти след в след.

На этом снимке головным — Леня Тягачев. Его чаще зовут Лелик. Лелик — очень аккуратный мальчик. Он увидел, как одеваются московские лыжники, и попросил маму обыкновенный тренировочный костюм ушить внизу, сделать молнии — и вот он одет очень складно, удобно и красиво.

Мне хочется, чтобы катание на лыжах было для ребят праздником. Поэтому и одежда должна быть праздничной, выглядеть красиво.

На фотографии Лелик хорошо исполняет поворот. Правда, у него не хватает свободы и непринужденности, он слегка напряжен. Но, как говорит английская пословица, «мили делают чемпиона». Это пословица о гребцах, но она подходит и лыжникам.

На последнем снимке — Гена Алексеев. Он проходит пару закрытых ворот, так называемую «шпильку». Он опоздал с поворотом потому, что для уровня его мастерства эта фигура слишком сложна. Мальчику надо еще потренироваться на трассах с открытыми воротами.

Гена Алексеев сравнительно недавно перешел от простого катания к более сложному, к трассам слалома. Поэтому он еще допускает ошибки. Здесь особенно видна характерная ошибка — постановка на внутреннюю лыжу. Он должен был ехать только на левой ноге, а он идет и на правой. И постановка лыж широкая: правая нога загружена, уходит вправо и не позволяет держать ноги узко.

Ничего, Гена научится! Только надо не торопиться шагать вперед и не сразу начинать кататься на крутых и сложных трассах, а постепенно переходить от более простых к более сложным.

Я думаю, что каждый, у кого есть здоровые ноги, пара лыж и смелое сердце, может овладеть спусками и поворотами на лыжах, азбукой слалома. А если впереди двенадцать свободных зимних дней, то особенно стоит этим заняться.

Желаю успехов всем, кто не ищет ровных дорог, и всегда готов помочь вам советом.

Юрий ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

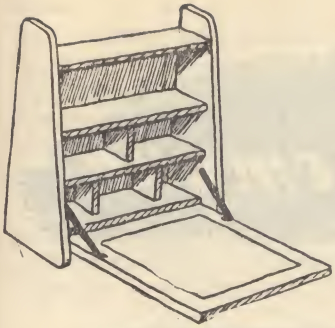
Лелик Тягачев.

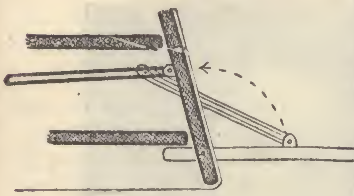
Гена Алексеев.

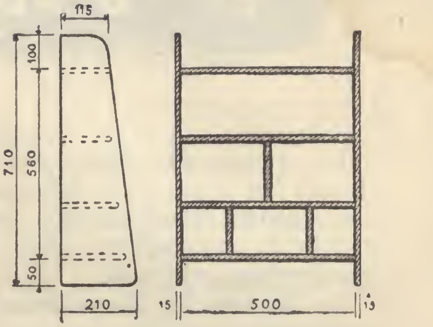

— Тут еще простудишься, еще зашибут,— пробормотал НЫТИКОВ.— Поищу-ка я что-нибудь поинтересней на странице 67-й.

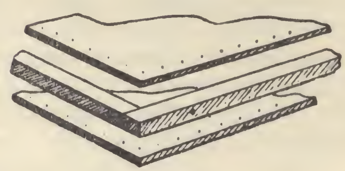

Эта маленькая полка-шкаф подвешивается на стену. Откидная доска образует письменный стол и служит дверцей, закрывающей полку. Внутри шесть отделений, в них удобно разложить книги, тетради, альбомы, карандаши. Самая верхняя доска тоже может быть заполнена книгами.

Весь шкаф сделан из досок, и только откидной столик — из двух листов фанеры, укрепленных на раме из реек (рисунок справа). Два винта укрепляют его на вертикальных досках полки, через которые винты проходят насквозь. В откинутом положении столик упрется и подойдет под нижнюю полку. Чтобы уменьшить напряжение, которое выдерживает эта доска, ее надо подвесить на специальных креплениях (рисунок слева) или просто на ремнях.

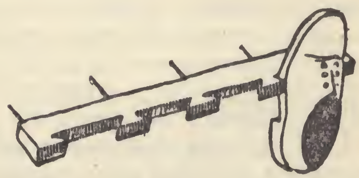
На рисунках вы видите все основные размеры полки, и думаем, что разберетесь в ее устройстве.

Для полки вам понадобятся:
2 вертикальные доски 210 × 15 × 710;

1 верхняя доска 125 × 15 × 500;
1 нижняя доска 135 × 12 × 500;
2 промежуточные доски 130×12×500;
1 доска перегородки 130×12×190;
2 доски перегородки 135×12×160;
2 листа фанеры 135 × 3 × 600;
2 рейки 20 × 15 × 600;
2 рейки 20 × 15 × 458.

Все размеры даны в миллиметрах, доски должны быть уже обструганы и готовы к сборке.

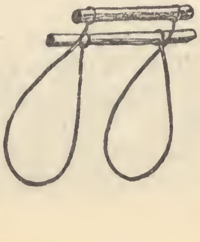
Внизу под вешалкой, где у вас дома висят пальто, укрепите на стене такую «вешалку» для ботинок. Ее надо выпилить из дощечки. Ботинки не будут валяться в беспорядке, будут хорошо просыхать.

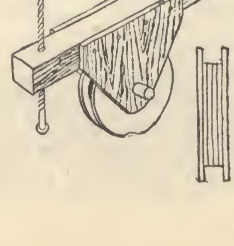
Ведро с водой весит около двенадцати килограммов, но подвесьте его к такой колясочке, и оно сразу станет «легче» в три — четыре раза. Сделать колясочку так просто, что тут и объяснять нечего, а в доме она всегда пригодится.

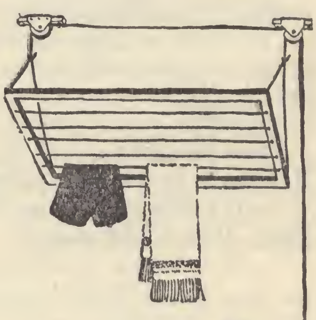
Мама будет очень довольна, если вы сделаете в кухне такую сушилку для белья. А сделать ее совсем просто. На деревянную раму натягиваются веревки в несколько рядов, на потолке шурупами укрепляют два блока, через них перекидывают веревку и подвешивают раму, как на рисунке. Раму легко опустить, развесить белье и поднять под потолок, где белье никому не мешает и быстро сохнет.

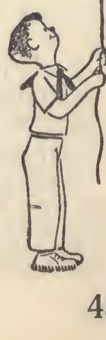
Тот, кому частенько приходится носить дрова, сразу оценит это маленькое изобретение. Так носить тяжести и легче и удобнее.

Рассказ о горящем галстуке

На самом краю большого хакасского села Белый Яр приютился бревенчатый дом. Узкие, словно прищуренные, окна смотрят на разбитую тракторами улицу. Рядом степь, фиолетовые курганы.

От школы до дома недалеко: выйдешь, свернешь за угол — и вот уже за стайкой лохматых черемух видна железная крыша, увенчанная стареньким скрипучим флюгером. Раньше, бывало, еще звонок не отбренчит, а Галя уже подбегает к калитке. Но как это было давно! Кажется, целая вечность прошла с той поры.

Теперь девочка не торопится уходить из школы. Дома у матери опять, наверное, сидит эта Князева. Целыми вечерами бормочут они страшные и непонятные слова молитв.

— Беги, Галка,— кричит кто-то из подруг,— «хакас» собирается!

Над лысыми курганами прокатился однотонный и громкий гул: свирепый степной ветер приближался. Стало темно и душно, как перед грозой. В степи быстро собирались белые облака пыли. Они угрожающе росли, покачивались и вдруг с бешеной скоростью рванулись на улицы села.

Галя едва успела захлопнуть дверь. Скрипнули распахнутые рамы, зазвенели выбитые стекла. Клубы песка и пыли ворвались в дом, закружили по комнатам.

Галя увидела каких-то незнакомых людей. Наверно, вся секта собралась.

— На колени! — визгливо и властно крикнула Мария Князева.

Трое мужчин и семь женщин грохнулись на пол. Мелкой дрожью тряслись стены, и в такт им причитала коренастая пожилая женщина:

— И-и-дет владыка, и-и-дет...

Неприютно и страшно. Галя забилась в угол. Но Князева заметила ее:

— Молись, сестра, молись!

Злое, по-старушечьи дряблое лицо приближалось к Гале, сухая рука ощупывала плечи, теребила складки коричневого школьного платьица и вдруг сильно рванула за ворот.

Это Галя Подрыгина. Сейчас она учится в девятом классе и готовится вступить в комсомол.

— А-а,— взвыла Князева,— знак сатаны! В ее руках трепыхнулся кусок кумача — пионерский галстук.

— Спалить! — приказала Князева, и кто-то быстро отыскал спички, ломая, чиркал их о коробок.

Ветер гасил огонь. Прикрыли выбитые окна, и тогда зарницей вспыхнуло маленькое пламя, крохотной горсткой пепла стал кусок кумача. Его рассыпали по полу и долго топтали ногами.

— Придет, придет Иегова,— мрачно вещала Князева.

Разбойничал «хакас». В один долгий, тоскливый вой сливались и шум ветра и скрип раскачиваемых тополей. Гале казалось, что вот сейчас, гулко хлопнув дверью, выломав рамы, придет кто-то чужой, страшный.

* * *

Пионерский галстук — маленький кусочек кумача. Но если взять и сшить галстуки хотя бы одного отряда,— колыхнется алое знамя.

Ты носила галстук несколько лет, Галя. Бывало, падали на галстук капли чернил, и ты, небрежно скомкав, прятала его в порт-

фель. Ты уже привыкла к нему, как ко многим вещам, окружающим тебя: к портфелю, тетрадям, знакомой парте, к коричневому форменному платью. А иногда впопыхах забывала его дома и на укоряющие взгляды товарищей пренебрежительно махала рукой: ладно, завтра надену...

Ты могла измять, запачкать галстук, могла забыть дома. Но как могла ты отступиться от галстука, почему не защитила его от чужих грязных рук? Как это случилось?

* * *

Есть такая религиозная секта — иеговисты.

«Будьте тихи, как голуби, и ядовиты, как змеи»,— учат они. Иеговисты имеют заокеанских наставников. Из пригорода Нью-Йорка — Бруклина — попадают в нашу страну тоненькие брошюрки, отпечатанные на гладкой, лощеной бумаге. В них за витиеватыми фразами о боге — ненависть к советскому строю, ко всему, что близко и дорого нашим людям. Высокопарными строками священного писания замаскированы прямые указания: завлекать к себе людей, действовать и ласками, и уговорами, и угрозами...

И они действуют. Действуют изворотливо. Когда отбита лобовая атака, не ленятся поискать окольные тропки, увещевают, кидают подачки...

Трудно было в семье у Гали: отец пил, его уволили с работы, потом с другой. И тогда змеей вползла в дом сектантка Князева. Говорила ласковые, утешительные слова, принесла денег... Мать доверилась ей. С тех пор и собирались иеговисты в доме у Гали.

С гневом отвергла Галя предложение Князевой вступить в секту. Смеялась над бредовыми рассказами о райской жизни, о якобы всесильном Иегове, который однажды придет на землю и покарает всех безбожников.

Сектанты отступили. Отступили, но не сложили оружие. И нашли все же тропку к сердцу девочки...

Мама! Как не верить маме? Ты с детства привыкла: мама плохому не научит, мама всегда говорит правду.

Рассказывает о боге Князева, и Галя понимает: это глупо, это неправда. Но вот об этом же говорит мать, и девочка мучается. Она боится не поверить матери, а поверить еще страшней... День за днем уговаривали и пугали девочку, и вот она уже не всегда стала уходить из дома, когда там собирались иеговисты. Раздвоенной жизнью жила Галя. Ей хотелось, как и прежде, спешить к подружкам на школьный вечер, петь с ними, но строгий окрик останавливал:

— Ты свидетельница бога Иеговы, и не тебе революционные песни распевать. Сатана правит на земле.

Бревенчатые стены родного дома прочно отгородили Галю от всего светлого и радостного. Грозное материнское «грешно» подстерегало девочку на каждом шагу. Галя садится за книгу — «грешно». Спешит гулять с подругами — снова, как удар плети, догоняет ее сердитое «грешно».

И понемногу Галя сама начинала верить, что все это действительно грешно, что она и вправду «свидетельница» Иеговы...

Но вот...

Ни на мгновение не могла забыть Галя тот вечер, когда горел ее галстук.

Неужели, Галя, ты так и примиришься с происшедшим, смолчишь, отречешься от красного галстука? Что тогда тебя ожидает? Вместо широкой степи, куда идут походом отряды, душная комната сектантской молельни, вместо пионерских песен — непонятные слова молитвы, вместо светлой мечты о будущем — слепая вера в неведомого Иегову, тупое ожидание «армагедона» — страшной, разрушительной войны.

Что делать? Как жить дальше? Может, сказать в отряде, что потеряла галстук? Ну пусть поругают... А можно и ничего не говорить. Пойти и купить новый. Придешь в школу — повяжешь. Выйдешь на улицу — снимешь. И никто ничего не узнает.

Можно купить и снова повязать галстук, и все будет как будто по-прежнему, но ты-то понимаешь: по-прежнему жить нельзя! Маленькое пламя, как вспышка сигнальной ракеты — «тревога»,— и властная команда — «к оружию!». За ним — или отступление и разгром, или борьба и трудная победа.

Галя училась в восьмом классе, и раньше ей иногда казалось, что она уже слишком взрослая, чтобы носить галстук. Галстук, думала она, это для маленьких. Но, оказывается, есть на свете совсем взрослые люди, которые считают своей большой победой, если хотя бы один пионер перестанет носить галстук.

Окрыленные победой над тобой, они, может быть, тянутся уже к другому галстуку, к третьему...

* * *

Маленьким огнем вспыхнул и дотлел кусок кумача. Но будто большим пожаром опалило Галю...

За несколько дней, минувших с того вечера, Галя изменилась. Повзрослела. Стала тихая, молчаливая.

«Угомонилась»,— с облегчением подумала мать.

«Теперь совсем наша!» — удовлетворенно решила Князева.

— Ты смотри,— поучала она Галю,— за подружками смотри, за ребятами. Может, и их поставишь на путь истинный...

Мужество не рождается сразу. Иногда медленно, подспудно вызревают в глубине души незнакомые еще черты твердости, смелости, упорства. Они еще незаметны. Они еще таятся за спокойным взглядом. И Галя пока молчит.

Но пришел день, и она смело посмотрела в злые глаза Князевой и твердо сказала:

— Не буду! Ни молиться, ни наставлять, ничего не буду.

— Кайся,— кричала мать,— кайся, грешница, что говоришь!

И опять тихо, но решительно прозвучало:

— Не буду!

Однажды Галя снова пришла домой в красном галстуке.

Выдержала вспыхнувший злобой взгляд матери, не подчинилась ее приказанию: «Сними!»

— Ты что, отрекаешься? — негромко спросила мать.

— Нет,—ответила Галя,—не отрекаюсь.— И, потрогав галстук, добавила: — От него не отрекаюсь.

Галя чувствует, как сверлят спину глаза матери, с какой злостью смотрит она на высунувшийся из-под воротника красный треугольник, как поднимает руку и тянется, чтобы сорвать, смять этот ненавистный кумач. Девочка круто оборачивается и в ужасе отступает назад. Это мать? Чужое искаженное лицо. Наступает на дочку и тянется, тянется к галстуку.

— Сними! Сними сатанинскую тряпку!

— Не тронь! — Голос срывается, звенит, и мать останавливается.

Галя чувствует: вот он, здесь, на груди, над сердцем, горящий и никогда не сгорающий галстук.

* * *

С той поры прошел год. Трудно было девочке, много попреков, проклятий пришлось ей выслушать. В родном доме поселилась вражда. Но Галя все-таки не сдалась. Она осталась верной своей пионерской клятве, своему пионерскому галстуку.

В. ГРИНБЕРГ,
А. МОРКОВКИН

село Белый Яр, Красноярского края.

НА СНЕГУ И ПОД СНЕГОМ

Безмолвен зимний лес. Только звонкое посвистывание синиц, постукивания дятла да резкий, хриплый крик сойки иногда нарушают его строгую, торжественную тишину. Куда же подевались его многочисленные обитатели? Неужели все они покинули свои родные места?

Часть их — довольно много птиц и большая часть летучих мышей — с наступлением холодов действительно спешит на юг, но большинство их никуда не переселяется. На цветной картинке показано, как они зимуют.

Хорошая зимняя квартира — старый, трухлявый пень! Уютную спальню устроила себе в трухе мышевка — маленький, похожий на мышь тушканчик.

В спячке под теплым одеялом из снега и лесной подстилки проводит трудное зимнее время орешниковая соня, похожая на маленькую белочку.

Глубоко в землю проникают серая жаба и гадюка и тоже впадают в оцепенение.

В иле водоемов, защищенные льдом, зимуют рыбы.

Многие лесные обитатели не спят, но наружу предпочитают не показываться. Неутомимый землекоп крот и зимой продолжает прокладывать свои подземные галереи. После того, как вырастет молодняк, переселяется под землю и водяная крыса. Она так же, как крот, прокладывает подземные ходы, выбрасывая наружу кучки земли. Кучки эти очень похожи на кротовые, и когда осенью водяные крысы по своим подземным ходам добираются до огородов, чтобы полакомиться картофелем и другими овощами, начинаются жалобы на кротов, которые в этих набегах совсем не повинны.

Серая полевка зимует на лесных полянах под снегом. Она устраивает из сухой травы теплое круглое гнездо и в поисках корма прокладывает от него лабиринт подснежных траншей.

Около незамерзающих быстриц — лесных ручьев зимует водяная землеройка — кутора. Она плавает подо льдом, разыскивая мелкую водяную живность.

Основательно устраивается на зиму бобер. Прочная «хатка» с подводным входом надежно защищает от наземных врагов.

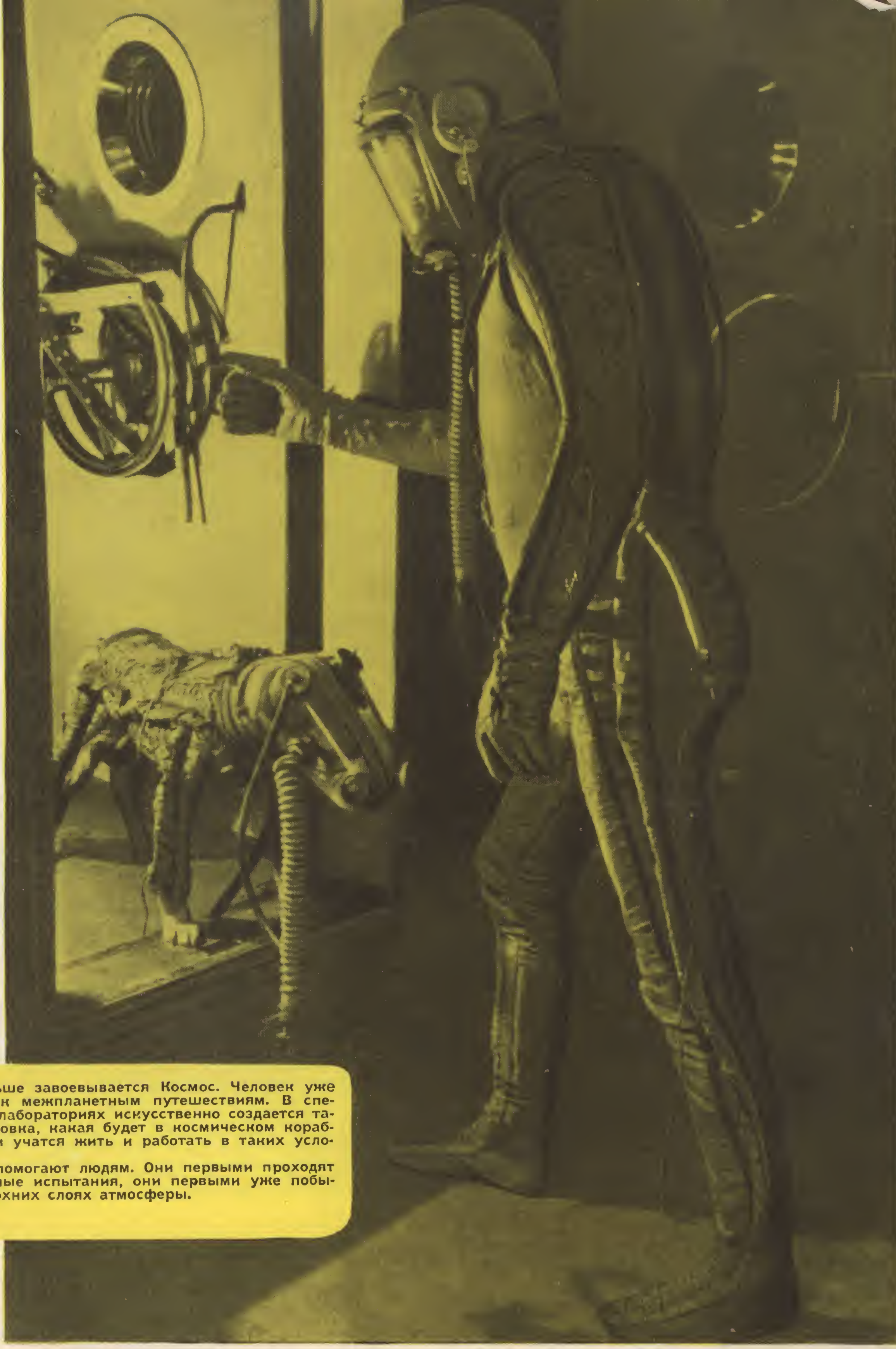
В дуплах деревьев прячет желуди и орехи белка. Эти запасы выручают ее в морозы и метели, а в теплую, без снегопада погоду белка скачет по снегу и лазает по деревьям, разыскивая пропитание.

Кое-кто из зимних обитателей леса может перезимовать и не запасая кормов: длинные ноги лося позволяют ему и зимой бродить по лесу и лакомиться корой и побегами деревьев и кустарников. А широкие пушистые лапы зайца-беляка, словно лыжи, удерживают его на поверхности снега.

Искусно лазают по стволам деревьев быстрые поползни и синицы, отыскивая семена и зимующих насекомых; большой пестрый дятел в своей «кузнице» крепким клювом обрабатывает еловые и сосновые шишки. Тронутыми морозом ягодами рябины лакомятся рябчики и дрозды-рябинники, а красногрудые снегири раздавливают и отбрасывают ягоды, съедая только семена.

Обманчиво безмолвие зимнего леса. Но жизнь его обитателей доступна только тем, кто умеет видеть и читать великую книгу природы.

П. Смолин

Все больше завоевывается Космос. Человек уже готовится к межпланетным путешествиям. В специальных лабораториях искусственно создается такая обстановка, какая будет в космическом корабле, и люди учатся жить и работать в таких условиях.

Собаки помогают людям. Они первыми проходят лабораторные испытания, они первыми уже побывали в верхних слоях атмосферы.

НА СНЕГУ И ПОД СНЕГОМ

В лес пришла зима. Посмотри, кто как зимует.
1 — поползень, 2 — большая синица, 3 — снегирь, 4 — сойка, 5 — дятел, 6 — мышовка, 7 — орешниковая соня, 8 — серая полевка, 9 — жаба, 10 — гадюка, 11 — крот, 12 — водяная крыса.

13 — заяц-беляк, 14 — лось, 15 — рябчик, 16 — дрозд-рябинник,
17 — белка, 18 — бобр, 19 — кутора, 20 — вьюн, 21 — карась.

Рисунок В. Федотова.

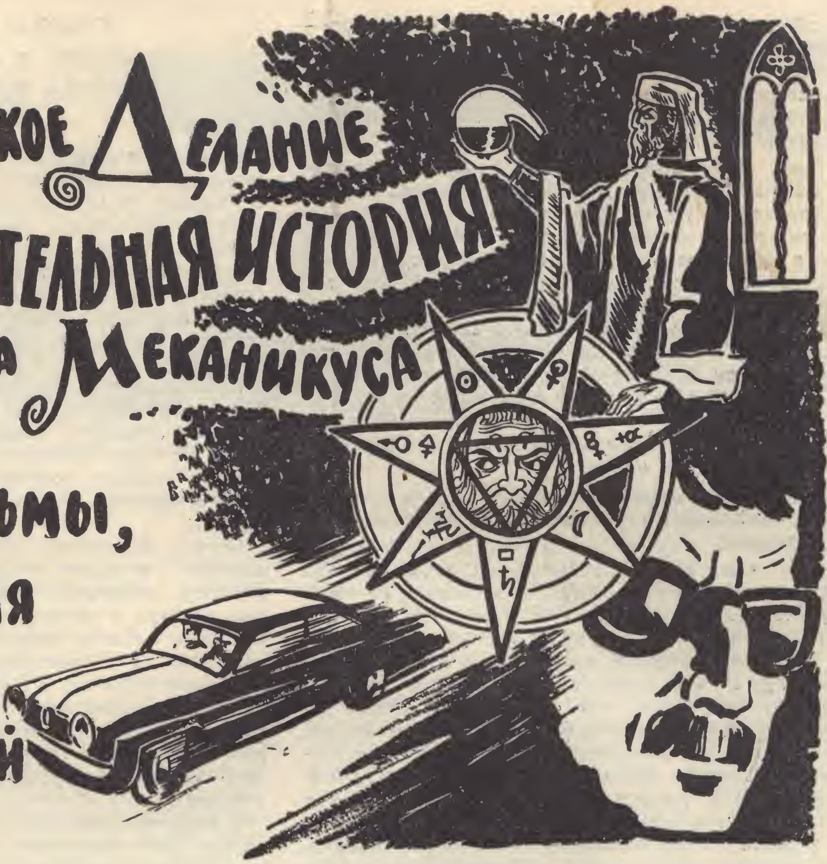

...Мне казалось, что я плаваю внутри разросшихся гигантских ветвей молекул мнемонала, я могу ощупать блестящую поверхность атома.

(А. Полещук «Великое делание, или удивительная история доктора Меканикуса и Альмы, которая была собакой»)

Рисунок Л. Катаева, Ю. Молоканова.

Великое Делание или удивительная история доктора Меканикуса и Альмы, которая была собакой

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Александр ПОЛЕЩУК

Рисунки Л. Катаева, Ю. Молоканова.

(Окончание)

IV

Легко представить, с каким нетерпением я и Клименко ждали выздоровления Альмы. Когда она поправилась и стала понемногу ходить по комнате, Клименко решил провести допрос по заранее приготовленному листку. Вопросы были составлены так, чтобы Альма кивком головы могла отвечать либо «да», либо «нет». Но уже с первым вопросом Клименко потерпел поражение. Он пытался узнать, у кого был термос. Какие только он не называл имена и профессии! Альма терпеливо качала головой: нет, нет, нет... Но зато, когда Клименко сказал Альме, что листки, принесенные в термосе, не все, что их мало, она как будто сразу поняла, в чем дело, и бросилась к забору. Клименко догнал ее и уговорил вернуться.

В одно прекрасное утро, к большому неудовольствию Альмы, мы надели на нее поверх ее ошейника обычный ошейник, и Клименко вывел ее.

Альма повела нас за город. И только тогда, когда мы миновали станционные пути, я понял, куда она нас вела. Вдали показался забор из желтой акации, переплетенной колючей проволокой, а за ним беленькая хатка собачника.

— Теперь понятно, почему она не смогла указать того, кто избил ее,— сказал Клименко.— Здесь, вероятно, и живет тот самый собачник, у которого вы ее купили?

Я не успел ответить. Из хатки вышел высокий мужчина с охотничьим ружьем в руках. Это был уже знакомый мне собачник. Альма неожиданно дернулась с такой силой, что Клименко чуть не упал. К счастью, он не выпустил поводка. Это спасло Альму: прямо перед нами взрыхлилась от выстрела земля.

— Ни с места! — раздался голос собачника.— Застрелю! И близко не подходите с этой собакой.

Клименко подтянул к себе Альму, отстегнул ремешок и сказал:

— Беги домой, Альма! Домой!

Альма медленно побрела к городу. Временами она останавливалась и рычала, но Клименко кричал ей:

— Альма, домой!

Вскоре она скрылась из виду. Мы подошли к собачнику. Ружья он не опустил.

— Так это вы на меня собаку натравили? — спросил он меня.— Что я, не человек, по-вашему? Мне эта гадюка все руки искусала. Нет такого закона, чтобы на рабочего человека собак науськивать!

— Я следователь! — Клименко показал свое удостоверение.— Пройдемте в дом.

Мы вошли в хату.

— Попрошу вас поподробнее рассказать об этой собаке,— сказал Клименко.

— Ну, что я? Я специалист, можно сказать, по собакам, но чтобы я, товарищ следователь, когда

кого обижал или что... Вот вам гражданин этот,— собачник указал на меня,— пусть скажет. Чтобы я когда не отдал собаку хозяину, да никогда! Вон и вашу собаку я отпустил...

— А где вы ее поймали, не помните? — спросил Клименко.

— Где?.. Дайте припомнить. Я, товарищ следователь, в какой день их по двадцать штук ловлю. Утром ее встретил, это точно, того самого дня, как ко мне этот гражданин пришел. Бежала она по улице и что-то в зубах несла, а волкодав мой... Есть у меня пес ученый. Марс по прозвищу. Ну до чего же умная животная, товарищ следователь, понятливая и спокойная! Поймает приблудную собаку, к земле прижмет. Я с инструментом раз — и в клетку. А тут как завидел он эту самую собаку, соскочил с телеги — и к ней! Она было с ним сцепилась, да увидела меня и ходу, а штуку там одну на землю бросила. Я за ней. Марс спереди забежал и...

— А что это за штука?

— Да так, бутылка кожаная...

— Эта? — Клименко раскрыл свой чемоданчик и вынул термос.

— Эта! — подтвердил собачник.— У меня вон из-за нее все руки покусаны... Еду это я, значит, по Привокзальной улице, а Марс мой вдруг как зарычит. Смотрю, стоит возле больницы эта самая ваша собака. Вы меня, товарищи, извините, но я, как специалист, могу сказать, что собаки разные бывают. А тут, как глянул я на нее, рука не поднялась. Не сводит она глаз с больничной двери. На меня взглянула — с места не двинулась. А ведь меня все собаки знают! Разве уж какая-нибудь дура, что случайно в город попала, дорогу мне перебежит. А так все знают... прячутся. Или им знак какой псы подают, что у меня с утра пойманы, или инстинкт какой... Ну, а ваша-то сама у меня побывала, должна бы помнить! Взглянула она на меня и отвернулась. «Бери ее, не жалей!» — думаю, а сам не могу. Можно сказать, первый раз в жизни не взял. Вижу, у нее горе, не по себе горюет, раз меня не боится. Больше себя у нее горе! Не взял!.. Так вместо благодарности вбегает она дней десять назад ко мне в хату. Я лежал это после обеда, отдыхал. Вбегает и прямо к столу. Хвать бутылку за ремешок! Ну, я ее кочергой! Мы тут такой бой устроили, все кувырком. За руку меня рванула. Я термос за верхушку держал, а она как дернет — и из хаты. Надо мне было дверь первым долгом закрыть... И убежала.

— Давайте подробнее про термос.

— Так я и говорю: в руках у меня одна колба осталась. А из корпуса бумага белая так и посыпалась. А собачка ваша за ремешок — и тягу...

— Бумаги где? Листки эти?

— Бумаги?.. Да они не по-нашему написаны, товарищ следователь. Не по-нашему: я их и так поворачивал и этак. Буквы, и те не наши. Должно быть, для тепла ее, эту бумагу, в термос засунули...

— И вы выбросили эти листки?

— Выбросил, ага. «Ну,— думаю,— попадись ты мне еще раз!» Хоть месячишку, мечтал, без уколов от бешенства похожу, так нет.

— А куда вы их выбросили, листки?

— Да за хатой, в яму...

Не все листки были «за хатой в яме», не все. Ветер разбросал их по полю, и мы долго ходили и собирали. Да, это было продолжение записей. Но то, что мы уже знали и что, казалось бы, никакого отношения не имело к случаю на дороге, приобрело неожиданный и удивительный смысл.

Вот продолжение записок Карла Меканикуса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВТОРЖЕНИЕ. В СТАРОМ АТАНОРЕ СНОВА ПЫЛАЕТ ОГОНЬ

I

1 сентября 1939 года телеграф принес известие о вступлении главных сил германского командования в Польшу. А 10 мая, в шестую годовщину смерти моего отца Юстуса, меня разбудило жужжание самолетов Гитлера. Мой сын Ян вбежал ко мне с ворохом новостей. Правда была похожа на раздутую сплетню, слух уже через час превращался в правду. Превосходящие в десятки раз по численности вооруженные до зубов фашистские армии хлынули в Бельгию.

Гибельная политика «невмешательства», потакание фашистам внутри самой Бельгии, неподготовленность военных, трусость короля Леопольда III, который даже не смог отступать, сражаясь, как делал это король Альберт, привели к величайшему национальному унижению Бельгии. 28 мая Бельгия капитулировала.

Потоки беженцев, словно полые воды, затопили дороги. И всюду их обгоняли черные мотоциклы передовых немецких частей. Костлявый гость — голод пришел в каждую семью, в каждый дом. Снова, как и в былые времена кайзеровской оккупации, застучали по улицам Бельгии деревянные башмаки голодных рабочих, а мимо них потянулись грузовики, наполненные награбленным добром Франции и Бельгии. Брюссель превратился в город развлечений для гитлеровских офицеров и солдат, переполнявших кафе и рестораны замершего, настороженного города.

В жаркий июньский день прямо по тротуару к моему дому подъехала огромная штабная машина.

— Какой-то «Мерседес-Бенц»,— сказал мой сын Ян, высовываясь из окна.— К нам, папа!

Я не шевельнулся, когда комната наполнилась гитлеровскими офицерами.

— Вот он! — раздался громкий голос одного из них.— Карл, дорогой Карл! Неужели ты не помнишь меня?

Я всматривался в тучного немецкого капитана. Его упитанное лицо казалось мне знакомым.

— Ну, маг и алхимик, неужели не узнаешь?

— Вольфганг? Матерн! — вскрикнул я, узнав своего товарища по лицею.

— Господа,— обратился Матерн к присутствующим,— я хочу представить вам своего старинного друга и приятеля Карла Меканикуса!.. (Офицеры поклонились мне.) Вы свободны, я приду в штаб часа через два.

Офицеры ушли. Внизу раздался шум мотора. И мы остались с Вольфгангом с глазу на глаз.

— Ну, как же ты живешь, Карл? — говорил Вольфганг, выкладывая на стол пакеты со снедью. Высокий и жилистый солдат, видимо, его денщик, принес ящик с вином.— Ты что-то не рад моему приходу? Какое счастье для тебя, Карл, что я был в частях, занявших Динан! Какое счастье! Ты теперь ни в чем не будешь нуждаться.

— Мой сын! — представил я Вольфгангу вошедшего в комнату Яна.

— Чудесный малый! — закричал Матерн.— Чудесный! Настоящая белокурая бестия! Мы еще вспомним древний, как эта земля, клич брюггской заутрени: «Щит и друг! Щит и друг!»

Матерн провозгласил клич, с которым во время средневековых религиозных войн ремесленники Брюгге вырезали всех горожан, говорящих на фран-

цузском языке, валлонов. Ян поставил свой бокал на стол и направился к двери.

— Ян спешит на работу,— сказал я.— Он работает на станции, нам ведь нечем жить...

Но Ян все испортил.

— У меня много друзей валлонов! — сказал он, обернувшись.— Времена средневековья прошли, господин капитан.

— Дурное воспитание! — проговорил Матерн. — Но, Карл, поверь, расовое самосознание проснется в нем, в этом чертенке, и он еще покажет себя настоящим солдатом германской армии...

— Как! Вы будете призывать бельгийцев?

— Не всех, нет, нет! Только полноценных, мой дорогой. Отныне фламандцы будут под защитой немецкого оружия. Мы восстановим их привилегии. И не позволим выродку-французишке командовать людьми германской крови! Но ты не весел, Карл. А-а, понимаю, понимаю! У тебя нет денег... Эдвин! — позвал он своего денщика.— Эдвин, принеси деньги. Ну, тысяч пятьдесят, сто... Ступай!

И Эдвин принес деньги в полах кителя, как носят хозяйки в фартуке свежеснесенные яйца. Десятки пачек, по нескольку тысяч в каждой, он положил на стол между консервными банками и бутылками вина. Вольфганг был в восторге.

— Вот они, вот они! — говорил он, с треском распечатывая пачку.— Это все тебе, Карл! Конечно, это более приятная форма сочувствия, чем слова. Да, друг познается «аморе, море, оре, ре...». Только это я и помню из лицейской латыни, Карл. Любовью, нравом, словом, делом познается друг. Как это правильно!

Я взял ассигнацию и стал ее рассматривать.

— Вольфганг,— сказал я,— это не наши деньги!

— Неужели я стану тебя обманывать, Карл? Ты обижаешь меня.

— Но таких денег я не видел!

— Это оккупационные марки, Карл. За каждую марку ты получишь десять бельгийских франков короля Леопольда!

Признаться, в этот вечер я составил компанию Вольфгангу. Мы вспоминали прежних друзей и юношеские проказы. Я быстро охмелел и смеялся солдатским шуткам Вольфганга. Ужасные события последних недель, неопределенность, непрестанный страх — страх перед летящими над головами бомбардировщиками Геринга, перед марширующими по улицам солдатами, перед дикими распоряжениями и приказами немецких комендантов... И вдруг передо мной сидит гитлеровский офицер, один вид которого внушает моим соседям страх, и это совсем не офицер, это Вольфганг, мой товарищ, школьный товарищ! Что он рассказывает? Это действительно смешно!..

Часть пути к Динану Вольфганг ехал в большом грузовике, на котором была установлена машина, печатающая оккупационные марки. Они печатались день и ночь; то и дело к грузовику подъезжали офицеры связи и забирали свежие пачки для своих солдат. Это действительно смешно! Люди трудятся в поте лица своего, зарабатывая хлеб насущный, профессора толкуют об экономике, министры разглагольствуют в парламенте о бюджете, а здесь: хлоп — и сто марок, хлоп-хлоп — и тысяча... Да, Вольфганг прав и в отношении фламандцев. Нам было труднее получить работу, чем валлонам. Еще бы, валлонам покровительствовала победительница в прошлой войне — Франция, а у нас сейчас есть Германия! Германия сильнее Франции, сильнее! Превыше всего Германия! Как это Матерн сказал? Танки вперед, артиллерию назад, авиацию наверх! Дейтчланд, Дейтчланд юбер аллес!..

Когда я проснулся на следующее утро, я не сразу мог понять, что произошло.

Я поднял голову. Лицо было в чем-то липком. А-а, это вино... Бутылки подрагивали на столе в такт грохоту проезжающих по улице танков. Да, приехал Вольфганг... Деньги... Сколько их!

— Ян! — позвал я.— Ян, иди сюда!

Мне никто не ответил. Я прошел в комнату сына. Его кровать была застелена. На часах было шесть утра. Значит, он не приходил домой. Это из-за Вольфганга. Но не мог же я указать ему на дверь! Ведь он мой школьный товарищ, мой друг!.. Правда, он пришел сюда не как мой друг. Неужели Ян не понимает? Ну, я позволил Вольфгангу сделать мне сюрприз. Ему ведь здесь, должно быть, не по себе, хотя он никогда не отличался щепетильностью. Но где же Ян? Он обиделся, мой мальчик, он не ожидал, что я буду пить вино с германским офицером. Нужно как-то приспосабливаться: я маленький человек... Кто-то хлопнул дверью. Это, наверно, Ян.

— Ян! — позвал я, спускаясь вниз по лестнице. У раскрытых дверей стоял незнакомый мне человек в черном свитере.

— Вы Карл Меканикус? — спросил человек.

— Да, я.

— Вы отец Яна?

— Да. Где он?

— Ян арестован бошами!

— За что? Вы говорите неправду!

— Ян арестован гитлеровцами за порчу кабеля.

— Он не мог этого сделать, он всегда советовался со мной! Откуда вы знаете?

— Я работал вместе с Яном на станции. А когда

это произошло, всех, кто работал на путях, взяли. Нас было шестьдесят человек. Гитлеровцы сказали, что расстреляют всех, если тот, кто перерубил кабель, не выйдет вперед. Ян вышел. Его взяли...

— Но он невиновен! Я не могу поверить!..

— Он не резал кабель! Кабели — это моя специальность. Он хотел спасти остальных. Мы раньше не очень доверяли ему: ведь он сын состоятельного инженера. А он, он... хороший мальчик, ваш Ян...

— А, это вы! Кабель — ваша специальность? Понимаю, понимаю. Как зовут вас?

— Жак Фрезер.

— Валлон? Так-так. Мой мальчик даже не интересовался газетами. Это вы распропагандировали его, вы!.. Но что делать? Куда идти? Его нужно спасти, спасти немедленно, а с вами я еще рассчитаюсь!

— Моя жизнь принадлежит вам, товарищ...

— Товарищ? Я вам не товарищ! Вы сбили моего сына с прямого пути! Он стал бы ученым! У него замечательно цепкий и сильный ум! А сейчас что делать? Я пойду, пойду к Матерну. Я найду его и освобожу Яна! У меня есть друг, большой друг! Он офицер и поможет мне...

Я сразу нашел капитана Матерна: его знали все.

— Что случилось, Карл? — спросил он меня.— Ты так взволнован!

— Моего сына арестовали! Он невиновен!.. Вольфганг, спаси его!

— Арестовали? Мне вообще неприятно заниматься такими делами: я служака, строевик. Где его взяли, на станции?

Матерн позвонил, и я, как завороженный, смотрел на черный ящик полевого телефона, от которого змеей шел красный лоснящийся резиновый жгут. Из-за такого вот куска резины может погибнуть мой Ян. Какая глупость!

— Говорит капитан Матерн. Да, да... Скажи, твои ребята вчера задержали некоего Яна Меканикуса? Это сын моего... Ах, так? Зо, зо, зо, так... так...

У меня все сжалось внутри, а Матерн, не глядя мне в глаза, все повторял: «Зо, зо, зо...». Потом он бросил трубку, подписал пропуск и, все еще не глядя на меня, сказал:

— Ты дурно воспитал своего сына, Карл!

— Что произошло, Вольфганг?

— Он плохо себя вел, вызывающе вел себя... Полчаса назад он был подвергнут экзекуции.

— Какой экзекуции? Вольфганг, пожалей меня, попроси их!

— Он расстрелян, Карл! Мне очень жаль...

В тот же вечер какие-то рабочие в измазанных угольной пылью комбинезонах принесли мне моего мальчика... Мы похоронили его во дворе, возле стены.

— Он был настоящим патриотом! — сказал Фрезер.— Он был смелым, честным! Он хотел спасти тех, кто уже начал борьбу с фашизмом...

II

Жизнь потеряла для меня всякий смысл... Я сидел возле окна и смотрел на свинцовые воды Мааса. Медленно плывут самоходные баржи. На корме, возле рулевого, германский солдат. Вон идет катер.

На его крыше, болтая ногами, сидит германский солдат. По набережной прошла группа бельгийских предателей-рексистов. Они вооружены, но их охраняют гитлеровские солдаты... Тяжелая поступь у завоевателей! Кажется, каждому их шагу стоном отвечает земля.

Вот опять катера. Что они везут? А-а! Это хлеб для солдат. «Новый порядок» имеет хороший аппетит. Люди, хлеб, уголь... Все нужно гитлеровскому райху. Мне принесли квадратную бумажку. Хлебная карточка, сказала мне соседка. Оказывается, больших трудов стоило ей достать для меня эту карточку.

Люди, которых я никогда не знал, приходят ко мне. Дверь, в которую внесли моего Яна, всегда открыта. Они берут мою карточку, кладут на край стола крошечную порцию хлеба и быстро уходят, будто что-то их пугает. Вероятно, деньги. Они все еще валяются на полу и на столе, между бутылками вина и консервными банками. Я не притронулся к ним. Кровавые деньги!..

Может быть, если бы я показал Матерну на дверь, мой Ян не вышел бы из толпы? И был бы жив? Нет, он благородный мальчик, он все равно вышел бы, чтобы спасти тех, кто борется!

А борются ли? Или вот так же сидят у окна и считают баржи с хлебом, который похищает Германия у моего народа?.. Нет, они борются! И, если придет Фрезер, я спрошу у него, что они делают, что делать мне, чтобы отомстить за Яна, за тысячи и тысячи арестованных и убитых...

Но Фрезер что-то не идет. Его не было уже семь дней. Целых семь дней!.. Вот кто-то поднимается по лестнице, берет веник, подметает. Это тетушка Марта. Сегодня она принесла мне хлеб. Он не нужен мне, этот немецкий хлеб, не нужен! Я хочу работать, я ведь очень сильный. Меканикусы все сильные, и Ян был сильным. Если бы он вырос, совсем вырос!.. Нет, я даром есть хлеб не хочу. Я хочу... Но что я могу один?..

Было совсем темно, когда в комнату вошел Фрезер. Он стоял за моей спиной и смотрел на Маас. Прикрытый заслонкой красный огонек дебаркадера против моего окна дробился на волнах спокойной реки. Узкой красноватой полоской вставало на горизонте зарево. Чугунные литые украшения на куполе собора, казалось, ожили.

— Горит нефтеперегонный завод,— тихо сказал Фрезер.— Вчера в Антверпене фашисты приказали евреям надеть специальные повязки, и все жители вышли с такими повязками.

— А как крестьяне-фламандцы?

— Вначале было плохо...

— Они поверили немцам?

— Поверили было, но когда пришли налоговые инспектора и началась реквизиция скота и хлеба, они быстро прозрели... И теперь германский солдат не рискнет в одиночку пройтись по улицам фламандской деревни. Видите это зарево? В Савентгейме пожар... Вы знаете, господин Меканикус, этот завод?

— Шинный завод? Знаю.

— Бельгия горит!..

Мы долго смотрели на реку. Потом Фрезер направился к выходу.

— Жак,— сказал я,— подождите. Я пойду с вами!

Фрезер живо обернулся.

— Я приду завтра...

И он пришел. Разложил на столе мое охотничье оружие. Критически осмотрел его.

— Нет,— сказал он,— не годится! Что вы можете делать?

— Я хорошо стреляю. У меня были призы.

— Что еще?

— Ну, я могу... Я хочу быть вместе с вами!

— Что еще вы умеете делать?

— Я ученый. Понимаете, Фрезер? Инженер-химик.

— Вы химик? Так почему вы до сих пор молчали?

Мы прошли в мою домашнюю лабораторию.

Фрезер был поражен.

— Да у вас... А еще молчали! Окна мы завесим... Вам нужен лаборант? Пришлю.

— Мне помогал Ян...

— Я пришлю вам человека. У меня есть на примете. А нам... нам нужен... такой материал, понимаете?

— Понимаю,— ответил я.— Это элементарно.

— Нам нужно много,— сказал Фрезер.

— У меня есть подвал.

— И в нем можно работать?

— В нем работали много веков, не совсем удачно, правда...

Никогда я еще не видел такого исполнительного механизма, одним из действующих частей которого я стал. Внизу, в подвале, сваривали трубы. Фрезер был хорошим электриком. Он присоединил сварочный аппарат к кабелю под нашим тротуаром. Я произвел несколько предварительных опытов, дал задание на сырье.

Какое-то необыкновенное спокойствие воцарилось в моей душе. И когда вдалеке слышались взрывы, когда мимо меня проносились немецкие санитарные автомобили, я особенно крепко спал в такие ночи.

Дом наш был очень удобно расположен. Им никто не интересовался, а может быть, сыграло свою роль и мое фламандское происхождение. Национальная привилегия в этом смысле меня вполне устраивала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«ПРЕСТУПЛЕНИЯ» РОДА МЕКАНИКУСОВ. СЕКРЕТ ПУРПУРНОГО ЛОСКУТА

I

И вот пришла долгожданная победа. Жизнь понемногу входила в свою колею. Я стал работать на химическом комбинате близ Льежа, дома бывал редко.

Иногда ко мне приходил Фрезер. Он продолжал борьбу. Правительство Пьерло приказало силам Сопротивления, мужественно боровшимся против фашизма, сдать оружие. Католические партии требовали возвращения короля-предателя на престол. Вновь поднимали голову бельгийские фашисты.

Фрезер рассказывал об этом с горящими глазами. Я любил этого человека, но не разделял его коммунистических взглядов. Мне казалось, что мир есть мир, что он хорош, каким бы ни был, и что все в конце концов устроится.

В первых числах мая я получил письмо из Льежа. В нем говорилось, что меня хотят видеть по делу моего отца, Юстуса Меканикуса. Я отправился по указанному адресу. В небольшой льежской гостинице меня ждал очень подвижной, несмотря на более чем преклонный возраст, человек. Он назвал себя. Имя это было мне знакомо, хотя сразу я не мог вспомнить, где и когда я его слышал.

— Много лет назад,— сказал мне Анри Рюдель, адвокат и «немного историк», как он себя отрекомендовал,— я знавал вашего отца, Юстуса Амедео Меканикуса. Вас тогда, простите, и в помине не было... В 1918 году я должен был неожиданно покинуть Париж... Для адвоката интересоваться, я бы сказал, слишком интересоваться, историей происхож-

дения богатств некоторых влиятельных фамилий небезопасно... Я вынужден был покинуть Париж. Да, да, голубчик! Мне так и хочется назвать вас Юстусом: вы удивительно похожи на него. Весть о его смерти застала меня в Южной Америке.

Только теперь я смог вернуться во Францию, только теперь! Все мои вещи были сохранены семьей привратника. Он сам, бедняга, давно умер. Все было свалено в одну из комнат. Но все уцелело. Даже письма, которые пришли ко мне сорок лет назад. Письма от людей, покинувших этот мир. Среди них был и пакет с очень любопытными бумагами, присланный вашим отцом.

Рюдель расстегнул свой портфель и вынул большой конверт. Чернила, которыми был написан адрес, выцвели от времени.

— Ваш отец,— сказал Рюдель,— просил установить подлинность некоторых фамильных документов семьи Меканикусов. Когда-то я специализировался по истории Арабского Востока, возился со старинными рукописями, увлекался расшифровкой, экспертизой, стал близок к криминалистам...

И вот я вернулся в Париж. Огорчаясь утратами и радуясь воспоминаниям, я перебирал старые письма, но мое особое внимание привлекли эти бумаги, особое! Перечитывая их, следя за удивительной судьбой этих документов, особенно одного из них, я вспоминал вашего отца. Итак, все эти документы, несомненно, подлинные и отвечают тем датам, которые стоят на них. Подпись Роджера Бэкона... Вы знаете, о чем идет речь?

— Очень хорошо знаю. Мы никак не могли объяснить причину вашего молчания,— поспешно сказал я.— Продолжайте, прошу вас.

— Так вот этот-то документ представляет для меня наивысший интерес...

Рюдель вынул из конверта старинный пергамент. Я сразу узнал его.

— Волею случая он сопровождал вашего предка Одо Меканикуса в странствиях, и многое отразилось на оборотной стороне пергамента. Некоторыми специальными методами я выявил все, что когда-либо было на нем написано. Смотрите: ясно видна запись, сделанная Роджером Бэконом, а вот, вглядитесь...

— Здесь написано по-латыни. Я различаю слово «константис», постоянный...

— Совершенно верно! — подтвердил Рюдель.— Эта надпись крупными буквами поперек пергамента не что иное, как мерзкое глумление над стариком Готфридом Компьенским, первым учителем Одо...

— Ее приказал сделать обманутый виконт?

— Совершенно верно! Мне она показалась очень важной. Если воспоминания Одо Меканикуса подлинные, а все — и бумага, и чернила, и манера письма, и стиль — говорит за это, то оставалось выяснить, правдивы ли они. Ваш славный мальчуган Одо Меканикус утверждает, что он снял этот пергамент с виселицы. Помните? Так почему же на оборотной стороне документа нет этой надписи? Непонятно... Мне пришло в голову, что надпись могли сделать не чернилами, а, скажем, древесным углем. И я установил, что это действительно так. Я вспомнил известный криминалистам случай, который произошел во время первой мировой войны, когда неожиданно выяснилось, что германская разведка умеет читать все, что написано даже без чернил. Вы слышали об этом? Нет? Я сейчас не помню подробностей, но дело заключалось в том, что германская разведка предложила одному государственному деятелю Франции продать за огромные деньги очень важный военный секрет. Для безопасности ему было предложено написать свое донесение не секретными симпатическими чернилами, а простой холодной водой. Оказалось, что как бы легко ни касалось листка бумаги перо, его острие рвет волокна верхнего слоя бумаги. Эти невидимые глазу разрушения обнаруживаются при помощи паров металлического йода.

Рюдель позвонил и попросил вошедшую горничную подать ужин.

— Итак,— продолжал Рюдель,— я приобрел кусочек металлического йода, испортил не один десяток листов, пока наконец решился внести в пары йода ваш документ. «Когда-то я умел делать ртуть постоянной...» — прочел я. Это была надпись виконта Адальберона. Одо Меканикус не лгал.

Я взялся за арабский текст. Документ был составлен учеником Джабира ибн Хайана, называемого также Гебером, в начале X столетия. В нем рассказывается об удивительном опыте, который произвел великий учитель «во славу аллаха» над веществом, добытым из насекомых, живущих на индийской смолистой смоковнице. Насекомые были ростом с комара и на длинных ножках. В результате опытов получили какой-то редкий, драгоценный краситель. По обычаям того времени, учитель с учениками, приготовив несложные приборы и разведя огонь, покидал свою лабораторию на три дня. Но во время четвертого опыта произошел любопытный случай, который и описывает автор документа. Один из учеников Хайана вошел в лабораторию до истечения трехдневного срока и не смог выйти оттуда. Когда его нашли, он ничего не видел и ничего не мог рассказать... Только через много месяцев он пришел в себя и сообщил, что, как только он подошел к сосуду, в котором получался краситель, он все забыл и сразу ослеп. В документе говорится, что, выздоровев, этот ученик все же не смог заниматься наукой и покинул своего учителя.

Я не большой знаток алхимической символики,— признался Рюдель, приглашая меня к столу, на котором был приготовлен ужин.— Я хотел было уже упаковать все эти листки и отправить их вам, как вдруг одна мысль встревожила меня... Уж очень странным было содержание вашего тайника... Не понимаете? Арабский пергамент — раз, записки Одо Меканикуса — два, торговая книга дома Меканикусов с записями от начала XVI столетия до 1572 года — три. Почему именно эти три документа были так тщательно спрятаны, какое отношение к Одо Меканикусу имеет торговая книга? Я решил повременить, тем более что спустя сорок лет вы меня все равно не ждали...— Рюдель рассмеялся.— Помог случай. На моем столе стояли цветы. Вы помните, вероятно, что все бумаги, которые ваш отец послал мне, были завернуты в лоскут, тоже найденный в вашем тайнике. Лоскут лежал на столе. Признаюсь, я им иногда вытирал пыль. Как-то во время поливки цветов лоскут намок. Я отжал и просушил его, и меня поразил его цвет — необычный, знаете ли, цвет.— Рюдель хитро прищурил глаза.— И я подумал: а не этот ли краситель описан учеником Хайана, не он ли придал волокнам этой материи такой блеск и цвет? Стал внимательнее перечитывать записи, сделанные в торговой книге, и огорчился. Не знаю, стоит ли говорить, но у меня какой-то разоблачительный талант, господин Меканикус...

— Говорите, господин Рюдель. Дела наших предков так далеки и так наивны по сравнению с нашим огненным временем, что меня ничто не может огорчить!

— Чудесно! Вы лишены спеси, это облегчает задачу. Так вот, ваши предки разбогатели благодаря

преступлению. Да, по законам того времени, они совершили преступление! Собственно, даже два, если хотите. Но так как сейчас XX век, а речь идет о середине XVI, то вы можете спать спокойно...

— Механикусы — все химики...— ответил я.

— Так вот, первое преступление Механикусов: ваши предки торговали краской индиго. Получали ее у купцов в Антверпенской гавани, затем перевозили вверх по Шельде и каналам в Маас. В торговой книге отмечены все платежи при всех перевозках. И характерно: каждая перегрузка индиго обходилась невероятно дорого. Записаны все взятки должностным лицам городов и таможен. Вы не видите здесь преступления? Но как раз в это время владельцы плантаций вайды, европейского кустарника, из которого добывалась синяя краска, заставили правительство запретить ввоз индиго из Индии. Ваши предки нарушали этот запрет.

— Я не нахожу в этом ничего страшного.

— Я тоже. Перейдем ко второму преступлению. Ваши предки, дорогой Механикус, торговали каким-то необыкновенным, драгоценным красителем. Они выдавали его за настоящий пурпур, ставший к тому времени величайшей редкостью. Продавали они его по баснословным ценам в монастыри, для окраски одежды кардиналов, епископов и прочих высших сановников церкви. Одновременно — факт, невиданный в истории средних веков,— эти краски продавались Востоку, правда, в очень незначительных количествах. Итак, краска, выдаваемая ими за пурпур, не являлась таковым. В этом заключалось второе преступление ваших предков.

— И это все?

— О нет! — Рюдель помолчал, а затем сухо добавил: — Огромное удовольствие доставил мне процесс разгадывания документов, присланных вашим покойным отцом. Но я деловой человек, господин Карл Механикус, и не скажу, что занятие историей и даже криминалистикой прибыльно для честного человека.

— У меня сейчас несколько затруднительное положение,— сказал я.

— Знаю, все знаю,— ответил Рюдель.— Вы только подпишете документ, которым обещаете мне десять процентов прибыли...

— Обещаю! — сказал я смеясь.

— Я попрошу вас дать мне расписку. Здесь все оговорено: «Только в случае успеха...».

Я вручил расписку Рюделю и сказал:

— Дорогой Рюдель, заниматься средневековыми красителями в наш век, когда ежедневно открываются десятки новых красящих веществ...

— Но если краситель — искусственный пурпур? — спросил Рюдель и прищурил глаза.

— Даже если это пурпур! Кстати, современная химия получает этот пурпур не из морских ракушек, как это делали древние финикияне, а синтетически...

Рюдель спрятал расписку и, подойдя к своему чемодану, раскрыл его и вынул бумажный сверток. Он медленно снял бумагу и, встряхнув рукой, развернул кусок материи невиданного красного цвета. Краска переливалась на сгибах. От лоскута нельзя было оторвать глаз!

— Вот во что были завернуты ваши документы!

Я записал адрес Рюделя и проводил его к поезду.

II

В первый же свободный вечер я взял перевод, сделанный Рюделем, и погрузился в его изучение. За этим занятием меня как-то застал полковой капеллан британской армии, которому я предоставил две комнаты в нижнем этаже. Капеллан был бельгийским священником, в эмиграции попал в английскую армию вторжения, участвовал в освобождении Бельгии от оккупантов и ждал демобилизации, чтобы вернуться в родной город, где-то возле Брюгге.

Вечерами Рене Годар (так звали капеллана) составлял мне партию в шахматы.

За игрой я и рассказал Рене Годару историю старинных рукописей, переданных мне Рюделем.

И Годар принял самое деятельное участие в разгадывании того, что удалось сделать Джабиру более чем тысячу лет назад. Перевод Рюделя и значки Бэкона говорили, что в обработке кармина какую-то роль играла морская соль. Вскоре нам удалось установить, что Джабир, сам того не зная, произвел бромирование кармина выделенным из морской соли бромом. Я произвел анализ красителя, которым был окрашен кусок материи, переданной мне Рюделем, и действительно обнаружил бром. В этом не было ничего удивительного: пурпур — чудесная, драгоценнейшая краска древнего мира — в современной химии называется диброминдиго. Две замечательные краски древности — индиго и пурпур — оказались близкими по химическому строению. Но как же понять таинственный случай, который произошел с учеником Джабира? Годара больше всего интересовала эта история.

— Трудно сказать, отчего упал в обморок молодой человек тысячу лет назад...

— А может быть, какой-либо из промежуточных продуктов представлял собой яд? — сказал Годар.— Не надо ли вести процесс под вытяжным шкафом?

Я произвел несколько опытов. Вскоре мне удалось выделить необыкновенную светло-малиновую краску. Я ее назвал дибромкармином.

Одна из крупных фирм купила у меня патент и решила построить цех для добычи этого красителя.

Мои дела поправились. Я отправил Рюделю письмо, в котором извещал его об удаче, и перевел на его счет некоторую сумму. Рюдель был в восторге.

Теперь я мог расширить мою домашнюю лабораторию, но вскоре произошли удивительные события, которые нарушили спокойное течение моей жизни. Неожиданно, уже после пуска цеха, я получил телеграмму: «Немедленно приезжайте, производство остановлено, массовое отравление рабочих».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СТРАННАЯ ЗАБАСТОВКА. ГОДАР ПРЕДЛАГАЕТ МОЛИТЬСЯ, ФРЕЗЕР—ИСКАТЬ

Я выехал вместе с Фрезером. То, что предстало нашим глазам, когда мы подошли к цеху дибромкармина, не поддавалось никакому объяснению. Цех был окружен невысоким, по грудь, каменным забором. Вокруг стояли люди. Это были жены, дети и друзья рабочих.

Что же происходило в цехе?

Рабочие стояли и лежали в самых различных позах у химических установок и аппаратов для производства красителя. Время от времени кто-нибудь из них вставал, шел ощупью, но, столкнувшись с горячими трубами работающих установок, вскрикивал и отползал назад. Странное зрелище, неожиданное для меня, ужасное и непонятное для всех окружающих! Инженеры толпились вокруг меня. Они тоже ничего не понимали.

— Спасательную команду! Почему не вызвали заводскую спасательную команду?

— Она там,— сказал инженер.— Но как только спасатели вошли в цех, они, несмотря на маски, присоединились к рабочим.

— Я подозреваю, что это забастовка,— сказал управляющий заводом, худой человек с огромным оскалом желтых, прокуренных зубов.— Это забастовка!

— Чепуха,— возразил инженер,— полная чепуха! Они там почти три часа. И, кроме того, там врач. Видите человека в белом халате; вон лежит и стонет возле аппарата?..

— Нужно немедленно вызвать спасательную команду из Шарлеруа! Расходов боитесь, что ли? Там, на шахтах, есть спасатели с кислородными приборами. Обычные маски здесь не годятся! — громко заявил Фрезер.

Управляющий зло посмотрел на него, но отдал распоряжение, и через несколько часов на завод примчались грузовики со спасателями.

Одного за другим выводили они пострадавших. Затем инженер надел кислородный прибор, вошел в цех и перекрыл трубы. Я тоже взял маску и присоединился к нему. Блеск кранов в нижней части реактора бросился мне в глаза. Я сам участвовал в монтаже оборудования. Не помню, чтобы мы ставили вентили из меди...

— Когда заменили вентили? — спросил я инженера.

— Вчера,— ответил он, снимая маску.— Но какое это может иметь отношение к случившемуся?

Дома я разыскал арабский документ Одо Меканикуса и внимательно перечитал его перевод. Не произошло ли с учеником Джабира то же, что случилось с рабочими?

Так вот что означал знак трехсуточного срока, повторенный трижды в переводе, сделанном рукой Бэкона! Но какое значение имеет медь? В арабском описании прямо говорится о том, что исходный продукт кладется в медный сосуд.

Наши розыски получили новое направление.

В опытную установку в различные узлы ее для получения дибромкармина мы клали медную пластинку. Опыт подтвердил: да, медная пластина вызывает образование летучего ядовитого газа.

Эти наблюдения привели к разгадке действия яда. «Медь — катализатор побочного процесса, причина аварии,— телеграфировал я дирекции завода.— Срочно удалите из линии все медные детали, прежде всего вентили».

Вскоре я получил печальный акт о состоянии здоровья потерпевших рабочих. Акт был подписан представителями профсоюза и виднейшими врачами Льежа. Отравление, вызванное неизвестным газообразным продуктом, бесследно прошедшее у двадцати восьми потерпевших, у семи вызвало стойкие формы помешательства. Особенно тяжело пострадали те, кто пробыл в атмосфере газа свыше трех часов. Полная или частичная потеря памяти, нарушение координации движений, нарушение зрения и слуха...

Горе ни в чем не повинных людей взглянуло на меня с листка официального протокола.

— Вы, Карл, невиновны, суд оправдает вас,— сказал Фрезер.

— Да, я не виноват... Но, Жак, Рене, поймите! Ведь без меня...

— Не было бы красителя? — с иронией спросил Фрезер.

— Да, хотя бы так,— ответил я.— Смотрите! Вот этот древний пергамент, с которого все и началось.

Я снял со стены арабский пергамент.

— На обороте ясно стоит значок Роджера Бэкона о трехсуточной выдержке... В переводе арабского текста, сделанном Рюделем, тоже говорится, что ученик Джабира, вошедший в лабораторию раньше этого срока, потерял память... Вот что означают слова: «Он забыл бога, и имя свое, и имена всех вещей»! Нет, я виноват...

— Нужно думать о друrом,— сказал Жак,— нужно думать о том, как помочь пострадавшим.

— Конечно, Жак, как ты мог предположить?.. Все, все, что я имею, принадлежит отныне не мне. Я все отдам, чтобы обеспечить семьи пострадавших, чтобы лечить заболевших.

— Нет, доктор Меканикус, только не благотворительность,— сказал Фрезер,— только не милостыня!..

— Нужно молиться...— тихо сказал Годар.

— Этим займетесь вы, Годар! — жестко сказал Фрезер.— А мы должны работать.

— Ты считаешь, Жак, что можно найти противоядие? — спросил я Фрезера.

— Да, нужно противоядие. Раз этот газ ослабляет память...

— ...то противоядие,— подхватил я мысль Фрезера,— может быть близким по составу и восстановит память?

— Вполне возможно,— проговорил Годар,— вполне возможно!

— Но вы-то откуда знаете? — удивился Фрезер.— Неужели на богословском факультете это изучают?

— Нет, не на богословском,— ответил Рене.— Я увлекался физиологией; у меня есть несколько скромных работ.

— Вы знакомы с физиологией? — Фрезер был обрадован и удивлен.— Вы могли бы нам помочь?

— Мне только нужно запросить разрешение. Вы, господин Фрезер, очень любите смеяться над моим духовным званием, над церковью. Но вы совсем забыли...

— Только не грозите мне карами небесными! — воскликнул Фрезер.— После оккупации ад для нас — рождественская открытка с голубками.

Новый день наступил для нас неожиданно. В моем кабинете пластами висел дым от сигар Фрезера, под утро закурил и Годар.

— Итак,— подвел итоги Годар,— перед нами нервный яд, ослабляющий какой-то раздел «запоминающего устройства» человеческого мозга...

Сразу же перед нами встала новая задача. На чем или, вернее, на ком проверять новые виды ядов?

— Для модели я взял бы собаку,— предложил Годар.— По расстройству ее рефлексов мы могли бы судить о действии того или иного вещества.

Через несколько дней дом огласился дружным лаем десятка собак. Фрезер и Годар сами оборудовали замысловатые клетки во дворе, построили сложные станки, в которых привязывались собаки во время опытов.

Фрезер — недюжинный радиотехник. Он собирал и ремонтировал передатчики для партизанских соединений Сопротивления, а теперь целыми днями не расставался с паяльником и радиодеталями. Комната, в которой работал Жак, была наполнена смолисто-сладким запахом канифоли и шеллака. Он собирал один за другим генераторы, в динамике которых слышался то нестерпимый визг, то грозное рокотание. Годар уверял, что генераторы нужны для выработки рефлексов.

Каждый вечер мы собирались и обсуждали события дня. Было решено создать целую гамму нервных ядов и опробовать их действие на животных. Мой старенький вытяжной шкаф уже не мог справляться, и пришлось устроить дополнительную тягу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГАЗ ПОЛУЧЕН. ГОДАР УЧИТ АЛЬМУ ГОВОРИТЬ

I

Сообщения из Льежа были неутешительны. В клинике, правда, оставались теперь только четыре человека, трое уже вернулись домой, но полной уверенности в их выздоровлении у врачей не было. Обретя вновь дар речи, они подробно описали свои ощущения. Только тонкие очертания движущихся предметов видели они в тот злополучный день.

Некоторые из веществ, созданных нами, не оказывали действия на нервную систему, другие вызывали немедленную смерть морских свинок, на которых мы проводили предварительные испытания. Мой кабинет был уставлен прозрачными, похожими на аквариум клетками. К ним подводился по шлангам газ, а после опыта подавался чистый воздух.

Все больше и больше заполнялась огромная таблица опробованных нами химических соединений, которую я повесил в своем кабинете. Мне выточили из цветной пластмассы, эбонита и органического стекла модели атомов. Каждый такой «атом» походил на сплющенный шарик, снабженный штырьком или выточкой для соединения. Я часами соединял «атомы» один с другим. Со стороны могло показаться, что я впал в детство и занят игрой-головоломкой.

И вот, как-то проводя синтез вещества, от которого можно было ожидать нужного нам действия, я как будто ощутил вдруг какой-то странный толчок...

Наконец-то я ясно представил себе, какой должна быть молекула противоядия, названного нами мнемоналом. Вот она, молекула мнемонала! Но что это со мной? Я ее вижу. Вот ее бензольные кольца, вот четырехчленное присоединенное кольцо с бромированным «хвостиком» углеводородных атомов. В составе молекулы тридцать пять атомов, я их вижу... Ну конечно же, только такое соединение может обладать действием, противоположным тому нервному яду, который вызвал заболевание рабочих!

Я стоял перед своей установкой, цветная жидкость переливалась и кипела в ее прозрачных узлах... И вдруг я перестал видеть — моя установка исчезла! Теперь мне казалось, что я плаваю внутри ее разросшихся гигантских ветвей, я могу ощупать блестящую поверхность каждого атома... Только сейчас я понял: газ, который мы искали, получен!

— Фрезер! Годар! — закричал я.— Откройте двери, окна, бегите из дома!.. Свет! Погасите свет общим рубильником!

Я старался не двигаться. Вскоре электроплитка, подогревавшая колбу с исходным веществом, стала остывать. Процесс прекращался. Вот появилась огненная полоса заката. Там окно! Я подобрался к нему на ощупь и распахнул его. Внутреннее видение исчезло. Привычный реальный мир снова окружал меня.

Допоздна мы обсуждали случившееся. Я отыскал и устранил небольшую течь в установке, через которую выходил найденный нами газ.

Назавтра я выехал на несколько дней в Льеж. В клинике с недоверием отнеслись к нашему предложению, но пообещали попробовать.

II

— Завтра,— как-то сказал мне Годар,— завтра мы покажем вам кое-что... Не так ли, Жак?

И они показали мне совершенно удивительное действие мнемонала. Годар и Фрезер провели серию опытов над собаками.

— Я надеюсь на совместное действие, на сочетание мнемонала и той системы выработки рефлексов, которую мы разработали с Фрезером.

— Неужели вы думаете превратить собаку в мыслящее существо? Зачем? Да и возможно ли это?

— Это важно и интересно, Карл!

— Но это бесполезно, Рене! Не думаешь ли ты сменить сутану на пестрый наряд клоуна? Ведь такой собаке место только в цирке!

В комнату привели Альму, молодую сильную овчарку.

— Приказывайте! — сказал Годар.— Она знает названия многих вещей. Ну, попросите ее что-нибудь достать, принести.

— Вашу шляпу! — сказал я, смеясь.

Разве я мог допустить, что собака поймет меня? Альма поняла. Высоко подпрыгнув, она сбросила с вешалки черный котелок Годара и, когда он покатился по полу, догнала его и протянула мне.

Альма внимательно вслушивалась в приказания и понимала меня, только иногда она колебалась и выполняла приказание неуверенно.

— Она еще не привыкла к вашему голосу,— сказал Годар.

— Черт возьми! — обронил Фрезер.— Я все время не могу поверить в то, что она не говорит!

— Возможно, она и заговорит...— сказал Годар.

Но работу с Альмой пришлось отложить: меня телеграммой вызывали в Льеж.

— Неужели фирма все-таки возбудила процесс? — тревожно спросил Годар.

Мы выехали втроем.

Нам была устроена восторженная встреча. Того небольшого количества мнемонала, которое я передал клинике, оказалось достаточно, чтобы вылечить всех пострадавших. Руководители клиники пророчили большое будущее новому способу лечения нервных заболеваний. Мою радость нетрудно представить: ведь чувство вины перед рабочими, перед их детьми и родными не оставляло меня до этого дня.

Я встретился с выздоровевшими рабочими. Они как бы заново прозрели, узнавали друг друга и своих близких и были очень удивлены, когда узнали,

как долго они находились в клинике. Перед зданием собрались товарищи больных. К нам подходили, жали руки. Один из рабочих до боли стиснул руку Рене; тот в этот момент держал граненые четки, и они врезались ему в ладонь.

— Рене,— сказал Фрезер, беря четки,— а ведь вам придется совсем расстаться с ними... Да-да, не смотрите так удивленно! Я наблюдаю за вами уже не один день. Вы настоящий ученый! Как только вы стали попом?

Фрезер вложил в слово «поп» всю иронию, на которую только был способен. И Годар впервые не обиделся.

— Это верно,— ответил он,— но я не мог иначе. Такова была воля моей семьи!

Утром к нам в гостиницу пришел представитель фирмы, выпускающей лекарственные вещества, и предложил заключить ряд контрактов. Он выписал на мое имя банковский чек, что было как нельзя кстати, так как я только что оплатил счет за лечение пострадавших рабочих.

Мы вернулись в Динан. И Годар вновь принялся за свои опыты с собаками.

— Это что-то из сказок Шехерезады,— как-то сказал я.— Волшебник понимает речь животных...

— А мы научим Альму говорить,— скромно ответил Годар.— Вот что мы наметили сделать!

Годар протянул мне небольшой листок бумаги. На нем была набросана схема какого-то радиотехнического устройства.

— Я вживляю Альме электрод, подвожу его вот сюда...— Годар быстро набросал на листке голову собаки, обвел контур одной уверенной линией и, не отрывая карандаша от бумаги, показал: — Вот сюда, к голосовым связкам. Электрод сделаем серебряный, изолируем и выведем на специальный ошейник. Здесь, на ошейнике, будет клемма, к ней подключим специальное устройство.

— Так, ну а кто все-таки будет говорить,— спросил я,— это специальное устройство или собака?

— Я не могу с вами разговаривать, Карл, вы все время смеетесь! Говорить будет... это устройство.

— Зачем же вам собака?

— Карл, это не шутки! Собака не будет говорить, собака не будет издавать звуки, но она будет управлять этим устройством. Понимаете? Это своего рода искусственный орган речи, управляемый биотоками. Мы с Фрезером решили, что наша Альма будет говорить тенором.

— Пусть лучше поет!

— Я не обращаю внимания на ваши выпады, Карл. Мы попробуем, но нужно верить в успех, во всяком случае мне, иначе трудно работать... Внутри этой коробочки Фрезер установит генератор звуковой частоты, и в маленьком динамике будет раздаваться непрерывный тон, высотой которого будет управлять Альма. Собственно, «управлять» — это не то слово, так как вначале она даже знать не будет о том, что рождающиеся в динамике звуки как-то ей подвластны, подчинены.

— Но как она догадается? Да, дело становится интересным!

— Ну вот видишь, Карл, а ты все смеялся! — Годар был счастлив.— Как сообщить ей, что у нее появилась возможность говорить? Это очень сложная и увлекательная задача... Сейчас мы думаем о другом. Фрезер считает, что он сможет усилить биотоки, подходящие к голосовым связкам собаки.

— Но ведь эти биотоки будут соответствовать обыкновенному собачьему лаю!

— В том-то и дело, что нет! Разве вы не замечали, Карл, как собака иногда просто страдает оттого, что не может назвать какой-нибудь предмет, что иные собаки точно понимают значение десятков слов? По-видимому, общение предков современных собак с человеком на протяжении тысяч лет не прошло бесследно, и только отсутствие органа речи мешает собаке говорить, пусть односложно, пусть крайне элементарно. Как часто Альма повизгивает, прыгает, тянет меня за полу сутаны, умильно смотрит на меня! Так и кажется: вот сейчас она что-то скажет. Ну, а если есть желание, то надо использовать импульсы, которые подводятся к голосовым связкам, усилить их — а Фрезер сможет усилить их в два — три миллиона раз,— и тогда в динамике раздастся не лай, а голос.

— А как думает Жак? — спросил я.— Ведь, насколько мне известно, он должен считать речь результатом длительных коллективных усилий? Так ведь у Энгельса? Речь — результат коллективного труда, речь — дитя труда.

— Жак тоже уверен в успехе! — быстро ответил Годар.— Замечания Энгельса... Не улыбайтесь, Карл, Фрезер познакомил меня с ними. Действительно, когда животное находится в естественных условиях, оно не испытывает никакого неудобства от неумения говорить. Но теперь, после тысяч и тысяч лет общения с человеком, прирученное животное, прежде всего собака и лошадь, обладает более податливой и чуткой нервной системой. Общение с человеком, участие в труде вместе с человеком привели к появлению новых чувств. Можно не сомневаться, что у них появилась потребность и в членораздельной речи, пусть примитивной. Препятствие только одно: отсутствие органа речи. Но стоит голосовым органам хоть как-то приспособиться, как животное начнет говорить, частично копируя, частично, в очень узких пределах, и понимая...

— Вы говорите о попугае? Но попугаи просто повторяют слова, не понимая их смысла!

— Это не так, это ошибка! Как ни мал запас слов у попугая, но, раздраженный, он будет выкрикивать ругательства, которым его научил какой-нибудь матрос, а захочет есть, будет просить лакомство и никогда не перепутает одного с другим. И это попугай! А собака обладает несравненно более развитым мозгом, ей только не хватает органа речи. И мы его создадим!

— И вы надеетесь объяснить ей, что вот, мол, к ее гортани приживлены две тонкие проволочки, называемые электродами?

— Конечно, все не так просто! Мне трудно сказать, на что я надеюсь...

Годар не сразу принялся за Альму. Он обложил себя учебниками и атласами по анатомии собаки. Он успешно прооперировал несколько других собак, и все они хорошо перенесли эту пробную операцию.

Фрезер появлялся все реже и реже: его захватили какие-то дела, связанные с забастовкой в Шарлеруа. Правда, его помощь и не очень была нужна: аппарат Фрезера — небольшая коробочка с батарейным питанием, собранным на полупроводниковых триодах,— работал безукоризненно. В него был вмонтирован крошечный динамик.

Мы опробовали его на биотоках действия человеческой руки.

Достаточно было положить руку на медную пластинку, соединенную с прибором, как в динамике раздавался очень сложный звук, похожий на низкий голос. Сожмешь руку в кулак — и звук становится выше. Распрямишь пальцы — и звук уже другой, вибрирующий.

Через несколько недель Альма совсем оправилась от операции, на ошейнике ее был серебряный контакт — выход вживленного электрода. Фрезер и Годар целыми днями вырабатывали у Альмы рефлекс на звуки различной высоты. Альма уже не бежала к кормушке на высокий звук: она знала, что только при низком звуке там будет лежать мясо. В ней выработалась реакция на высоту звука, на его протяженность.

Наконец к ошейнику Альмы подвесили весь аппарат вместе с динамиком. Теперь в комнате раздавались самые различные звуки. Альма долгое время не могла сообразить, что эти звуки связаны с ней, порождаются ее различными желаниями. Понять этого она не могла, но почувствовала скоро, и вот при каких обстоятельствах.

Годар настлал в клетке Альмы металлический пол, соединенный с индукционной катушкой, дававшей резкий и неприятный ток, как только в комнате раздавался звук определенной частоты. Альма вначале вела себя очень спокойно. Динамик, укрепленный у нее на груди, гудел и свистел, как вдруг среди беспорядочных звуков появился тон, на который включалась индукционная катушка. Альма вздрогнула и заметалась по клетке. Мне стало жаль Альму, и я ушел из лаборатории.

Через двадцать часов Альма успокоилась. Годар разбудил меня. И я, спустившись к нему, был поражен: Альма спокойно расхаживала по просторной клетке, выпила воды, съела подачку. Ее динамик по-прежнему беспорядочно гудел, но звук, включавший неприятный для Альмы электрический ток, не появлялся. Альма исключила опасный звук из диапазона своего искусственного «голоса». Она «поняла»! Этот опыт сыграл большую роль в дальнейшей тренировке Альмы: она стала внимательно следить за звуками, вылетавшими из динамика.

Следующим этапом была выработка рефлекса на пищу. Альма стала получать пищу только после того, как Фрезер или Годар включали автомобильный гудок, укрепленный на лабораторном столе. Альма очень быстро поняла, что этот протяжный звук гудка предшествует появлению пищи. Но гудок с каждым днем раздавался все реже и реже; все реже появлялась и пища. Какова же была наша радость, когда Альма после двадцати восьми часов голодания вдруг «нащупала» в своем искусственном «голосе» звук, близкий к тону гудка, за которым следовала еда!.. Специальное устройство, соединенное с кормушкой, тотчас же выбросило перед самым носом Альмы маленький кусочек мяса. Альма много раз издавала этот чудодейственный звук, и каждый раз перед нею появлялся очередной кусочек мяса.

— Она объестся! — сказал Фрезер.

— Пусть! — возразил Годар.— Но мы не можем, не должны «разубеждать» ее сейчас, иначе собьем ее, она перестанет понимать нас.

Альма действительно объелась. Фрезер вскрыл консервы, Годар устроил обыск в буфете. Сахар, ломтики колбасы и сыра, печенье, сосиски — все это засыпалось в бункер кормушки. И Альма, помахивая хвостом, уплетала и уплетала... Наконец она насытилась и уснула. Затаив дыхание, мы стояли перед ее клеткой. Даже во сне Альма повизгивала.

Вскоре удалось составить код условных звуковых сигналов на десятки вещей. Альма научилась издавать различные звуки, требуя воду, еду или просясь на прогулку. Иногда мы отключали от ее ошейника аппарат Фрезера. И Альма очень скоро поняла свою зависимость от этого серого ящичка с ременными застежками, ящичка, открывавшего для нее волшебный мир удовлетворенных желаний.

— Фрезер разрабатывает более совершенный преобразователь биотоков,— пояснил Годар.— Он хочет, чтобы она говорила. И я думаю, что нам удастся это сделать.

III

Не стану описывать всех последующих работ. Среди них были очень сложные.

Альма стояла в специальном станке. Чувствительные приборы чертили электрограмму ее мозговых импульсов, регистрировали малейшие подъемы и спады.

Часами перед ней на конвейере, а затем и на экране появлялись и исчезали предметы и вещи, люди и животные, комната оглашалась громкими и сложными звуками. Альма обучалась копированию звуков человеческой речи... «Слова» Альмы, малоразборчивые, но очень точные по высоте, постепенно становились все более и более членораздельными.

Называть предметы она еще не могла. Не могла, как мы ни бились... И вот однажды я положил в карман «Альмин голос», как мы в шутку называли аппарат Фрезера, и отправился с нею гулять. Альма была спокойна, не обращала ни малейшего внимания на встречных собак, которые везли на рынок тележки с молоком и овощами. В ней появилось что-то новое, резко отделяющее ее от сородичей. Мне казалось, что даже походка Альмы изменилась и что она иногда копирует прихрамывающего Годара и припадает на заднюю лапу, хотя Рене ручался, что Альма совершенно здорова.

Мы отошли довольно далеко от дома и очутились на берегу старого, заброшенного канала. Я прикрепил к ошейнику Альмы аппарат Фрезера. В динамике раздавался спокойный шум. Подошли к старинному каменному спуску с чугунными затейливыми перилами. Туман закрывал палубу большой баржи и медленно плыл над зеркальной поверхностью неподвижной воды. Альма уселась на площадке, а в это время на нижней ступеньке лестницы, у самой воды, показалась большая желтая кошка. Альма вскочила, натянула поводок и, не сводя с нее глаз, громко сказала: «КЭТЦ». Да, да, так и сказала! Я обомлел... У меня в кармане был кусок сахара, я дал его Альме, и она, разгрызая его, снова громко произнесла: «КЭТЦ»...

К моему великому сожалению, я не смог принять участие в новых опытах: меня вызвали в Брюссель для консультации. Вернувшись домой, я услышал ребячьи голоса. Они доносились из лаборатории Годара. Ребят было никак не меньше целого класса: в передней я увидел горку аккуратно сложенных ранцев и новеньких католических молитвенников, розданных по случаю окончания учебного года. Я осторожно подошел к двери. Ребята сидели вокруг Альмы, которая стояла на столе, и... разговаривали с ней! И ребята и Альма чрезвычайно серьезно относились к своему занятию, а Жак, отозвав меня в угол, сказал, что Альма делает поразительные успехи. Я слышал ее голос. Она говорила медленно, односложно, искажая слова, но все же говорила!

Счастливые месяцы! Мы много работали, вместе отдыхали, путешествовали. Годар покорил меня и Фрезера своей мечтательностью, незлобивостью и трудолюбием, глубоким интересом ко всему, что как-то было связано с жизнью, с ее законами, ее тайнами... Но иногда он запирался в своей комнате и писал какие-то длинные письма. Мы знали, что у Годара неприятности, но он не делился с нами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

В КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ С УДИВЛЕНИЕМ ВСТРЕТИТСЯ С ОЖИВШИМИ ТЕНЯМИ МРАЧНОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

I

Однажды к нам пришел одетый во все черное человек. Каждый его жест выдавал в нем священнослужителя. Он был красив, этот священник, очень красив и, по-видимому, умен. Посетитель говорил только по-немецки. И Фрезер, привыкший к фламандскому наречию, не сразу его понял. Назвавшись другом Годара, который уехал куда-то с утра, он спросил о его здоровье и занятиях. Я открыл было рот, чтобы сделать Годару вполне заслуженный комплимент как замечательному экспериментатору, но Фрезер пребольно наступил мне на ногу.

— Годар должен прийти с минуты на минуту,— сказал он.— Вы поговорите с ним сами...

— С минуты на минуту? — переспросил человек в черном и улыбнулся.

Я долго думал об этой улыбке, она и сейчас у меня перед глазами.

Годар не вернулся. Человек с умом ученого, с лицом аскета, с душой ребенка исчез бесследно.

За этим последовали печальные, страшные события. Развязка их скрыта от меня.

Фрезер взял Альму и выехал с ней на поиски Годара. Я не находил себе места. Глубокой ночью меня разбудили. Принесли телеграмму: «Приезжайте Марбург, несчастный случай Рене Годаром. Вас встретят».

Все формальности мне удалось закончить на следующий день. Фрезер еще не вернулся. Я оставил ему письмо и уехал.

Я не доехал до Марбурга. Меня встретили раньше, во время пересадки во Франкфурте. Встретили корректные и подтянутые, с военной выправкой господа, подхватили мой небольшой багаж и, объяснив, что они посланы Годаром, повели меня к большой светлой машине.

— Годар очень плох,— сказал один из них,— нужно спешить...

Машина шла на большой скорости. Я выглянул из машины: сзади и по бокам за нами следовали два небольших, но, видимо, мощных автомобиля, похожих на черных желтоглазых котов...

Вежливость и корректность моих провожатых исчезли, как только машина въехала в узкий дворик, окруженный высокой бетонной стеной.

Во дворе стоял большой дом старинной постройки. Меня проводили в узкую келью.

Дверь за мной захлопнулась. Окованная дверь; окно на такой высоте, что когда я стал на узкий стол, то не смог дотянуться до толстой решетки; железная койка... Тюрьма? Монашеская келья? На столе лежала стопка бумаги; легкая пластмассовая чернильница привинчена к доскам. При свете маленькой лампочки, висящей под потолком, я внимательно просмотрел листы бумаги. Они были пронумерованы водяными знаками.

Так в двадцатом веке я оказался в положении средневекового алхимика, похищенного владетельным князем. От меня, вероятно, потребуют моих знаний, моего умения. Но неужели они думают, что меня можно заставить? Но кто они?

Вечером меня перегнали, как перегоняют скот, из помещения в помещение. Вдоль стен коридора шпалерами выстроились мордастые молодые попы. Теперь я уже не сомневался, что нахожусь в руках какой-то католической конгрегации.

Из большой и светлой комнаты с тяжелыми решетками на окнах я прошел в еще бóльшую. Это была лаборатория. Какое-то странное чувство появилось у меня, когда я окинул ее взглядом. Ну конечно, это же моя домашняя лаборатория! Все было скопировано с невероятной тщательностью: так же расположен вытяжной шкаф, такой же формы высокая табуретка, сидя на которой я титровал... Я зажег спичку и поднес ее к газовой горелке; короткий хлопок — и она зажглась ровным пламенем.

За шумом горелки я не услышал шагов. Я поднял голову — передо мной стоял Фрезер. Жак Фрезер, растерянный и удивленный, непонимающе всматривался в мое лицо, а у двери чинно сидела Альма и, переминаясь с лапы на лапу, тихо повизгивала.

— Карл,— сказал Фрезер,— что ты тут делаешь? Где Годар?

— Кто звал тебя? Зачем ты здесь?

— Где Годар, что с ним?

— Годар? Кто знает, куда они упрятали его! Как ты сюда попал?

— Я получил твою телеграмму, Карл. Вот она...— И он протянул мне листок: «Приезжайте немедленно, нашел Годара. Карл».

— Ну что ж,— сказал я,— тебя и меня завлекли в ловушку. Возможно, и Годара тоже.

Я почувствовал облегчение: со мной был Жак. Но нас по-прежнему окружала неизвестность. Для чего понадобилось все это? Где Рене?

II

Ровно в 12 часов нам позволили выходить во двор. Старинный парк раскинулся у стен монастыря. Вдоль ограды была расставлена вооруженная охрана, на высокой, похожей на курятник вышке стоял часовой с пулеметом.

Неожиданно нас выручила Альма. К счастью, мы вели ее обучение на фламандском языке, родственном немецкому, и Альма усвоила сотню—другую простейших немецких слов. К тому времени она умела точно подражать звукам речи и, что всего удивительнее, точно передавать то, что слышала, даже если всего и не понимала. Она-то и приносила нам новости.

Альму беспрепятственно пропускали везде. Как-то ее долго не было. Вернулась она очень возбужденная. И едва Фрезер вынул из кармана аппарат и подключил его контакты к ошейнику, как она быстро заговорила:

— Альма ограда... сделала дверь... ходить гулять далеко...

Альме действительно удалось сделать лазейку под колючей проволокой. Фрезер замаскировал это место сухой листвой.

На следующий день произошел первый разговор с нашими тюремщиками. В просторном кабинете меня встретил учтивый пожилой человек.

Поглаживая маленькую ручную белочку, вцепившуюся в рукав его сутаны, он тихо и спокойно сказал:

— Разве вам чего-нибудь не хватает? Вы получили вашу лабораторию, приехал ваш помощник. Вы снабжены всем. Так работайте!

— Мне нужна свобода!

— А нам — ваш мнемонал! — откровенно и настойчиво заявил священник.— Поразительное открытие,— продолжал он льстиво,— поразительное!

Чудесное, я бы даже сказал, божественное! Вы будете богатым человеком, доктор Меканикус, очень богатым! Но никто не должен знать, над чем вы работаете. Мы от вашего имени предусмотрительно затребовали и изъяли все статьи, которые вы необдуманно разослали в журналы. Расторгли все ваши контракты. Только не вздумайте саботировать! Вы должны работать...

— А где Рене Годар? — спросил я.

— Кто? Как вы сказали?..— переспросил священник.— Рене Годар? Я впервые слышу это имя...

И я дал согласие. Какое счастье, что попы, как правило, неграмотны в технических вопросах! Для производства мнемонала я требовал самых невероятных реактивов. Мне доставлялось все и самого лучшего качества. Через несколько дней Фрезер уже смог собрать первую бомбу.

Для отвода глаз я синтезировал небольшую порцию мнемонала. Мысль использовать его для освобождения пришла нам почти одновременно.

— Жак,— сказал я,— мы будем делать этот проклятый газ!

Фрезер кивнул головой.

— Обязательно! И приготовим его много...

Я немедленно начал монтаж полузаводской установки. Монахи были в восторге... Зачем им понадобился мой газ, я не знал и даже не мог представить. Но они наполняли газом баллоны, установив для этой цели прямо под открытым небом довольно мощную компрессорную установку, связанную трубами с нашей лабораторией.

Вскоре нас посетило, по-видимому, какое-то важное лицо: грузный человек с мясистым носом, в роговых старомодных очках с толстыми стеклами. Как я понял, он был главой всей этой компании бравых попов. Я произвел на него, очевидно, хорошее впечатление. Он даже обошел вокруг и удовлетворенно осмотрел меня. В этот момент я особенно остро почувствовал себя приобретенной, вернее, украденной, вещью.

— Так вы и есть Карл Меканикус? — спросил он.— Вы самый химический химик, какого я когда-либо встречал!.. А это ваш помощник? Господин Фрезер? — Священник встретился глазами с Фрезером и неожиданно крикнул: — Обыск! Немедленно обыск!..

...Через двадцать минут бомбы, приготовленные нами, лежали на лабораторном столе. И наш гость, покачивая головой, восхищался их остроумному устройству...

Среди отобранных у нас вещей был и «Альмин голос».

— Приемник! Передатчик! Это ужасно!..— восклицали монахи, показывая друг другу аппарат.

Один из них уже было спрятал его в свой широкий рукав, как вдруг Альма, с тревогой наблюдавшая за тем, как ее «голос» переходил из рук в руки, грозно зарычала. Еще минута — и монаху плохо пришлось бы. Фрезер спас положение.

— Ничего, мы сделаем другой! — сказал он громко Альме.

Все возмутились нашему нахальству. Одна Альма правильно поняла Фрезера.

Бедная Альма!.. Когда монахи ушли, унося свои трофеи, она заметалась по лаборатории, медленно раскачивая опущенной головой. В эту минуту она была похожа на расстроенного человека.

Нас с Фрезером теперь никогда не оставляли в лаборатории одних. Из рук Фрезера пробирка сначала попадала в руки надсмотрщика и только после некоторого раздумья отдавалась мне. Приставленные к нам монахи следили за тем, чтобы мы снова не изготовили взрывчатку. И мы поняли, что можно надеяться только на мнемонал.

Неожиданно выяснилось, что вещества, применяемые в обычных противогазах, не поглощают его. Чего мы только не перепробовали!.. Наконец среди окислов металлов нашлись нужные нам надежные поглотители газа. Теперь можно было подумать и о маске.

III

Альма, разлученная со своим «голосом», тосковала. Она даже не выходила вместе с нами на прогулку. Как мы жалели, что не послали ее наружу с аппаратом для речи, когда еще могли это сделать! Как-то во время прогулки Фрезер показал мне засыпанный почерневшей листвой лаз, проделанный Альмой.

— А что, если послать Альму с запиской, как бросают бутылку потерпевшие кораблекрушение?

— Это, конечно, рискованно, но я надеюсь на Альму. Ей можно объяснить, как выглядит полицейский, и только ему она позволит снять с ошейника записку.

Фрезер написал небольшое письмо:

Господа!

К вам обращаются граждане Бельгии Карл Меканикус и Жак Фрезер, незаконно, обманным путем задержанные тайной религиозной организацией. Вся наша вина заключается в том, что мы открыли нервный яд большой силы. Цели религиозной организации, захватившей нас, нам неясны. Подозреваем, что наш товарищ по исследованиям Рене Годар, бывший священник, проживавший, как и мы, в городе Динане на Маасе, находится в тех же руках.

Спасите нас!

Собака приведет к монастырю, в котором мы

содержимся как пленники. Ответ можно переслать с собакой. Ошейник не снимать!

Карл Меканикус,
Жак Фрезер.

Жак набросал примерный план нашей тюрьмы, указал, где расположены лаборатория и наблюдательные посты, и прикрепил записку к ошейнику Альмы.

— Лишь бы она попала к полицейскому! — сказал Фрезер.— Во всяком случае, у человека, к которому Альма подойдет, наверняка будут портупея и пистолет на боку. Помоему, она меня поняла.

Альма отсутствовала несколько дней. За это время мы с Фрезером выкроили из автомобильной камеры кусочки резины и склеили две маски, закрывающие нос и рот. Это была трудная работа, так как контроль за нами усилился. В лаборатории теперь все время сидели пять — шесть молодчиков в сутанах. Исчезновение Альмы всполошило монахов, но они старались не показывать нам, насколько они взволнованы.

Вскрывая один из еще не распакованных ящиков с привезенными приборами, Фрезер обнаружил оборудование своей маленькой радиотехнической мастерской. Только то, что ящик был еще забит в день обыска, сохранило его содержимое. Среди прочего там нашлись миниатюрный микрофон и набор проводов и ламп.

Фрезер собрал усилитель почти на глазах у монахов. Ночью в своей камере на зажженной спичке он лудил медные проводники, наматывал сопротивления. Днем пропаивал особенно важные узлы длинным медным прутом. Со скучающим видом он помешивал этим прутом раствор канифоли, якобы по моему заданию, время от времени раскаляя его на огне газовой горелки. Быстрое движение — и блестящая слезка пайки ложилась на свое место. Это был самый ловкий фокус, который я когда-либо видел.

Особенно старательно мы работали последние дни. Во дворе выстроились штабеля баллонов с мнемоналом. Некоторый проблеск доверия монахов выразился в том, что мы теперь могли в любое время общаться друг с другом.

Альма вернулась на пятый день. Монахи чуть ли не обнюхали ее, но Фрезер, встретив ее у лазейки, успел снять с ошейника записку и пистолет-ракетницу! Содержание записки нас удивило, обрадовало и насторожило:

Господа М. и Ф.

С попами не ссоримся... После ракеты вас будет ждать машина у развилки дорог к северо-западу от монастыря.

Ваши друзья.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЖАК ФРЕЗЕР ПРОДОЛЖАЕТ ЗАПИСКИ. ПОБЕГ. КАК СВЕРШИЛОСЬ ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ

I

«Жак Фрезер продолжает эти записки. Карла Меканикуса больше нет. Я знал, что Карл держит свои дневники в термосе. Мой долг — довести до конца историю его жизни...

В тот день, когда вернулась Альма, ко мне в келью заглянул «мой» монах.

— Идите к доктору Меканикусу,— сказал он.— Через час по коридору нельзя будет ходить. До самого утра двери будут заперты.

Я отправился в соседнюю келью и передал Карлу это предупреждение.

— По коридору нельзя будет ходить? Так он сказал? — переспросил меня Карл.— Жак, они что-то затевают! По-моему, здесь ожидается какой-то съезд.

— Съезд?

— Да, да. Конгресс подлецов, не иначе!

— У меня все готово,— сказал я.— Пустим Альму...

Я постучал в дверь и попросил разрешения вывести на прогулку собаку.

— Только быстрее! — сказал монах.— Через полчаса закроем двери на засов.

Мы вышли в коридор, и я подробно объяснил Альме, что ей нужно делать. Карл ждал меня у двери с микрофоном в руках и свернутым тонким про-

водом. Я приоткрыл дверь. Альма взяла в пасть микрофон, быстро побежала по коридору и спряталась в темной нише возле стрельчатых дверей в зал. Провод тянулся вслед за ней, но в коридоре было достаточно темно, чтобы его никто не заметил.

Через несколько минут дверь заперли. Охране было не до нас, и мы могли заняться усилителем. Не скажу, что он мне удался, но слышно было довольно отчетливо. Вот открывается дверь, скрип... Я время от времени выключал и включал усилитель, так как очень боялся за самодельные батареи. Их могло хватить только часа на два. Вдруг в динамике что-то зашумело. Мы прильнули к нему.

— Альма вошла в зал! — сказал Карл.

И вот в наушнике раздался голос. Знакомый голос...

— Это тот, кто приказал сделать обыск,— сказал Карл.

То, что мы услышали, заставило нас забыть обо всем.

— Аббат Гильд здесь? — спросил тот же голос.— здесь. Благодарю вас... Господин д'Аку? Тоже здесь...— Наступила пауза, по-видимому, председательствующий на этом собрании собирался с мыслями.— Мне трудно начать, господа! — произнес наконец тот же голос.— Я волнуюсь...

В зале раздался легкий шум.

— Да, господа, я волнуюсь! — строго повторил голос, и шум мгновенно оборвался.— То, что предстоит нам сегодня, почти не имеет примера в истории. Я горд, я счастлив, я ослеплен перспективами нашего будущего, торжественностью этой минуты! И в то же время мне страшно. Да, мне страшно за тех, кто осмелится покинуть нас, за тех, кто изменил нам... Мне страшно за них, братья! Предоставленные сами себе, лишенные опоры в нашем обществе, они исчезнут, как исчезают мотыльки при дуновении первого холодного ветра...

Наступили новые времена, господа. И хотя политика Рима, непогрешимая и величественная, вела все к новым и новым победам, большие потери устлали наш великий путь. Я должен напомнить вам, господа и братья, время, когда здесь развевалось знамя со свастикой. Увы! Это время осталось в прошлом. Яростный и верный борец против международного большевизма, фюрер не понимал подчас наших усилий, и щедрая рука, которую ему протягивала святая церковь, нередко повисала в воздухе. Но кто, как не Рим, первый признал новое государство Адольфа Гитлера? Да, да, господа и братья, этот факт часто замалчивают, но именно Ватикан первый признал национал-социалистскую Германию. В этом я вижу указующее знамение божье. Мы поддержим всех, кто напишет на своем знамени: «Бог, собственность, антибольшевизм». А пока... пока нам надо заняться уловлением людских сердец...

Я кончаю... Благодарю за одобрение, которое властью, данной мне богом, читаю в ваших сердцах. Я уверен, что ваш новый орден, «Солдаты креста», выполнит возложенную на него историей задачу. Успех сопутствует уже первым шагам нашего молодого общества. Аббат Гильд, господа, расскажет вам о необыкновенном, божественном открытии, которое попало в руки нашему ордену,— открытии, в котором мы ясно видим милость господа нашего Иисуса Христа!..

В динамике зазвучал надтреснутый, но громкий голос аббата Гильда, по-видимому, опытного проповедника.

— Братья! — заговорил аббат.— Братья! В прошлое воскресенье я по предложению нашего духовного главы произвел во время богослужения удивительный эксперимент. Получив баллон с неким божественным газом и предварительно убедившись на самом себе в его полной безвредности, я поднялся на амвон и обратился к прихожанам с речью. Тема моей воскресной проповеди была «Ищите и обрящете».

Во время проповеди я рассказал верующим о чудесных явлениях, в истинности которых не может быть сомнения. По данному мною знаку служитель церкви открыл кран спрятанного за алтарем баллона с божественным газом.

«Думайте о боге! — взывал я к прихожанам.— Думайте о боге — и в своей неизреченной милости он явится перед вами». Стон удивления вырвался у моих прихожан. Они увидели бога! В этот момент перед моими глазами тоже возникла божественная картина. Несколько раз я повторил громким голосом: «Думайте о боге!» И каждый раз до моего слуха доносились вздохи и раздавались горячие молитвы.

Все тайное стало передо мной явным. Молитвы лились все горячей и горячей, пока концентрация божественного газа из-за сильного сквозняка в церкви не стала падать.

Прихожане выходили из церкви угнетенные, удивленные, обессиленные. Многие уже ждали меня у входа в исповедальню. Исповедь представляла для меня очень большой интерес, и ее результаты были удивительными. Господа бога видели почти все прихожане, но видели таким, каким они представляют его себе.

— Что это?! — вдруг раздался громкий голос главы нового ордена. (Мы с Карлом прильнули к динамику.) — Чья эта собака? Кто пустил ее сюда?

— Это собака доктора Меканикуса...

— Молчать! — резко закричал глава, голос его перешел в крик.— Хватайте ее! Это необыкновенная собака! Преступник Годар перед смертью сознался в том, что с помощью дьявола превратил ее в человека!..

Раздался топот. Кто-то, видимо, наступил на микрофон, в динамике что-то хрустнуло, и наступила тишина...

Я встретился глазами с доктором Меканикусом, он был полон непоколебимой решимости.

— Я начинаю! — сказал Карл и вынул принесенную Альмой ракетницу.— Приготовиться!

II

Как много может произойти за пять минут!.. Мне и сейчас трудно воссоздать в точности все события. Я помню, Карл выстрелил из ракетницы в окно кельи. Я стоял у двери и видел сквозь решетку, как в небе сверкнул синий след ракеты. Наш всегдашний сторож отворил дверь камеры и спросил:

— Это у вас такой шум?

Я тотчас же втащил его внутрь камеры, а Карл швырнул его на койку, связал проволокой и заткнул рот тряпкой.

Мы вышли в коридор и заперли келью на засов. Шум и крики все еще доносились из зала. Карл подбежал к стальной тележке, на которой стояли три баллона с газом. Надев маски так, чтобы в любой момент ими можно было воспользоваться, мы покатили тележку к двери в зал. Она, глухо стуча колесами по бетонному полу коридора, разгонялась все сильнее и сильнее. Толчок — и наш «таран» весом не менее четверти тонны с такой силой ударил в дверь, что вышиб одну из ее створок. Мы вошли в зал.

В центре зала была свалка. Человек тридцать, одетых в вечерние костюмы и в монашеские одежды,

барахтались по полу среди перевернутых стульев. Вдруг раздался дикий крик:

— Она кусается! Да помогите же!

Будто подброшенная пружиной, откуда-то из центра свалки выскочила Альма и бросилась к двери. Все устремились за ней, но Карл крикнул:

— Ни с места! — и выстрелил вверх из ракетницы.

Шипя и разбрасывая снопы синих искр, заметалась сигнальная ракета. Она три или четыре раза отскакивала от противоположных стен, и все бросались в страхе из стороны в сторону.

— Так это вы «солдаты креста»?! — насмешливо бросил Карл.

— Меканикус! — воскликнул глава ордена и сделал шаг к нам.

— Ни с места! — повторил Карл и поднял пистолет. — Слушайте вы, невежды! Вы лишили нас свободы, чтобы использовать мои знания для гнусного вселенского обмана! Вы хотели превратить химию в свою служанку! Обманщики и невежды! Если бы вы знали историю химии, моей науки, то вы поняли бы, что приходит время, когда те, кто создает, становятся сильнее тех, кто использует плоды их науки. Да, мои предшественники шли извилистым и трудным путем, они платили жизнью своей за каждую крупицу знания. Их похищали, продавали, подвергали пыткам в монастырях, десятилетиями гноили в ямах! Их заставляли искать несуществующее, решать нерешаемое... Но Великое Делание свершилось! Дни упорного, настойчивого труда сложились в века! Тонкие струйки знаний превратились в могучий поток, и химия, незаметная и скромная прислужница нарядной, но жалкой алхимии, превратилась в высокую и мудрую науку! Так свершилось Великое Делание!

Не слитки искусственного золота, а бесценные сокровища знания — его результат! И не вам, не вам, пришедшим сюда из самых страшных щелей человеческой истории, подвластен грозный двадцатый век! Я знаю, вы готовы на все ради привилегий и доходов, ради власти и денег, ради собственного брюха! Так вы у меня нажретесь, святые отцы, нажретесь!!! На всю жизнь будете сыты!.. Давай, Жак!

Я быстро накинул на рот маску и обеими руками повернул кран. В ладонь ударила свистящая струя «божественного газа». С минуту мы смотрели на то, как обмякли тела этих негодяев. Последние слова Меканикуса запомнились им, и они непрерывно жевали, чавкали и жевали, безвольно опускаясь на пол.

Мы вновь взялись за тачку и погнали ее назад по коридору. По пути Карл открыл еще несколько баллонов. Мы осторожно вышли во двор. Газ, по-видимому, уже успел охватить всю территорию монастыря. Два вооруженных послушника, стоя на коленях, ощупывали друг другу лица и громко смеялись. С тяжелым баллоном на плечах мы прошли мимо них, но они не заметили нас. Вот и колючая проволока. Ее непрестанно ремонтировали в последнее время... А-а, они подвели к ней высокое напряжение!.. Карл подошел вплотную к смертоносной проволоке и поставил перед собой узкий и длинный баллон. Потом он толкнул его на проволоку и отскочил в сторону. Баллон окутался роем электрических искр; он упал, порвав проволоку, и замкнул ток высокого напряжения. Проход свободен...

Мы увидели дорогу. Вот в кустах стоит большой автомобиль... Скатили вниз баллон, спустились сами. Карл сел за руль, и машина ринулась вниз по извилистой ленте шоссе. Я обернулся: нас догоняла Альма. У развилки мы посадили ее в машину, сняли маски...

III

Густой туман встретил нас в долине. Карл затормозил. Из тумана одна за другой выступили спокойно бредущие белые коровы. Миром и спокойствием повеяло от этого запоздалого деревенского стада. Мы проехали еще минут десять, как вдруг туман рассеялся, и мы увидели группу военных, стоящих по обеим сторонам дороги. Один из них выступил вперед, и я узнал в нем солдата оккупационных войск мощной капиталистической державы... Так вот кто помог нам освободиться! Это им Альма передала наше письмо!..

Мы остановились и огляделись. Невдалеке стояли автомашины, на которых приехали военные...

— Знакомая собачка! — воскликнул один из них, приближаясь к машине.— Наша старая знакомая!..

— Мы благодарим вас за помощь! — сказал Карл.

Офицер, кажется, капитан по чину, наклонился ко мне и, взяв из моих рук ракетницу, прошептал:

— Выходите из машины, в ней нельзя оставаться! Хотя,— он взглянул на часы,— хотя время еще есть... Мы ведь должны были себя обезопасить...— Последнюю фразу он бросил в сторону, но я ее хорошо расслышал.

Капитан что-то крикнул, и нас окружили офицеры. Среди них был генерал.

— Так вы и есть Меканикус? — спросил генерал.— Я, поверьте, очень рад знакомству!.. Ах, так в этом баллоне ваш газ?.. Если правда, что это настоящий нервный газ, вызывающий... как ее... ну, что нам нужно?..

— Слепоту, генерал, временную слепоту,— подсказал капитан.

— Вот именно, слепоту... Если он не уступит ни немецким ядам, ни тому, что известно нам, то мы озолотим вас. Такой газ — идеальная вещь, господа, идеальная! Водородное оружие уничтожает просто все и всех! Бактериологическое — уничтожает людей, но сохраняет заводы, оружие... Мы сейчас же испытаем ваш газ, конечно, не здесь... Но что вы делаете? Господин Меканикус!..

Карл набросил на свое лицо маску и жестом приказал мне повернуть кран. Альма сжала мою кисть зубами, так она всегда давала нам знать о присутствии газа...

Когда я пришел в себя, мимо нас мелькали заборы и домики какой-то деревни. Карл сосредоточенно вел машину.

— Ты сделал это красиво, Карл! — сказал я.

Меканикус помолчал, потом спросил:

— Ты помнишь Сычикова, того русского, что был у нас в отряде? Мы звали его Жоржем. В таких случаях он говорил: из огня да в полымя...

Проехав сотню километров, уже на рассвете мы остановились. Из моей головы не выходили странные слова, сказанные мне капитаном: «Вам нельзя оставаться в машине...», «Время еще не вышло...» Что он хотел сказать?

Мы внимательно осмотрели машину. Ничего подозрительного не было.

— Ты боишься мины? — спросил меня Меканикус.

Я подозвал Альму и поднес к ее уху часы.

— Альма,— сказал я,— ищи! Слышишь, тик-так, тик-так? Ищи!

Альма быстро обошла вокруг машины и стала царапать кожаное сиденье. Под сиденьем был маленький цилиндр, я извлек его. Карл осторожно взял его у меня из рук. Белая черточка на ободке почти совместилась с тонким острием на крышке. Меканикус поднес цилиндр к уху. Теперь и я услышал ясное тикание. Карл размахнулся и швырнул цилиндр в рощу. Он промахнулся... Мина ударилась о ближайшее дерево. Раздался взрыв, и, когда я подбежал, Карл был уже без сознания...

В ближайшей деревне пожилой хирург с интересом рассмотрел несколько маленьких, чуть кровоточащих ранок на груди у Карла и, отмахнувшись от моего сбивчивого рассказа, приказал отнести больного в операционную. Два с половиной часа длилась операция. Чего только я не передумал, сидя в полутемной приемной комнате! Сестра, помогавшая при операции, вынесла завернутые в салфетку влажные осколки, извлеченные из ран Карла. Наконец вышел врач, сдвинул на лоб прозрачный козырек, закурил...

— Он скончался,— сказал хирург.— Я старался спасти ему жизнь!

Хирург задумчиво перебирал лежащие на столе осколки.

— Я оперировал солдат рейха под Варшавой и Воронежем,— продолжал он,— я был ведущим хирургом госпиталя в Африке, в Бенгази. Боже мой, сколько осколков я извлек за это время! Целую гору, мой друг, целую гору! Во время прогулки пострадавший случайно наткнулся на мину, так, кажется, вы мне говорили? Не верю, нет, не верю! Он был бы жив, но организм так ослаблен...

Хирург встал и, звякнув зажатыми в широкой ладони осколками, подошел к телефону. Я поспешно вышел из комнаты.

Карла Меканикуса похоронили на следующее утро. Я все видел издали, из-за ограды. Священник и знакомый мне хирург сопровождали гроб. Потом все ушли, и я перелез через ограду.

Какая мягкая, влажная земля на могиле последнего химика из рода Меканикусов! С трудом я увел Альму. Она забилась на заднее сиденье в машине, и мы начали свои блуждания.

Я носился по шоссейным и проселочным дорогам, не думая ни о правилах движения, ни о чем... Когда меня пытались задержать, я накидывал на рот маску и открывал баллон... Постепенно мои действия становились более целеустремленными. Я ехал на восток, все время на восток!..

У шлагбаумов я открывал баллон и вел машину дальше. Меня провожали выстрелами.

Сейчас, когда я дописываю эти заметки, мне стало ясно, что я уже час или два нахожусь в Советской стране. Я приложу их к дневникам и записям Меканикуса... Буду просить убежища в Советском Союзе — в стране, откуда пришло освобождение моей родины от фашистов, где меня не достанет ни черная рука католических монахов, ни тупая и кровавая военщина. Мы еще поборемся!..»

* * *

На этом оборвались записи на листках, вынутых из термоса.

Что произошло в машине, почему погиб Фрезер?

Клименко считает, что баллон с газом приоткрылся от сотрясений машины и газ ослепил Фрезера. Альма схватила его за кисть руки, чтобы предупредить, но было уже поздно...

Сегодня Клименко с самого утра у меня. Пользуясь схемой, составленной Фрезером, он старается собрать аппарат для «голоса». Альма сидит рядом и внимательно следит за работой: она понимает, чем занят Клименко...

Вот она нетерпеливо прикоснулась металлическими шишками своего ошейника к контактам аппарата, и в комнате раздалось жужжание. Звук не понравился Альме, и она взмахнула лапой, будто говоря: «Ну, скоро?! Скоро ли?!»

Вы, наверное, уже подумали о том, что хорошо бы во время каникул провести звеньевой вечер дружбы. Соберетесь у кого-нибудь дома или в школе под елкой, поиграете, потанцуете, послушаете музыку. Каждый, конечно, приготовит какой-то сюрприз для всех...

Ну, а когда вы вволю навеселитесь, вам захочется попить чаю. Вы сядете за стол. И все у вас будет по-настоящему: красиво накрытый стол с тортом, с печеньем, с пирожными собственного изготовления...

А мы предлагаем вам несколько простых рецептов на вкусные вещи к чаю. Очень вкусные, пальчики оближешь!

ТОРТ, КОТОРЫЙ НЕ НАДО ПЕЧЬ

500 г печенья, 300 г орехов,
1 банка сгущенного молока.

Печенье купите самое дешевое, мелко покрошите его, добавьте к нему измельченные грецкие или любые другие орехи, вылейте банку сгущенного молока и все тщательно размешайте. Полученную массу выложите на тарелку или на блюдо, придайте форму круглого пирога и дайте постоять минут тридцать под небольшим грузом. Потом посыпьте торт сахарной пудрой, украсьте орехами и подавайте на стол. Торт хорошо режется.

ОЧЕНЬ ВКУСНЫЕ СУХАРИКИ

500 г муки, 250 г сливочного масла или маргарина, 150 г сахарного песку, 1 яйцо, 1 столовая ложка молока, ½ чайной ложки соды, соль, ваниль.

Часть муки замесить с маслом. Когда масло разомнется, прибавьте сахар, ваниль, столовую ложку молока, яйцо, соду, соль, высыпьте остальную муку и замесите. Поставьте на час на мороз, чтобы тесто загустело. Возьмите половину теста, раскатайте так, чтобы получилась лепешка, толщиной в палец, и вырежьте из него разные фигурки особыми формочками или колечки стаканом и рюмкой. Не берите сразу все тесто, так как оно трудно раскатывается. Пеките в нежарком духовом шкафу.

Сухариков из указанного количества продуктов получается много, и они действительно очень вкусные!

МУСС ИЗ КЛЮКВЫ

2 стакана клюквы,
2 яичных белка,
2 стакана сахарного песку.

Клюкву переберите и промойте в холодной воде, разомните ложкой или деревянным пестиком в тарелке и протрите сквозь волосяное сито или отожмите через двойной слой марли. Выжимки от ягод залейте ¼ стакана холодной кипяченой воды и процедите.

Эту воду и сок смешайте вместе, положите сахар и охлажденные яичные белки.

Очень важно проследить, чтобы вместе с белком не попала даже маленькая частица желтка.

Взбивать мусс лучше всего на улице или в холодной комнате. Взбивать металлическим венчиком или вилкой до образования пенистой массы (минут 15—20).

НЫТИКОВ:

— Вот это по мне. Тащите все сюда скорей... Мне некогда, меня ждут на странице 70-й.

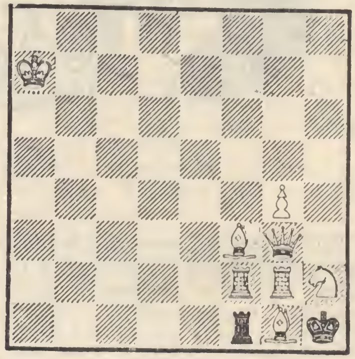

В стране шаха — владыки черных и белых полей

Дошло до нас, что наступили школьные каникулы. Веселее станет в царстве моем. Ведь многие из вас, конечно, сразятся в шахматном турнире, подумают над хитроумными задачами. Пожалуйте, пожалуйте в страну черных и белых полей.

КОРОЛЬ В ЗАПАДНЕ

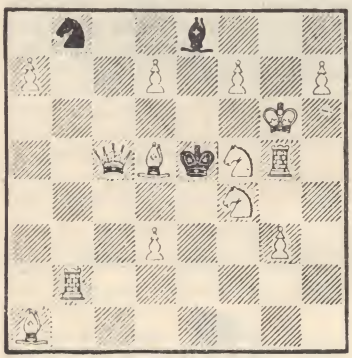
А здесь черный король попал в западню. Со всех сторон окружили его фигуры белых. Только одна ладья защищает черного короля. Но ладья эта работает изо всех сил. Вот потому-то и не просто дать мат в три хода.

47 РЕШЕНИЙ

В этой позиции мат в один ход можно сделать сорока семью способами.

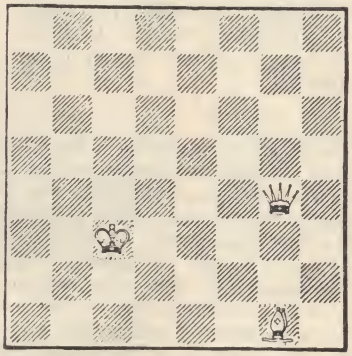
Важную роль при этом выполняют пешки, которые добрались до седьмой горизонтали. Сейчас будет дан старт, и каждая из этих пешек сможет превратиться в любую фигуру...

КУДА ПОСТАВИТЬ КОРОЛЯ

Поставьте черного короля так:

1. Чтобы этому королю был мат.

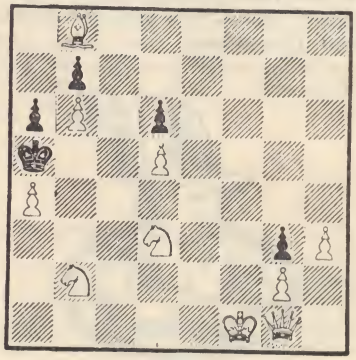

2. Чтобы ему был пат.
3. Чтобы белые могли дать мат черному королю в один ход.

ГРОЗНЫЕ КОНИ

В этой задаче главная роль принадлежит коням. Белые дают мат в два хода.

Напоминаю вам, что во всех задачах первый ход делают белые.

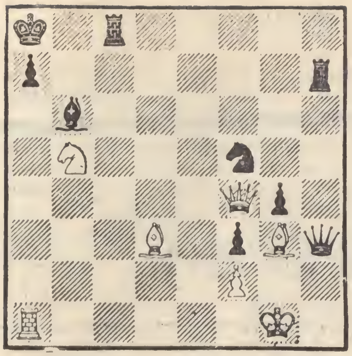

ЗАДАЧА, КОТОРОЙ 200 ЛЕТ

Составил эту задачу в середине XVIII века шахматист из Сирии Филипп Стамма.

Посмотришь на диаграмму и сразу видишь: дела белых очень плохи. В самом деле, белый король чувствует себя очень неуютно, ему грозит мат и на h1 и на g2. И все же белые не только могут избежать поражения, но и сами дают мат в 4 хода (см. след. диагр.).

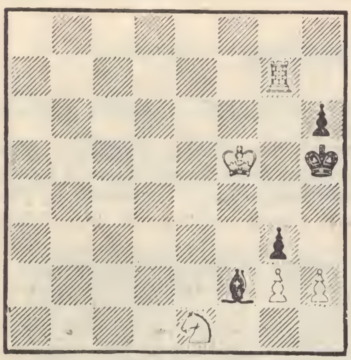

КАРЛ XII В БЕНДЕРАХ

Шведский король Карл XII, разбитый Петром Первым, отсиживался в Бендерах, в замке, который был осажден его неверными союзниками — турками.

Карл XII любил играть в шахматы, а здесь, в замке, чтобы отвлечься мыслями от мрачных событий, он особенно часто проводил время за шахматной доской.

Как-то играл Карл с одним из своих приближенных, и получилась у них такая позиция:

Карл воскликнул:

— Даю мат в три хода!

В этот момент зазвенели осколки стекла, турецкая пуля влетела в окно и сбила с доски коня e1.

Карл не растерялся.

— Ничего, ничего,— сказал он,— теперь я сделаю мат в четыре хода.

Но тут новая пуля сбила пешку h2.

— Мы попали на линию огня,— хладнокровно сказал Карл.— Но вам ничего не поможет. Я даю мат в пять ходов.

Попробуйте и вы, ребята, найти все три решения этой необычной позиции.

КАК ПРОВЕСТИ ТУРНИР

А теперь я хочу вам рассказать, как провести турнир и получить спортивный разряд по шахматам. Для начала пятый разряд.

Еще за несколько дней до каникул заранее узнайте, кто будет играть в турнире. Всех ребят надо записать, договориться, чтобы на игру они приходили со своими шахматами.

Если желающих играть будет много, обязательно разделитесь на группы. Надо, чтобы в каждой группе было одиннадцать — двенадцать человек.

Дело в том, что для получения спортивного разряда надо сыграть не менее десяти партий. Вот и выходит, что играющих должно быть одиннадцать — двенадцать.

Если у вас мало любителей шахмат, можно устроить и такой турнир: будут играть пять или шесть человек, но только уже по две партии, каждый с каждым.

Основное правило, которое надо твердо соблюдать,— ни в коем случае не берите ходов обратно. Это уже будет несерьезная игра, она ничему не научит. Перед тем как сделать ход, подумайте как следует.

Бывает и так. В турнире начинают все охотно играть. А потом проиграет кто-либо — и готово: потерял интерес к соревнованию! И на игру не приходит и партии не заканчивает.

Такие поступки нетоварищеские, неспортивные. Ведь партии с выбывшим шахматистом обычно не засчитываются в результат турнира.

И еще совет: чтобы лучше проходил ваш турнир, достаньте такую небольшую книжечку, «Шахматный кодекс СССР». Там приведены все правила турнирной игры. И расписание есть для участников. Можно знать заранее, кто с кем играет и каким цветом: белыми или черными.

ШАХМАТНАЯ ВИКТОРИНА

1. В какой повести И. С. Тургенева подробно говорится о шахматах?

2. Какой великий русский писатель организовал в 1862 году шахматный клуб в Петербурге?

3. Кто из замечательных русских музыкантов играл в шахматы с бывшими чемпионами мира Ласкером и Капабланкой?

4. Почему появилось такое название в шахматной теории — «Русская партия»?

5. С какого времени проводятся шахматные первенства мира? Назови семь чемпионов мира.

Вопросы, которые здесь приведены, можно использовать для проведения викторины на вечере любителей шахмат в школе.

Ответы на вопросы шахматной викторины

1. В повести «Несчастная».
2. Н. Г. Чернышевский.
3. С. С. Прокофьев.
4. «Русская партия» — дебют, разработанный в середине прошлого века русским мастером А. Д. Петровым.
5. С 1886 года. В. Стейниц, Эм. Ласкер, Х. Р. Капабланка, А. Алехин, М. Эйве, М. Ботвинник, В. Смыслов.

Что нам читать?

РУЧАЕМСЯ—ЭТО ИНТЕРЕСНО

«Что нам читать?» — спрашиваете вы. Вопрос своевременный перед каникулами! Книг хороших много, и на все вкусы.

Вы что больше любите? Книги о жизни ребят? Путешествия и приключения? Рассказы о научных открытиях, о тайнах и загадках окружающего мира? На всякий случай советуем вам разные книги на разные вкусы. Ручаемся за одно, что это интересно.

НЫТИКОВ:
— Как, и на каникулах читать? На каникулах отдыхать нужно! (Смотри страницу 77.)

Когда налетает шторм

...Они были одни: дерево и мальчик. Погладив дерево, мальчик сказал:
— Старик, будь спокоен! Мы выручим тебя!..

Собирая старую бумагу, мальчик мечтает о прекрасном зеленом мире деревьев, спасенных от зубов лесопильных машин. Еще он мечтает о море: вдруг в конце квартала за углом окажется настоящее море, которого он никогда не видал! Этот мальчик — Денис Кутиков, герой книжки Н. НАДЕЖДИНОЙ «Я ВИЖУ МОРЕ».

Денис — обыкновенный школьник, каких можно встретить всюду. Что с ним случается, могло случиться с тобой или с другими ребятами твоего двора...

Бывает так: живет человек, и все кругом просто, ясно, гладко. Это вот хорошо, а то плохо. Так поступать не следует, а надо поступать эдак. И вдруг жизнь завяжется таким узлом, что и концов не найдешь и спросить не у кого, как быть, что делать, что правильно, что неправильно.

Именно так получилось с Денисом. Ему пришлось решать трудную житейскую задачу за себя и за Леньку Лахтина. Оказалось, что в самом обыкновенном дворе обыкновенного дома подчас требуется не меньше мужества и стойкости, чем в суровом море в свирепый шторм.

Под небом Италии

Буква «П», а рядом веселый и проворный Чипполино. Это значок пионеров Италии. С таким значком на груди под треугольным отрядным знаменем борются за счастье, за хлеб, за землю дети маленького бедного итальянского селения Валлескуры бок о бок со своими отцами и матерями.

Великое переселение батраков, захват полей, битва на дамбе, борьба с наводнением, столкновение с герцогским сыном — обо всем этом, а также о том, кто такие Хромоножка, Барышня, Крепыш, Красный, Бомба, Завитушка, Люли, вы узнаете, прочитав книгу писателя МАРЧЕЛЛО АРДЖИЛЛИ «ПИОНЕРЫ ВАЛЛЕСКУРЫ».

«Я умею прыгать через лужи»

Правда, странное название у книги? Прыгать через лужи... Что же тут особенного! Да, но если у человека ноги парализованы?

Это книга о мальчике с сильной и смелой душой в слабом, больном теле. Сильная душа побеждает слабое тело. Мальчик, почти неспособный ходить, становится ловким и смелым наездником, и это только одна из его больших и прекрасных побед. Автор книги **АЛАН МАРШАЛЛ** переносит вас в Австралию, в годы своего детства. Прочитав книгу, вы узнаете маленького Алана и других мальчиков, его верных друзей. Узнаете умных взрослых, многое сделавших для победы больного над самим собой.

Ровесница из прошлого

Повесть **Л. НЕКРАСОВОЙ «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ»** рассказывает о судьбе девочки Маки, о первых годах революции, о том, как Мака потеряла своих близких, о злых и добрых людях, которые встречались ей на пути.

Словно соломинку в водовороте, бросало и кружило Маку по стране, охваченной пожаром гражданской войны, голодом, разрухой. И все же она нашла свое счастье. Как? Не скажем! Прочитайте книгу.

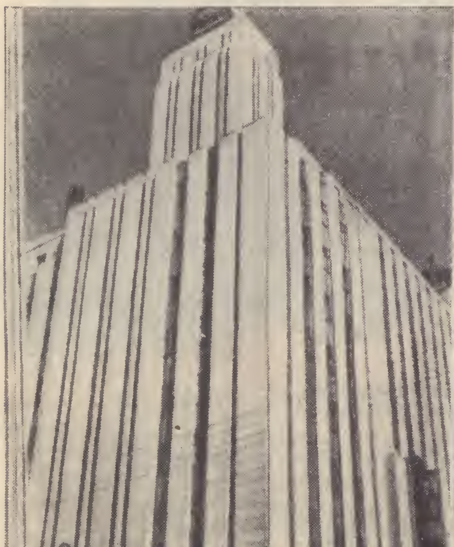

Волшебная палочка дружбы и труда

Ею владеет «куриная фея» — Рената Либиг и совершает с ее помощью удивительное превращение. Хорст Эппке по прозванию «Али-баба», который больше походит на сорок разбойников, становится уважаемым человеком школьного коллектива. О связанных с этим событиях вы узнаете из книги немецкого писателя **ГАНСА КРАУЗЕ «АЛИ-БАБА И КУРИНАЯ ФЕЯ»**.

Вокруг света за 12 дней

Это путешествие — вокруг света за 12 каникулярных дней — может совершить каждый из вас. И не нужно для этого ни корабля, ни самолета, ни ракеты, ни поезда. Транспортным средством будут книги — чудесные книги, повествующие о неведомых странах, далеких и близких, о грозных силах природы, о жизни племен и народностей, населяющих нашу планету, о приключениях и открытиях. Книг таких сколько угодно. Чтобы перечитать все, не хватит не только зимних каникул, но и целого учебного года. Давайте заглянем сейчас в некоторые из них, посмотрим хотя бы картинки, как это любят делать все ребята. И тут же запишем для памяти названия этих книг.

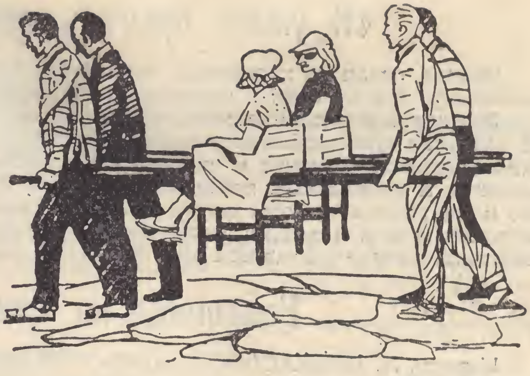

Вот перед вами два жилища. Большой, просторный, многоэтажный дом и нищая берлога, темная дыра, где даже зверю жилось бы плохо. А в таких берлогах, оказывается, живут люди!

И не потому, что им не нравилось бы жить в хорошем доме, а потому, что хороший дом в Африке — для белых колонизаторов, а берлога — для негров порабощенного материка.

Это картинки из книги известных чешских путешественников **ГАНЗЕЛКИ И ЗИКМУНДА**. Запишите название: **«АФРИКА ГРЕЗ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»**.

Эти каменные гиганты с надменными лицами неведомо сколько веков высятся на скалах и холмах маленького, отрезанного от всего мира островка в Тихом океане. Откуда они? Кто их изваял из камня? Кто их расставил по всему острову? Об этом и до сих пор строят догадки, ведут споры ученые разных стран. Попытку приподнять завесу над тайной великанов острова Пасхи сделал норвежский путешественник Хейердал, тот самый, что переплыл океан на плоту.

Возьмите карандаш и запишите: «АКУ-АКУ». Так называется новая книга ХЕЙЕРДАЛА. А если вы не читали «ПУТЕШЕСТВИЕ НА «КОН-ТИКИ», пометьте и его.

Белый рикша, человек, впряженный в ярмо нужды и голода, тащит другого человека, богатого и сытого, не знающего, куда девать свое время и свои деньги...

В наши дни, а не во времена крепостного права живут белые рикши! Это французские безработные, которых видели в большом приморском городе писатель ПОЛЕВОЙ и художник ВАСИН, совершившие плавание вокруг Европы на теплоходе «Победа». «ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ» называется книга Б. Полевого, рассказывающая об этом путешествии, внесите и ее в свой блокнот.

Мы показали только три картинки из трех книг, но есть и другие, с помощью которых вы можете продолжить свое путешествие вокруг света. Вот, например, книга известного ученого и писателя И. А. ЕФРЕМОВА, рассказывающая о том, как советские палеонтологи нашли древних ящеров в красных песчаниках пустыни Гоби. Запишите и эту книгу. Она называется «ДОРОГА ВЕТРОВ».

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВСЕЛЕННУЮ

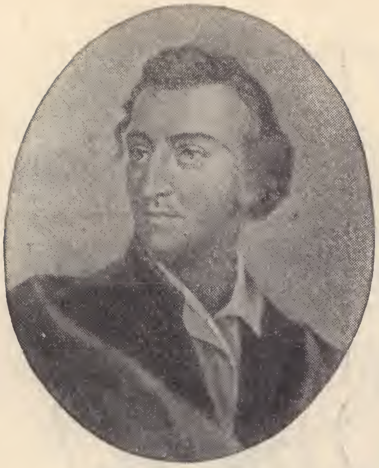

О чем эти книги, говорят их обложки. Мы попросили фотографа сделать для нас «портреты» интересных книг о космосе, о нашей и других планетах, о спутниках планет, естественных и искусственных. Четыре из этих книг научные, а две — фантастические, о путешествии людей на Венеру. Пока еще авторы романов описывают Венеру каждый на свой вкус, так как об этой планете мало что известно. Но уже недалеко то время, когда и она перестанет быть объектом вымышленных путешествий.

Читайте, ребята! Пусть книга будет вашим верным товарищем на каникулах, как лыжи и коньки.

Эту страничку мы посвятили великому немецкому поэту Фридриху Шиллеру. В нынешнем году исполнилось 200 лет со дня его рождения.

Материал для странички прислали наши немецкие друзья из газеты «Ди троммель».

Фридрих Шиллер.

Вся деревня играет «Вильгельма Телля»

Неподалеку от немецкого города Мейнингена, в предгорьях Ренских гор, в стороне от больших дорог, раскинулась небольшая деревня Бауэрбах. Здесь в 1782—1783 годах жил великий поэт Фридрих Шиллер. Здесь, в Бауэрбахе, закончил он знаменитую драму «Коварство и любовь» и приступил к пьесе «Дон-Карлос».

И вот недавно в Бауэрбахе состоялся праздник, посвященный Шиллеру. Восемь дней длился фестиваль. Крестьяне и рабочие Бауэрбаха подготовили к этим дням постановку героической драмы Шиллера «Вильгельм Телль».

Нелегкой была работа над пьесой: среди ста двадцати человек, занятых в спектакле, не было ни одного профессионального актера. Участники постановки учили роли после трудового дня на поле или на фабрике. Им нужно было к тому же благоустроить свой зеленый театр в долине, да и всю деревню пришлось подготовить к приему гостей.

В Бауэрбахе всего 385 жителей. И вот получилось так, что в спектакле приняли участие представители чуть ли не каждой семьи. Многие из этих семей гордятся тем, что участие в шиллеровских спектаклях стало для них традицией, переходящей от поколения к поколению.

В дни фестиваля со сцены деревенского театра опять звучали слова из «Вильгельма Телля»:

Мы поклянемся в верности союзу:
Клянемся быть одним народом братьев,
Не расставаться ни в какой беде.
Клянемся быть свободными, как предки,
И рабской жизни смерть предпочитать.

ТЕЛЛЬ, ЗАЩИТНИК НАРОДА

Сказание о стрелке Вильгельме Телле — одно из прекраснейших героических сказаний.

С именем бесстрашного Телля швейцарцы связывают память о победоносной борьбе народа против чужеземного ига. Телль — легендарное, вымышленное лицо. Но подобные ему герои существовали в Швейцарии на самом деле, на самом деле прогнали они австрийцев с горделивых Швейцарских гор...

Об этой борьбе рассказывается в драме Шиллера «Вильгельм Телль». События, показанные в пьесе, относятся к далекому — даже для Шиллера далекому — XIV веку. Но почитайте драму, и вы сразу почувствуете, как горячо, как страстно звучат речи героев. В уста борцов за свободу и независимость Швейцарии поэт Фридрих Шиллер вложил свои сокровенные мысли и чувства, свою пламенную любовь к свободе и горестные размышления о судьбах своей родины — ведь в первые годы 19-го столетия, в годы, когда был написан «Вильгельм Телль», Германия была захвачена наполеоновскими войсками.

ХРАБРЫЕ портняжки

Кто сшил вещи, которые вы носите: платье, кофточку, лыжный костюм? Купили в магазине? Или мама? А сами вы можете сшить себе такие? Наверное, еще не пробовали. Да и взяться страшно, правда ведь?

А что, если сейчас, в каникулы, поучиться шить? Беритесь смело, и все получится!

Посмотрите, какие красивые и модные вещи мы предлагаем вам сделать: зимний сарафанчик, юбочку, нарядный фартук. Сшейте их из старых вещей: из маминого платья или юбки, которые она уже давно не носит, из своей прошлогодней формы...

Сарафанчик (рис. № 1) лучше всего сшить из шерстяной или плотной хлопчатобумажной ткани. только, конечно, не из пестрой, а из однотонной или клетчатой.

Лиф у сарафана спереди с мягкими вытачками-защипками, сзади — с застроченными вытачками. Юбка в сборку, спереди у нее два шва, сзади — один, посредине.

На рисунке № 2 вы видите нарядную юбочку из однотонной ткани. Она сшита из двух одинаковых полотнищ ткани и густо собрана у пояса. Юбка отделана декоративной тесьмой и большими карманами, застегивающимися на пуговицы. Место, где накладываются тесьма и карманы, на чертеже обозначено пунктирной линией.

Фартук (рис. № 3) из льняного полотна украшен несколькими рядами декоративных тесемок. Как их расположить, видно на рисунке.

Для сарафана, юбки и фартучка мы даем выкройки в уменьшенном виде (1 : 10). Сделайте по нашим чертежам выкройки в натуральную величину (цифры на чертежах для вас обозначают сантиметры), сделайте их из газеты и примерьте на себя.

Все выкройки мы даем для 36-го размера, то есть на девочку 12—13 лет. Выкройки даны без припуска на швы.

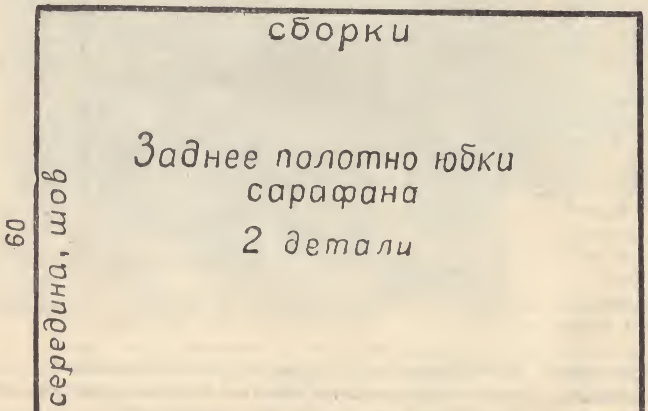

Рис. 1

Рис. 2

САРАФАН

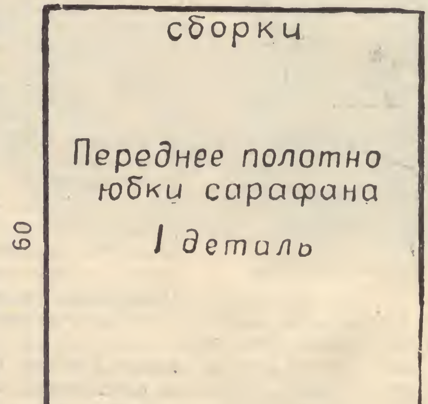

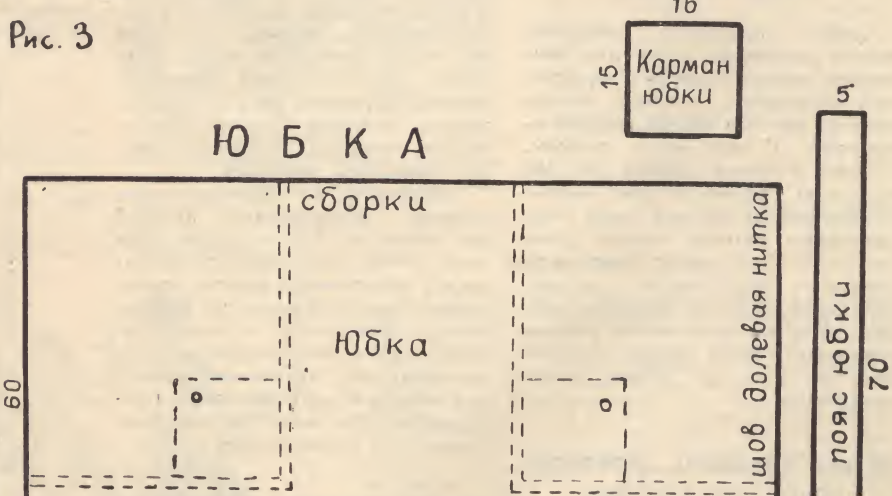
Рис. 3

ФАРТУК

Ю Б К А

Модели Э. Власовой и Ю. Денисовой.

НА КАНИКУЛАХ

ГЛАВНОЕ — НЕ СТЕСНЯТЬСЯ

Вальс! Вспыхивают огни на елке, школьный бал начинается. И вот уже кружатся, кружатся легкие пары, стремительно и плавно проносятся одна за другой.

Но почему не танцуют эти ребята? Почему они все время жмутся к стенке? Ой, как скучно смотреть на них! Как тоскливо им самим, хотя они изо всех сил стараются не показать этого.

Не будьте такими. Учитесь танцевать! Не беда, что раз, другой отдавите друг дружке ноги. Неловкость, неуклюжесть скоро пройдут. Главное — начать, главное — не стесняться.

Начнете учиться танцевать, и вы вообще станете более стройными, ловкими, подтянутыми. Не будете задевать за углы и косяки... А ведь с вами иногда такое случается? Признайтесь! Шаг у вас станет легким, пружинящим, вы расправите плечи, приучитесь прямо держать голову.

Обязательно учитесь танцевать, а мы вам поможем.

ТАНЦУЕМ ВАЛЬС

Чтобы научиться танцевать вальс, достаточно знать два движения: правый поворот и «дорожку». «Дорожку» выучить совсем просто, так что самое главное — поворот. С него мы и начнем. Полный поворот вальса (на 360 градусов) состоит из двух частей и исполняется на два такта. Музыкальный размер вальса (один такт) — ¾. Это значит, что ритм вальса — непрерывное повторение счета: раз, два, три; раз, два, три... Прежде чем начать учиться танцевать в паре, каждый должен разучить поворот вальса самостоятельно.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ПОВОРОТА

(Счет: «раз, два, три»)

Станьте лицом по движению, или, как говорят, по линии танца. Ноги поставьте в третью позицию, то есть пятка правой ноги приставлена к середине ступни левой и носки развернуты в стороны, так, как показано на рисунке. Такое развернутое положение ног называется выворотным. В вальсе

Третья позиция.

ноги должны быть все время в выворотном положении.

Итак, начинаем. Сделайте шаг правой ногой вперед, начиная поворачиваться вправо (счет: «раз» — первая четверть), затем шаг левой ногой, еще больше поворачиваетесь вправо, и вот уже вы стоите спиной по линии танца (счет: «два» — вторая четверть), подтяните правую ногу к левой в третью позицию (счет: «три» — третья четверть). Это схема первой половины поворота.

Проделайте ее несколько раз подряд, поворачиваясь каждый раз точно на 180 градусов. Для того, чтобы эта схема превратилась в полуповорот вальса, поднимитесь на полупальцы на втором шаге и опуститесь в конце третьего шага с полупальцев на ступни обеих ног, заканчивая движение плавным, чуть заметным приседанием. Все шаги должны быть легкими и скользящими.

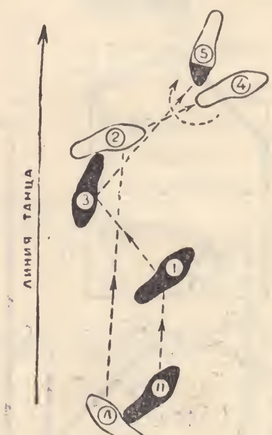
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ПОВОРОТА

(Счет: «раз, два, три»)

Вы стоите спиной по линии танца. Ноги в третьей позиции. Сделайте шаг левой ногой в сторону (счет: «раз» — первая четверть), вес тела на левой ноге, поворота пока нет. Занесите правую ногу внутренней стороной носка за пятку левой, то есть выворотно (счет: «два» — вторая четверть), не спеша повернитесь на полупальцах обеих ног вправо, так, чтобы оказаться лицом по линии танца (счет: «три» — третья четверть). Проверьте, поворот должен быть ровно на 180 градусов. То, что мы сейчас разучили,— это схема второй половины поворота.

Проделайте эту схему еще раз, но уже со следующими условиями: первый шаг должен идти по диагонали назад и в сторону (больше в сторону, чем назад). При этом следите за тем, чтобы левая нога сохраняла выворотное положение. Занося на втором шаге правую ногу носком за пятку левой, ставьте ее близко (но не вплотную, иначе вам не удастся повернуться), так, чтобы поворот без дополнительных приставок заканчивался третьей позицией.

В окончательном виде поворот исполняется так: поворачиваться после «заноса» надо очень плавно, без всякого усилия корпуса, на полупальцах. Вес тела больше на левой ноге. На счет «три», как и в первой половине поворота, следует опуститься с полупальцев и чуть заметно, мягко присесть.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

КАК СДЕЛАТЬ ПОЛНЫЙ ПОВОРОТ!

Станьте лицом по линии танца, ноги в третьей позиции. Сделайте первую половину поворота (1-й такт — счет: «раз, два, три»).

Вы оказались спиной по линии танца. Продолжайте поворот вправо, выполняя только что разученную вторую половину поворота. Вот вы и вернулись в исходное положение (2-й такт — счет: «раз, два, три»). Теперь можно все начать сначала: первую половину, вторую, снова первую и т. д. Хорошенько потренируйтесь. Сначала, раз тридцать, сделайте поворот очень медленно, под счет, потом побыстрее, еще быстрее.

ОДНОМУ ПОВЕРНУТЬСЯ ЛЕГКО, В ПАРЕ ТРУДНЕЕ

И это действительно на первых порах так. Потому что ошибки, неуверенность одного передаются другому, и вы сбиваетесь.

В пары для вальса надо стать так.

Станьте в пару для вальса. Девочка должна стоять лицом по линии танца, мальчик — спиной (смотрите рисунок). Значит, девочка начнет вальс с правой ноги вперед (с первой половины поворота), мальчик начинает с левой ноги в сторону (со второй половины поворота). Потом девочка танцует вторую половину поворота, мальчик — первую и т. д. Все время одновременно они исполняют разные половины поворота.

Не пытайтесь сразу кружиться в быстром темпе.

Особенно внимательно следите, выворотно ли вы ставите ногу в первом шаге второй половины поворота и не сократился ли первый шаг с правой ноги в первой половине.

Помните, что, кружась в вальсе, надо все время двигаться вперед, по линии танца. А для этого на каждый такт вы должны поворачиваться ровно на 180 градусов. Деление поворота вальса на две половины чисто условное и не должно отражаться на плавном и непрерывном характере танца.

ПЕРЕХОДИМ К «ДОРОЖКЕ» ВАЛЬСА, А ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО САМОЕ ТРУДНОЕ УЖЕ ПОЗАДИ

Нельзя танцевать вальс, только кружась в одну сторону. Это и утомительно и делает танец однообразным.

Здесь-то и нужна «дорожка».

Станьте по одному, лицом по линии танца и пройдите маршем под музыку вальса, делая на каждый счет (каждую четверть) один шаг. Это непривычно, но несложно, если внимательно слушать музыку.

Пройдите еще раз, но теперь на полупальцах. Колени подтянуты, но не напряжены. Шаги небольшие.

Теперь попробуйте на каждый третий счет мягко опуститься с полупальцев ноги, вышедшей вперед, на всю ступню. В момент, когда вы опускаетесь с полупальцев, другая нога одновременно выносится вперед.

«Дорожка» исполняется легко и плавно. Одна «дорожка» вальса занимает три счета («раз, два, три»—один такт). Следите за тем, чтобы на первый счет не делать большого шага. Все шаги «дорожки» одинаковы по размеру. В парах партнер чаще всего делает дорожку, отступая назад и начинает с левой ноги, партнерша движется вперед и начинает с правой ноги.

На первых порах весь танец лучше всего строить так: сочетать два полных поворота вальса (четыре такта) и четыре такта «дорожки». В дальнейшем вы будете больше кружиться и реже переходить на «дорожку». Так, например, удобно сочетать двенадцать тактов вращения и четыре такта дорожки.

Ну, а как поворачиваться влево? Точно так же, как и вправо. Действуют все те же правила, но, конечно, начинаете уже с другой ноги и поворот делаете влево. Однако мой совет — не спешить с левым поворотом. Переходите к нему лишь тогда, когда хорошо научитесь кружиться вправо.

Еще вас, наверное, интересует, как избежать головокружения. Самое главное — привычка, но есть и маленький секрет: не смотрите во время танца по сторонам и тем более на пол или потолок. Смотрите только вперед по линии танца.

Итак, танцуйте вальс! И главное — не стесняйтесь!

Леонид Школьников

Кто, ребята, следил за похождениями Нытикова (начиная с 16-й страницы), тот поймет и этот рисунок: скучные, тоскливые были каникулы у Нытикова!

ВОЛШЕБНАЯ ЕЛКА

Если ваше звено хочет приготовить к школьному новогоднему празднику интересный сюрприз для всех, то сделайте такую волшебную елку, какая нарисована на последней странице обложки.

Все, конечно, надо подготовить заранее. Лучше всего елку установить на сцене.

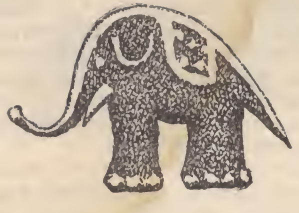
Через блок, укрепленный на потолке над тем местом, где должна вырасти елка, перекиньте веревку-«ствол» и напрочно закрепите ее на полу. Начертите от центра этой, основной, веревки круг, забейте по кругу на равных промежутках друг от друга гвозди. Закрепите на них шнуры. Свободные концы шнуров соберите, поднимите под потолок и там привяжите к центральной веревке. Теперь начинайте привязывать еловые ветки, как показано на рисунке (смотри IV страницу обложки).

Елку надо украсить игрушками, можно даже иллюминировать разноцветными лампочками, (шнур от лампочек вместе с центральной веревкой пропускается через блок). Елка готова.

Очень осторожно отпускайте центральную веревку, елка сложится на полу. Закройте ее сверху листами белой бумаги, лучше всего гофрированной, так, чтобы этот бугор был похож на сугроб.

В нужный момент тяните веревку, и елка, сбросив с себя «снег», большая, нарядная, словно по волшебству, вырастет на глазах у зрителей.

ФИГУРНЫЕ ПРЯНИКИ

На новогодний стол можно поставить маленькую елочку, украшенную конфетами, яблоками, фигурными пряниками. Пряники испеките сами по нашему рецепту. Они получаются не только красивые, но и вкусные.

Рисунки, по которым мы предлагаем вам вырезать пряники, очень простые и славные.

Нарисуйте эти фигурки сначала на бумаге, увеличив их раза в два—три, а потом вы и из теста перочинным ножом легко сможете вырезать такие и разрисовать глазурью.

Медовые пряники. 1 стакан меда, 1 стакан жира (лучше всего свиной смалец, но можно масло или маргарин), 1 стакан сахарного сиропа (как он готовится, смотри ниже), специи: 1 чайную ложку корицы в порошке и 5—6 растолченных зерен гвоздики и душистого перца. Все смешайте в кастрюле и вскипятите.

Кипящую смесь не спеша, осторожно вылейте в тазик или миску с мукой (3—4 стакана муки), хорошенько размешайте—у вас получится масса, по густоте напоминающая сырковую массу. Выложите ее на доску и, еще горячую, месите руками, прибавив 1—2 стакана муки. Раскатайте тесто, нарежьте полосами в 12—15 сантиметров ширины и дайте остыть часа два — три (можно на подоконнике). Когда тесто, остыв, затвердеет, вырезайте перочинным ножом фигурки и складывайте их сразу на противень. Обрезки сложите в кастрюлю и поставьте в таз с кипятком, чтобы они отмякли, тогда их можно будет снова раскатать и использовать.

Пряники пекутся минут 10—15. Вынув их из духовки, не снимайте с противня, а дайте остыть, иначе

сломаете. Расписывайте пряники, когда они совсем остынут, глазурью из фунтика (смотри ниже) и еще немного подсушите на чуть теплой печке или на батареях отопления.

1) Сахарный сироп. ½ стакана сахарного песку, непрерывно помешивая, пережгите на чугунной сковородке. Когда сахар расплавится и станет темно-коричневым, влейте ½ стакана кипящей воды и дайте сахару растаять в кипятке.

2) Глазурь. Сотрите один яичный белок с неполным стаканом хорошо просеянной сахарной пудры; если глазурь получится слишком густая, влейте 1—2 чайные ложки лимонного сока.

3) Фунтик сделайте из пергамента или кальки (очень хороша бумага из-под печенья в коробках или пачках). Склейте фунтик наглухо, подсушите, затем ложечкой положите в него глазурь, сверху бумагу заверните. Обрежьте ножницами кончик фунтика на 2—3 миллиметра и, осторожно надавливая сверху, расписывайте пряник.

Н. Бруни

Содержание журнала «Пионер» за 1959 год

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

СТИХИ

СКАЗКИ

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

ИЗ РАССКАЗОВ О ЛЮДЯХ СЕМИЛЕТКИ

ИЗ ЗАПИСОК ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

БУДЬ ГОТОВ!

(Пионерские ступеньки)

КРАСНЫЕ ГАЛСТУКИ НА СТРОЙКАХ СЕМИЛЕТКИ

СПОРТ

НАУКА И ТЕХНИКА

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

ИСКУССТВО

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

На обложке этого номера: Рисунок О. Траскиной «Возвращение из похода».

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА**

Редакционная коллегия: **В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева, Г. Я. Тимофеева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 08367. Подписано к печати 1/XII 1959 г. Тираж 504 000 экз. Изд. № 1724. Заказ № 2551.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

50 к.

